

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 10 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бакин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Правовая идеология и правовая справедливость

Утяшев М.М. Государственная защита прав и свобод личности в античном мире 3

Лихтер П.А. О категории «общее благо» в истории философско-правовой мысли и современной конституционной аксиологии 11

Славова Н.А., Лещенко И.И. Церковно-государственные отношения в Российском государстве (историко-правовой аспект)..... 17

Ахмедов Р.М. Роль и значение Десятинной церкви в устройстве Древнерусского государства 25

Бредихин А.А. Государственная идеология и идеологическая функция государства: соотношение категорий 28

Ткаченко С.В. Правовая идеология как объект рецепции права..... 32

Юридическая техника: многообразный опыт

Оглезнев В.В. Теория определений Иеремии Бенетама..... 39

Шестакова Л.А. Изменение доктрины ювенальной юстиции под влиянием идей гуманизма и наук о человеке (на примере концепции индивидуализации обращения с правонарушителем)..... 45

Зайнутдинов Д.Р. Делегированное правотворчество как основа правовой системы социал-демократической антибольшевистской государственности (1918 г.)..... 53

Аронов Д.В., Кошелева С.В., Смирнов И.М. «Проект конституции А.И. Гучкова»: опыт сравнительного изучения и политико-правовой характеристики..... 60

Латыпов У.А. Административно-правовое обеспечение экономического суверенитета России во второй половине XIX — начале XX в. 67

Галас М.А. Международные и внутрисударственные репатриационные инструменты конца 1930-х — первой половины 1940-х гг.: советский опыт 74

Никитина А.П. Правовое регулирование деятельности николаевских лоцманов в начале XX в. 80

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 11. Усл. печ. л. 11.

Номер подписан в печать 23.09.2019.

Номер вышел в свет 03.10.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 10 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legal Ideology and Legal Justice

Utyashev M.M. State Protection of Personal Rights
and Freedoms in Classical Antiquity 3

Likhter P.L. On the Common Good Category
in History of the Philosophical and Legal Thought
and Modern Constitutional Axiology 11

Slavova N.A., Leschenko I.I. Relationships between
the Church and the Government in the Russian State
(a Historical and Legal Aspect)..... 17

Akhmedov R.M. The Role and Meaning of the Church
of the Tithes in the Structure of Kievan Rus 25

Bredikhin A.L. State Ideology and the Ideological
Function of the State: Correlation between Categories ...28

Tkachenko S.V. Legal Ideology
as an Object of Reception of Law 32

Legal Writing: Diverse Experience

Ogleznev V.V. The Jeremy Bentham's Theory
of Definitions 39

Shestakova L.A. Change in the Juvenile Justice
Doctrine under the Influence of the Ideas of Humanism
and Social Sciences (on the Example of the Concept
of Individualization of Dealing with an Offender) 45

Zaynutdinov D.R. Delegated Law Making
as a Basis of the Legal System of Social Democratic
Anti-Bolshevist Statehood (1918) 53

Aronov D.V., Kosheleva S.V., Smirnov I.M.
The A.I. Guchkov's Draft of the Constitution:
The Experience of Comparative Study
and Political and Legal Characteristics 60

Latypov U.A. The Administrative and Legal Support
of the Economic Sovereignty of Russia in the Second
Half of the XIXth to the Early XXth Century 67

Galas M.L. International and Domestic Repatriation
Instruments of the Late 1930s to the First Half
of the 1940s: The Soviet Experience 74

Nikitina A.P. Legal Regulation of Activities
of Nikolaev Pilots in the Early XXth Century 80

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 11.

Conventional printed sheet 11.

Passed for printing 23.09.2019.

Issue was published 03.10.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospachat — 47643 (for 6 months);

United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-3-10

Государственная защита прав и свобод личности в античном мире

*Утяшев Марат Мухарович,
профессор кафедры теории
государства и права Института права
Башкирского государственного университета (БашГУ),
доктор политических наук
marat_ut@rambler.ru*

В некоторых странах по целому ряду причин защита прав и свобод человека и гражданина не исполнена того уважения, которого она заслуживает. Более того, редко кто отмечает, что эта деятельность является важнейшей функцией государственной власти. Такой порядок сохраняется в государствах тоталитарного и авторитарного типа. В них самоценностью является сама власть, а личность, гражданин — населением, обязанным быть покорным и послушным любому произволу и насилию. Античные Греция и Рим не были вполне деспотичными или демократичными, но и в рабовладельческих государствах мы можем обнаружить немало позитивных, гуманных, культурных начинаний и новаций, являющих примеры благого управления.

О государственных структурах, созданных специально для защиты интересов и прав «униженных и оскорбленных», пойдет речь в этой статье.

Ключевые слова: права личности, гражданские свободы, античные понимания, трибуналы, народные трибуны, дефенсоры, институт эфоров, хустисья.

State Protection of Personal Rights and Freedoms in Classical Antiquity

*Utyashev Marat M.
Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute
of the Bashkir State University
Doctor of Political Sciences*

In some countries for a number of reasons the protection of human rights and freedoms is not filled with the respect that it deserves. Moreover, this activity doesn't play an important function of the state. This order is typical for totalitarian and authoritarian state. In such state the priority value is the authority itself, and a personality, a citizen — a population, should be obedient to any arbitrariness and violence. Ancient Greece and Rome were neither tyrannical nor democratic states, but in slave states we can find many positive, humane, cultural innovations of good governance.

About state structures created specifically to protect the interests and rights of downtrodden will be discussed in this article.

Keywords: personal rights, public freedoms, ancient understandings, tribunate, Tribunus plebis, defensors, institute of efor, hustisya.

Трибунал. Народные трибуны античного Рима

Уважая авторитет Моммзена, примем его версию зарождения трибунала, относившуюся к 494 г. до рождения Христа. Естественная вражда между богатыми и бедными существовала и в Риме, а бездушные и близорукость управляющих привели к политической, а затем и к социальной революции. Строгое применение долгового законодательства возбуждало раздражение крестьянства, и прозвучал призыв к оружию. Военные отказались применять силу против кре-

стьян. Власть пошла на уступки, и действующий консул облегчил долговое бремя, приказав освободить арестованных... Второй консул, наоборот, стал с неумолимой жестокостью преследовать плебеев... Обманутые крестьяне и военные из числа военных трибунов¹ удалились за пределы города и расположились на хол-

¹ Справедливости ради укажем, что употребляемое Моммзеном понятие «военный трибун» говорит о более раннем происхождении этого института: «Трибуны народной массы произошли от военных трибунов», — говорит он.

ме, пригрозили основать плебейский город. Убоявшись гражданской войны, Сенат пошел на уступки.

«Было нечто могучее и великое в этой революции, — говорит Моммзен, — предпринятой самим народом без руководства и кончившейся без пролития крови; граждане потом охотно и с гордостью о ней вспоминали, а гору на берегу Тибра стали называть „священной“. Последствия этой мирной революции сказывались в течение многих столетий; из них возник народный трибунат»².

В этом же источнике есть сообщение о замечательном ораторе и трибуне 131 г. до н.э., который «доставил сенату немало хлопот и ввел тайное голосование в народных собраниях», а также настаивал на том, чтобы народный трибун мог претендовать на его избрание второй год, то есть устранить препятствие, погубившее старшего из братьев Тиберия Гракха. Он, затеяв земельные реформы, не успевал их завершить в течение годового срока трибунства и тем самым нарушал закон...³

В 126 г. до н.э. народный трибун Юний Пенн «внес предложение об изгнании из Рима всех неграждан»⁴.

Вполне возможно, что это наименование носили ранее руководители триб, а также военные трибуны.

В 123 г. до н.э. младший брат Тиберия Гай Гракх был выбран народным трибуном.

Нас интересуют функции и полномочия народных трибунов в защите прав и свобод человека и гражданина.

По преданию правозащитный трибунат был создан в процессе острого столкновения плебса с патрициями, и на самом деле патриции пошли на уступку и согласились, чтобы плебеи сами выбирали своих магистратов, пользовавшихся неприкосновенностью и обладающих правом защищать притесняемых плебе-

ев от злоупотреблений власти. Созданный как институт плебса с расширением их прав, он все более приобретает роль магистрата римского народа.

Главным орудием трибуна становится право интерцессии⁵ патрицианских магистратов. Это право народного трибуна являлось радикальным средством отмены ими любого решения или судебного приговора магистрата, которое, с точки зрения трибуна, было нарушением прав и свобод плебса. Он мог останавливать или прекращать любые судебные преследования вплоть до отмены смертного приговора.

Народный трибун имел право свободно и по своему усмотрению собирать и проводить собрания плебса, руководить ими, вносить свои предложения и наблюдать за исполнением принятых решений. Суровое наказание грозило тому, кто прервал речь трибуна или призвал закончить собрание. Более того, эти собрания получили значение центуриатных, то есть их решения стали обязательными для всего населения. Народные трибуны получили право законодательной инициативы, с чем правомочия народных трибунов сравнялись с возможностями магистрантов римского народа. Благодаря этому праву трибунат, как правозащитная структура, занял положение высшей власти, контролю которой были подчинены все другие. Права трибунов могли стать очень опасными, если бы они не ограничивались другими трибунами, с правом обжалования их решений центуриатными или трибутными комициями. И народные трибуны, выросшие на демократической и гуманной основе, почувствовав свою силу, стали злоупотреблять своими правами правозащитников и склоняться к тираническим и деспотическим методам. Колесо истории трибуната покатило в обратную сторону. Нарождавшийся принципат подчинил

² Моммзен Т. История Римской республики по Моммсену. Вып. 1. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1910. С. 409.

³ Там же. С. 491.

⁴ Там же.

⁵ Интерцессия — протест или, вернее, вето, которое налагал трибун или позднее принципс на решения сената, были законными или легитимными, так как он обладал еще и трибунской властью.

себе полностью трибунат, благо они вырастали на единой демократической основе.

Принцепсы дорожили поддержкой трибунов благодаря ее священному характеру и праву veto. Императоры взяли на себя симпатичные стороны трибуната, в том числе трибунские полномочия представительства народных интересов, в результате чего к IV в. н.э. народный трибун стал «пустой тенью и названием без почета», как сказал знаменитый историк Рима Полибий.

Народные трибуны служат препятствием должностным лицам, и это не должность, а как раз нечто ей противоположное: власть и сила трибунов в том, чтобы препятствовать злоупотреблениям властью (силой магистрантов) (так у Плутарха), надо помнить, что трибунат создан по воле народа и силен волей народа, так что очень важно, чтобы трибун не возвеличивался над прочими гражданами и не отличался от них ни видами, ни одеждой, ни образом жизни, ему нельзя быть высокомерным, недоступным, крутым, а надо быть покладистым и неутомимым, трудясь за других. Самый дом его по закону не имеет запора, днем и ночью он открыт как пристанище и прибежище для всех нуждающихся... Он считается общим достоянием в нужде, доступным для всех, подобно алтарю, а в почестях, ему приносимых, он свят, чист и неоскверняем...⁶

Трибуны не носили тогу с пурпурной полосой в отличие от других магистратур, ибо они институт плебса и потому не связаны по происхождению со жреческими функциями или патрицианскими родами...

Право трибуна на *intersession*, т.е. вмешательство, приостанавливающее или отменяющее действия магистрата (право veto), сходно с *exception* — протестом или возражением в суде, которое вносит-

ся, когда жалоба не соответствует условиям дела...

На протяжении III–I вв. до н.э. трибуны народные или плебейские, что одно и то же, считались носителями демократических традиций, так как неоднократно выступали инициаторами прогрессивных законов и полезных преобразований.

Так, например, Гай Фламиний был автором благотворного закона о разделении пустующих земель между плебеями, о причислении вольноотпущенников к трибам, известен также широкой строительной деятельностью. Цирк Фламиний, Фламиниева дорога, соединившая Рим с побережьем Адриатики, известная до сих пор, не случайно носят имя народного трибуна.

Луций Апулей Сатурнин был автором законопроекта о наделении малоимущих земель, а также сомнительного закона «Об оскорблении величия римского народа», который вызвал бурное развитие доносов и необоснованных обвинений⁷. Он также разработал и внес законопроект о снижении цен на хлеб.

Сервий Рулл Публий тоже отметил заботой об обеспечении плебеев землями.

Вот небольшая речь трибуна Капулея, сохраненная Титом Ливием.

Капулей и прочие трибуны народные предложили на утверждение два закона: один — о предоставлении простолюдинам права вступать в родство с патрициями (чаще всего в «неравные» браки); второй — о выборе в консулы из народного сословия. Сенат с негодованием отверг оба законопроекта.

В то же время Риму угрожали войной окрестные народы. Сенаторы призывали заняться не этими спорами, а скорее начать подготовку к войне. Капулей заявил, что чем быстрее будут решены эти вопросы, тем быстрее можно начать подготовку к обороне. Консулы пожаловались на Капулея в Сенат.

⁶ Плутарх. Застольные беседы / пер. с древнегреч. Я.М. Боровского; изд. подг. Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник, Н.В. Брагинская и др.; отв. ред. Я.М. Боровский, М.А. Гаспаров. Л.: Наука, 1990. С. 210.

⁷ Надуманные законы часто приводят к их использованию в межличностной борьбе, к преследованию невиновных.

Вот его речь:

«Часто я замечал, квириды⁸, какое презрение оказывают вам патриции, почитая вас недостойными жить с ними в одном городе... теперь они оскорбляют вас своей жестокостью, отвергая предложенные нами законы... Какое оскорбительное презрение? Вас готовы лишить даже света дневного, на вас негодуют, что дышите воздухом, что имеете человеческий образ. Неужели нам будет противен консул, избранный от простолюдинов? Почему не может быть новых законов, народных и честных? Мы требуем, чтобы нас не исключали из числа людей, не лишали прав гражданства.

Желательно знать, — говорит этот народный трибун, — кому принадлежит власть верховная, вам или народу Римскому? Вам или всем принадлежит свобода?»⁹.

Необходимость или ценность института трибуната объяснялась одной важной особенностью римского права. По нему сановники, должностные лица не подлежали суду, пока они оставались в своей должности. Зло, причиненное действующим чиновником, оставалось без возмездия.

Обладая судебной властью, трибун мог теперь привлечь к ответственности высших чиновников, а кроме того, ярко подчеркивалась возможность удовлетворения претензии плебея к патрицию.

Роль трибуна не сводилась к защите только конкретного плебея, а в руководстве их совокупностью, в уголовном процессе он обладал неограниченными полномочиями, а его личность была объявлена неприкосновенной, и кто задевал его или даже его помощников или слуг, подлежал наказанию.

В античной Спарте, отличавшейся деспотическим правлением, государственными правозащитниками были эфоры —

служащие правительственной коллегии, составлявший так называемый эфорат. Это понятие, в переводе означавшее надзирателей, относится к VIII в. до н.э. По мнению Плутарха, этот институт был необходим в связи с возрастанием государственных функций и увеличением количества дел в сфере судопроизводства и полицейского надзора. Когда в Спарте разгорелась противоборство между аристократией и народом, значение эфората выросло. Назначавшиеся на должность царя эфоры стали избираться народом. Решение об избрании принималось на народном собрании, так что они были представителями народа и приносили присягу, что не допустят беззакония даже со стороны царей. Считается, что к концу V в. до н.э. эфоры стали первыми по значению в Спарте должностными лицами. Это подтверждается историческими фактами. Например, таким банальным: при входе эфоров в помещение цари должны были вставать, тогда как эфоры не обязаны были к тому, когда входили цари. Эфоры могли временно отстранить царей от власти. Они могли обвинять царей, арестовывать их, требовать их наказания, отзывать их даже от войска, вмешиваться в вопросы престолонаследия и законности рождения царей. Два эфора должны были сопровождать царя в военном походе. При этом военное командование оставалось за царем, но если эфоры давали советы, а царь их не исполнял, что привело к неудаче, то первые имели право отдать царя под суд герусии и эфоров¹⁰. Как и всякий орган власти стремится к расширению своих полномочий, так и эфорат, пользуясь слабостью царей, все более и более повышал свою значимость. Эфоры присвоили право налагать штрафы, требовать отчеты от магистратов, отстранять их от должности, возбуждать уголовные дела, заключать в тюрьму до судебного приговора.

⁸ Официальный титул лиц, имеющих римское гражданство.

⁹ Речь Капулея Римского трибуна // Вестник Европы. 1811. № 13. URL: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1811/index_Main.html (дата обращения: 01.06.2018).

¹⁰ Энциклопедический словарь. Т. 81. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Эфрона), 1904. С. 240.

Периэков и илотов¹¹ эфоры могли казнить без судебного разбирательства. Не встречая сопротивления царской власти, эфоры стали надзирать над воспитанием детей, назначать руководителей детских «стад», руководить общественными играми, в период полного расцвета эфората «надзиратели» взяли в свои руки даже внешние сношения: они принимали послов, давали им инструкции, выработывали условия мира и т.д.¹²

Суровые спартанцы полагали, что богатство и роскошь, всякие украшения влекут за собой бесчестие, а порядочность и подчинение властям почитается как важнейшие добродетели. При этом женщина была вольна выбирать себе мужа и любовника. Дети в Спарте отнимались от родителей и передавались на государственное попечение и воспитание с семи лет. По поводу скудного питания спартанские коммунисты уверяли народ, что голод и недоедание не позволяют стать толстыми и тучными, что гибкие тела и выносливость свойственны худым, как и все другие добродетели¹³.

Музыка и пение не могли быть частным делом. Они должны были быть ритмичными, ободрять дух и разум человека, помогать ему в его действиях.

Спартанцам не разрешалось покидать пределы своей родины, чтобы они не могли приобщиться к чужеземным нравам и образу жизни. Они не смотрят ни комедий, ни трагедий, чтобы не услышать чего-либо, идущего в разрез с законами страны. Ликург ввел так называемую ксенолазию — прием, по которому можно было изгнать из страны иностранца, чтобы он не научил граждан чему-нибудь дурному.

Плутарх заканчивает главу о Ликурге следующими словами: «...пока государство придерживалось законов Ликурга (весьма суровых и аскетичных) и данных клятв, спартанцы в течение 500 лет гла-

венствовали в Элладе, отличались хорошими нравами и пользовались доброй славой...

Однако потом к ним проникла корысть... Отказавшись от былой славы и свободного высказывания своих мыслей, они стали влачить рабское существование...»¹⁴.

Плутарх упоминает случай, когда эфоры отозвали Агесилая Великого с важнейшего фронта войны с персидскими войсками, он сказал: «Хороший командующий должен подчиняться законам и эфорам», — и отплыл из Азии, оставив войска в глубокой печали¹⁵.

Царь Агесилай подобострастно докладывал эфорам о своих деяниях: «Агесилай эфорам шлет привет! Большую часть Азии покорили и варваров обратили в бегство... и построили много военных лагерей. Так как вы приказываете мне явиться, я явлюсь в установленный вами срок. Командующий лишь тогда правит справедливо и правильно, когда руководствуется законами и подчиняется эфорам...»¹⁶.

Как-то царь Агид, вернувшись из длительного похода, в котором он добился победы над афинянами (т.е. вернулся победителем), хотел всего один день пообедать дома с женой и послал за своей порцией (?), но полемархи не разрешили выдать ее (еду!!!) (порцию царскую). На следующий день об этом дошло до эфоров, которые подвергли Агида наказанию (даже за несовершенное деяние)¹⁷.

Так, начав с благородной цели защиты прав и свобод угнетенной части населения, исповедуя ранний коммунизм, эфорат превратился в оплот олигархического режима. Демократическое движение, опираясь на поддержку общины, узурпировало все новые и новые права, что в

¹⁴ Плутарх. Указ. соч. С. 335.

¹⁵ Там же. С. 291.

¹⁶ Там же. С. 301.

¹⁷ Никто не должен был по законам (кстати, неписанным — в Спарте их при Ликурге не писали) обедать дома и прийти в «столовую», наевшись и напившись. Их порицали за неучастие в общей трапезе и наказывали. См.: Там же. С. 315.

¹¹ В древнегреческих государствах — Спарте, Аргосе, Элиде, Фессалии — неполноправная часть населения.

¹² Энциклопедический словарь. С. 243.

¹³ Там же.

конце концов привело к диктатуре эфората. Клемен III, придя к власти, уничтожил эфорат, перебив эфоров. В первоначальном виде эфорат был восстановлен Антигоном и существовал даже во времена римского владычества как влиятельная и необходимая структура государственного управления.

Эфорат просуществовал до II в. н.э. и, вероятно, был отменен римским императором Адрианом.

«Латынь из моды вышла ныне», но все равно можно увидеть ее благотворное влияние в изобилии выражений о защите прав и свобод личности.

Хочу обратить внимание читателя еще на то, что в латинском языке удивительно много слов, означающих нашу искомую категорию *auxilium* — помощь, поддержка, содействие и пособие.

Иногда помощь, оказанную народным трибуном, называли *auxilium* — незаконная помощь, ибо она не опиралась на законы.

В позднем Риме вводится должность дефенсора, на которого возлагалась обязанность оградить «низших» от произвола «высших», от вымогательств и злоупотреблений при взывании налогов.

Дефенсор то же, что и *patronus*, — заступник перед судом.

Дефенсор *civitatis*, называлось во времена Константина, — лицо, имевшее особое поручение от какого-либо города, то же, что *astar* или *procurator*. Подобная должность сделалась со временем постоянным учреждением, имевшим целью защищать города от угнетений наместников и вообще всяких притеснений. Эти дефенсоры принимали участие в судах низшей инстанции. Валентиниан I создал должность дефенсора для защиты плебеев от злоупотреблений властью имущих¹⁸.

Время появления института дефенсоров в восточных провинциях Империи (Египет, Аравия), видимо, может быть отнесено к первой половине IV в., преобра-

зуясь из аналогичных должностей синдиков и экдиков¹⁹, которые выступали в качестве советников (помощников) городского населения в конфликтах с администрацией.

На западе институт дефенсора горожан (*defensor civitatis* или *defensor plebis*) был учрежден Валентинианом I для провинции Иллидии и явился выражением антиаристократической политики императора. Должностные функции дефенсора состояли в защите непривелигированных слоев населения провинций от злоупотреблений прежде всего судебных чиновников, а также других чиновников, посылаемых из столицы. Первые дефенсоры избирались из высшего класса бывших государственных служащих, таких как «агенты по делам» (*agentes in rebus*) или губернаторов, и имели иногда ранг сенаторов. Несмотря на свой высокий ранг, дефенсоры выполняли порой функции нотариусов, т.е. регистрировали акты, а также судей с ограниченной компетенцией. Они же принимали жалобы на злоупотребления местной администрации.

С ростом сепаратизма местной знати значение должности дефенсоров, главная функция которых заключалась в том, чтобы служить центру независимым источником информации о реальном положении дел в провинции, приходит в упадок. (Вот те на! Надо бы наоборот.)

Со временем их заботы переходят к церкви «защитники церкви».

А затем экдики! Эти выступали защитниками вдов и сирот, а также различными юридическими аспектами института брака.

Praefoktus urbi = преферент — в Риме должностное лицо, стоявшее во главе управления отдельной частью администрации, суда, государственного хозяйства или армии. *Praefoktus urbi* замещал римского царя во время отсутствия последнего, заботясь главным образом об отправлении правосудия. Со временем функции префектов стали возрастать. Так однажды их права расши-

¹⁸ Гоген С.Я. Институт дефенсоров по судебному уставу Мануила II Палеолога // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2006. № 18. С. 157.

¹⁹ См. далее об этом.

рили на территорию в 100 миль вокруг Рима, ему подчинялись 3 полицейские когорты по 1 тысяче человек в каждой. Были разного рода префекты.

Praef sociorum [*socium*] назывались командиры союзных контингентов, соответствовавшие по рангу легионным трибунам.

Высшая исполнительная власть в цветущем Карфагене принадлежала двум избираемым ежегодно²⁰ (!) суффетам — шофтим — судьи. Греки их называли царями, римляне — консулами и преторами. Под их представительством находился совет старшин, подобный герусии в Спарте, который также избирался народом и военными ежегодно.

Аристотель сравнивал ее с эфоратом! Этот совет «ста четырех» обладал функцией контроля и судебной властью, перед советом были ответственны и суффеты, и сенаторы. Он (совет) сам был безотчетен и бессрочен. По крайней мере, до времен Ганнибала, который и для него установил годичный срок!

«...Когда спартанцы получили от Ликурга хорошие законы, они все-таки не считали еще их имеющими достаточную силу, пока не поставили сверх того номофилактов, т.е. стражей законов. Это было весьма умно, ибо и лучшие законы напрасны, если их не исполняют. А законов не станут исполнять, если нет стражей, которые побуждают к их исполнению. Таким образом, и для наших школьных законов следует назначить номофилактов, чтобы раз предписанное всегда оставалось в силе», — так пишет Ян Коменский в книге «Законы хорошо организованной школы»²¹.

Несколько наивное сравнение государственного порядка и порядка школьного выглядит забавно, но это пусть останется на совести автора. А он на самом деле сравнивает школу и государство, на-

зывая первую «маленьким государством нашей школы». Школа — мастерская гуманности. И все 25 глав названных законов (о книгах, законы для испытаний, о театральных представлениях, законы относительно поведения и т.д.).

Арагонская хустисья

Весьма своеобразная государственная защита прав личности существовала в Арагонском королевстве. Это был орган, предназначенный для ограничения власти короля, прежде всего в судебном отношении. Представлял из себя коллегия, занятую исключительно защитой личной свободы и прав собственности арагонского дворянства. Излишне, вероятно, это подчеркивать, ибо права собственности в те времена могли принадлежать не всем и не каждому, а лишь высшему сословию.

Хакме I Арагонский к делам управления всегда привлекал своего старшего сына. Наряду с королем появляется особое должностное лицо (вначале без четких функций). Хустисья (*justicia*), коронный судья, который разбирает дела о нарушении привилегий и жалобы на действия всех прочих должностных лиц. Во времена Альфонса II права хустисьи были четко определены. Его называли иногда «судья для неправедных», кади аль-джамаа в Хордофском халифате и таифских эмиратах. Вернее, так: хустисья имел те же функции, что и «судья дел неправедных» — кади аль-джамаа в Хордофском халифате и таифских эмиратах.

Так, на кортесах в Эхеа в 1265 г. дворяне, пытавшиеся отнять у короля право назначения хустисьи, добились признания за этим судьей должностных функций, которые обычно выполнялись лишь лицами, действующими по полномочию, и в том числе разбора тяжб между королем и дворянами в качестве судьи-посредника.

Алькальды (глава города) были облечены функциями гражданских судей и избирались народом. Наряду с алькальдами были юдежи — судьи по уголовным и полицейским делам, обычно назначав-

²⁰ Обратим внимание на то, что в античных демократиях выборные должности не превышали одного года, что не позволяло чиновникам забывать, что они одни из немногих...

²¹ 635 г. на латыни. Русский перевод 1893 г., через 230 лет!

шиеся королем. В делах управления в Са-
рагосе принимали участие избранные на-
родом присяжные (хурадос) и советники
(concelleros — консельерос), помощники

и консультанты присяжных. Важные ре-
шения принимались при обоюдном поло-
жительном решении собраниями совет-
ников и присяжных.

Литература

1. Гоген С.Я. Институт дефенсоров по судебному уставу Мануила II Палеолога / С.Я. Гоген // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2006. № 18. С. 157–164.
2. Моммзен Т. История Римской республики по Моммсену / Т. Моммзен ; перевод и с предисловием Н.Н. Шамонина. 2-е изд. Вып. 1. Основы римской истории: Эпоха сословной борьбы и объединения Италии ; Эпоха завоеваний ; Эпоха переворотов ; Приложение. Санкт-Петербург : Т-во И.Д. Сытина, 1910. 529 с.
3. Плутарх. Застольные беседы / Плутарх ; перевод с древнегреческого Я.М. Боровского ; издание подготовили Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник, Н.В. Брагинская [и др.]. Ленинград : Наука, 1990. 592 с.
4. Энциклопедический словарь. Т. 81. Эрдан — Яйценошение / под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Семеновская типолитография (И.А. Эфрона), 1904. 586 с.

References

1. Gogen S.Ya. Institut defensorov po sudebnomu ustavu Manuila II Paleologa [The Institution of Defensors under the Judicial Statute of Manuel II Palaiologos] / S.Ya. Gogen // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo — IVS ANTIQVVM. Ancient Law. 2006. № 18. S. 157–164.
2. Mommsen T. Istoriya Rimskoy respubliki po Mommsenu ; perevod i s predisloviem N.N. Shamonina. 2-e izd. Vy`p. 1. Osnovy` rimskoy istorii: Epokha soslovnoy borby` i obyedineniya Italii ; Epokha zavoevaniy ; Epokha perevorotov ; Prilozhenie [The History of Rome ; translation and foreword by N.N. Shamonin. 2nd edition. Issue 1. Fundamentals of Roman History: The Epoch of Estate Struggle and Unification of Italy : The Epoch of Conquests ; The Epoch of Coups ; Annex] / T. Mommsen. Sankt-Peterburg : T-vo I.D. Sy`tina — Saint Petersburg : I.D. Sytin's partnership, 1910. 529 s.
3. Plutarch. Zastolny`e besedy` ; perevod s drevnegrecheskogo Ya.M. Borovskogo ; izdanie podgotovili Ya.M. Borovskiy, M.N. Botvinnik, N.V. Braginskaya [i dr.] [Table-Talk ; translated from Ancient Greek by Ya.M. Borovskiy ; edition prepared by Ya.M. Borovskiy, M.N. Botvinnik, N.V. Braginskaya [et al.]] / Plutarch. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1990. 592 s.
4. Entsiklopedicheskiy slovar. T. 81. Erdan — Yaitzenoshenie ; pod redaktsiyey I.E. Andreevskogo [Encyclopedic Dictionary. Vol. 81. Erdan — Oviparity ; edited by I.E. Andreevskiy]. Sankt-Peterburg : Semenovskaya tipolitografiya (I.A. Efrona) — Saint Petersburg : (I.A. Efron's) Semenov typolithography, 1904. 586 s.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-11-17

О категории «общее благо» в истории философско-правовой мысли и современной конституционной аксиологии

*Лихтер Павел Леонидович,
доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук
lixter@mail.ru*

В статье дается краткий исторический очерк о трансформации понимания «общего блага» в истории философско-правовой мысли. Автором классифицируются различные подходы к содержанию рассматриваемой категории, отмечается ее системообразующее значение для современной теории конституционного права. Делается вывод о том, что приоритет интересов целого над частью в конституционном регулировании не только не противоречит, но и с неизбежной вероятностью обеспечивает комплекс личных, социальных и иных прав человека.

Ключевые слова: общее благо, Платон, философия конституционного права, аксиология конституции, конституционно-правовые ценности.

On the Common Good Category in History of the Philosophical and Legal Thought and Modern Constitutional Axiology

*Likhter Pavel L.
Associate Professor of the Department of Private and Public Law
of the Penza State University
PhD (Law)*

The article gives a brief historical essay on the transformation of the understanding of the "common good" in the history of philosophical and legal thought. The author classifies various approaches to the content of the category in question, its system-forming significance for the modern theory of constitutional law is noted. It is concluded that the priority of the interests of the whole over the part in the constitutional regulation not only does not contradict, but with the inevitable probability provides a complex of personal, social and other human rights.

Keywords: common good, Plato, the philosophy of constitutional law, the axiology of the constitution, constitutional and legal values.

Начиная с Платона и до настоящего времени, мыслители, которые исследовали вопросы оптимального устройства государственных институтов, в той или иной степени затрагивали проблему «общего блага». За прошедшие века не только теоретические изыскания обогатили содержание данной категории, составители конституций различных эпох обращались к нему, раскрывая его новые грани.

«Общее благо» — непростое многоуровневое понятие, которое взаимосвязано с категориями «общая воля», «общее дело», «общий интерес» и т.п. С точки зрения конституционно-правовой аксиологии и телеологии можно предвзительно разграничить перечисленные

термины. Если «общее благо» чаще воспринимается как идеал и цель общества, то «общая воля» является совокупностью устремлений населения при принятии политических решений гражданами государства. «Общий интерес» также можно определить как сумму обобщенных разделяемых социумом устремлений, но в целях достижения «общего блага». Таким образом, базовым для конституционной аксиологии является термин «общее благо», исследование которого применительно к институтам государства и права первым начал Платон (427–347 до н.э.).

Место в первой книге «Государства», где Платон рассуждает о понимании справедливости для достижения бла-

га всего полиса, а не только отдельных граждан, можно считать отправной точкой для формирования философско-правовой категории «общее благо» и холистической методологии. Античный мыслитель приходит к однозначному выводу о приоритете целого над частью: «...истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно»¹. Античный философ считает, что после создания государства общественные и государственные интересы невозможно разъединить, а счастье отдельных граждан однозначно увязывается с благополучием полиса. «Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так чтобы оно было счастливо все в целом»².

Последовательное признание приоритета целого над частным в учении Платона во многом послужило причиной обвинений его в отрицании личных прав человека и даже тоталитаризме³. Однако исторические примеры подтвердили, что такой тип согласования интересов социума и его членов (целого и части) не только не противоречит, но с неизбежной вероятностью обеспечивает комплекс личных, социальных, экономических и иных прав человека, признание его достоинства. Право, по сути, есть принцип и порядок разумного и справедливого ограничения индивидуальных интересов ради общего блага.

Вопрос о том, можно ли считать общим благом арифметическую совокупность удовлетворения различных потребностей жителей полиса, рассма-

тривает Аристотель (384–322 до н.э.). Он отмечает, что «неправильно говорят... будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки — политики»⁴. На основании анализа данного места можно сделать ошибочный вывод о том, что если Платон под общим благом понимает благо государства, то Стагирит — блага граждан, его составляющих. Действительно, Аристотель призывал не преувеличивать степень единения любого полиса и не приравнивать его к единству, характерному для семьи или организма человека. Однако философ, как один из самых глубоких исследователей социальных явлений, прекрасно понимает, что совокупное удовлетворение разнонаправленных интересов всех индивидов полиса невозможно. Только при восприятии общества как целого на него можно спроецировать применение основополагающих целей и ценностных ориентиров. Более того, в определенном смысле государство и право становятся средством для достижения общего блага.

Сходство концепций «общего блага» Платона и его ученика было обусловлено и историческими причинами. В условиях непрекращающихся войн, которые Афины вели с соседними государствами, только максимальное объединение населения и мобилизация всех ресурсов полиса могли обеспечить его дальнейшее существование. Во многом отход от понимания необходимости многофакторного единства предопределил поражение экономически развитых Афин от объединенной Спарты в Пелопоннесской войне (431–404 до н.э.).

Помимо древнегреческих философов существенное внимание содержанию понятия «общее благо» уделяли Цицерон, Ф. Аквинский, Ж. Боден, Б. Спиноза,

¹ Платон. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 392.

² Там же. С. 224.

³ Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1 : The Spell of Plato. London : Routledge and Sons, 1947.

⁴ Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1976–1983. Т. 4. С. 376.

Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, К. Гельвеций, Г. Гроций, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс и многие другие.

Разумеется, смысл, структура и содержание таких философско-правовых категорий, как «общее благо», «справедливость», «свобода» и др., видоизменялись с учетом конкретно-исторического характера и уровня развития государства. В Риме справедливость и общее благо ставили на один уровень в качестве закона законов («*Aequum et bonum est lex legum*»). Фраза Цицерона «*Salus populi suprema lex*» («благо народа — высший закон») соответствует представлениям об управлении государством в Древнем Риме⁵.

Фома Аквинский (1225–1274) заимствует у древнегреческих философов идею о том, что человек не просто по своей природе является частью какого-либо сообщества («*pars alicuius multitudinis*»), но не может достигнуть «благой жизни» без ощущения себя частью чего-то большего: «...кажется гораздо более важным и совершенным обеспечить и сохранить то, что хорошо для всего города, чем то, что хорошо для одного человека»⁶. Аквинат дополняет понимание категории «общего блага» важной сущностной характеристикой — универсальностью. Так как, по мнению итальянского теолога, Бог является окончательной причиной всех благ, то целесообразность «общего блага» не ограничивается границами полиса, но может распространяться и далее в случае, если люди не утрачивают способность делать правильный выбор между земными благами. Таким образом, рассматриваемая категория дополняется значением фундаментального равенства и свободы.

Помимо этого, в Средние века формируется подход, согласно которому общее благо должно обеспечиваться активным

трудом всех слоев социума. Девизом ордена бенедиктинцев становится формула «*Ora et labora*» («молись и работай»).

Развитие учения об общем благе происходит за счет теории об общественном договоре, после заключения которого достигается защита собственности и личности каждого из его участников. Ж.Ж. Руссо (1712–1778) вслед за античными мыслителями воспринимает холистический подход к государству и праву, ведь при заключении общественного договора «каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого»⁷. При этом философ не ставит знак равенства между «общей волей» и «волей всех», так как последняя «представляет собой не больше, чем «совокупность изъявлений воли частных лиц», в то время как «общая воля» всегда стремится к балансу множества несущественных различий.

Рассуждая об общественном договоре, Дж. Локк (1632–1704) пишет о том, что он всегда заключается между людьми и государством. При этом «основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью... и основным естественным законом, которому должна подчиниться сама законодательная власть, является сохранение общества и каждого члена общества»⁸. Английский философ, которого принято считать одним из ключевых теоретиков либерализма, все-таки ставит на первое место общее благо, а уже затем права и законные интересы индивида.

Т. Гоббс (1588–1679) в «Левифане» пишет о необходимости отказа от некоторых индивидуальных благ ради обе-

⁵ Powell J.G. Marcus Tullius Cicero: The republic and the laws. New York: Oxford University Press, 2008.

⁶ Dyson R.W. Aquinas: Political Writings (Cambridge Texts in the History of Political Thought). Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

⁷ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: трактаты / пер. с фр. А. Хаятина, В. Алексеева-Попова. М.: Терра-Кн. клуб: Канон-пресс-Ц, 2000. С. 288.

⁸ Локк. Д. Избранные философские произведения: в 2 т. / под общ. ред. и с примеч. А.А. Макаровского; вступ. ст. И.С. Нарского. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. С. 76.

спечения общей безопасности: «Человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе»⁹. Таким образом, в Новое время под флагами борьбы с абсолютными монархиями сфера личных и политических прав значительно расширяется, но концепции приоритета общественных интересов над индивидуальными продолжают властвовать в умах мыслителей.

Г. Гроций (1583–1645) в трактате «О праве войны и мира» отмечает необходимость разделения всех прав и способностей человека на две категории: низшие (предоставленные в частное пользование) и высшие (которые имеют преимущество перед частным правом). Последние касаются всех членов общества и их имущества ради общего блага¹⁰. Исходя из этого разделения, гражданин сначала несет ответственность перед государством в общественных интересах, а затем уже перед другими частными кредиторами. Рассуждая о приоритете власти правителя, Г. Гроций переходит к вопросу баланса государственных и частных интересов в сфере права собственности и предлагает к использованию термин «Eminent Dominion», под которым фактически понимается изъятие имущества у граждан ради общего дела. Правда, следует помнить, мнение Г. Гроция о том, что лишение права собственности возможно только при условии объективного наличия существенного государственного интереса, а также предоставления возмещения из общей казны, «как будто государем право приобретает в силу обещания или договора»¹¹.

Немецкий юрист Р. фон Иеринг (1818–1892) также допускал возможность лишения граждан собственности в своей «юриспруденции интересов». Ученый пи-

шет о том, что «смотреть на экспроприацию как на захват собственности, как на ненормальность, противоречащую идее ее, значит совершенно не понимать значения экспроприации»¹². Для Иеринга обеспечение общих для всех интересов является основной идеей государства. Общее благо — это мерило справедливости; элемент, не менее важный, чем свобода и равенство: «...против притязания на защиту, предъявляемого личным эгоизмом, общество имеет право выставить свои интересы. Интересы же общества составляют то, что выгодно не одному, а всем, на чем все могут сойтись, и этот интерес... есть не что иное, как справедливость. Она выше свободы, индивид существует не для себя исключительно, но и для мира; поэтому свобода, т.е. то, что соответствует личным интересам индивида, и должна подчиняться справедливости, т.е. тому, что требуется интересами всех»¹³.

Видный британский философ и экономист Д.С. Милль (1806–1873) также считал, что любая частная собственность может быть национализирована во имя справедливости при условии разумной компенсации¹⁴. Помимо Д.С. Милля такие видные экономисты, как Д. Рикардо и Д. Кейнс, ставили общественные интересы выше остальных и предлагали предоставлять государству дополнительные полномочия для их обеспечения, вплоть до изъятия собственности граждан. Они обосновывали это тем фактом, что всегда определенная деятельность, направленная на удовлетворение необходимых нужд, будет нерентабельной: «кто будет строить маяки, если не государство?».

Следует помнить, что Д. Милль и Д. Рикардо — представители классической политэкономии, для которой не свойственно благосклонное отношение к активному регулированию рыночной экономики

⁹ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.

¹⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 68.

¹¹ Там же. С. 377–378.

¹² Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. Т. 1. С. 381–382.

¹³ Там же. С. 109–110.

¹⁴ Mill J.S. Chapters on Socialism // Mill J.S. The Collected Works. Vol. 5. London: Routledge and Kegan Paul, 1967. P. 703–758.

со стороны государства. Позднее отход от превознесения индивидуальных интересов сформировался не в классической политэкономии или маржинализме, но в институционализме. Данное направление экономики исходит из первичности интересов общества, которые обуславливают действия отдельно взятых субъектов. По мнению институционалистов, «рационального человека» в реальности не существует, его поступки невозможно спрогнозировать из-за множества факторов, влияющих на поведение: политическая нестабильность, кризисы, инфляция, безработица и т.п.

Наоборот, в немецкой классической философии понимание «общего блага» опирается на уверенность в рациональности человека. Категорический императив И. Канта (1724–1804) «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» можно рассматривать в качестве регулятивного принципа взаимодействия общества и человека, предела осуществления прав и свобод индивида ради общего блага.

По мнению Г. Гегеля (1770–1831), одним из неотъемлемых моментов развития абсолютного духа выступает «объективный дух» или социум, который является антитезисом субъективного духа. Некоторые современные философы считают, что следует рассматривать «объективный дух» в качестве неизбежного «общего блага» для каждого «субъективного духа»¹⁵. Если объективный дух осознается в триаде «право — мораль — нравственность», то нравственность разворачивается в триаде «семья — гражданское общество — государство». Результатом данного процесса будет выступать государство как единое целое, а семья и отдельные ин-

дивиды будут являться средствами его достижения. Право же будет являться не более чем предпосылкой достижения нравственности, которая, по мнению Г. Гегеля, представляет собой иерархию социальных институтов, на вершине которой располагается государство как «действительность конкретной свободы». Вся ценность человека, вся его духовная действительность, в том числе духовная действительность познания, существуют исключительно благодаря социуму и государству¹⁶.

Различные подходы к содержанию категории «общее благо» говорят о ее сложности и актуальности для целей построения сбалансированной иерархии конституционно-правовых ценностей, идеалов и принципов. Вариативность философских концепций позволяет выделить следующие сущностные характеристики понятия «общего блага»:

- 1) арифметическая совокупность интересов отдельных индивидов;
- 2) сбалансированная сумма устремлений граждан государства;
- 3) благополучие самого государства;
- 4) цель конкретных реформ государства;
- 5) идеал, который не может быть достигнут, но стремление к которому должно быть закреплено в законах страны;
- 6) форма организации взаимодействия в обществе.

По нашему мнению, в юриспруденции категория «общее благо», помимо прочего, является сущностным элементом конституционно-правового режима, выражающего основные направления конституционного регулирования, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов общественных отношений.

Любой конституционно-правовой режим неизбежно предполагает определенную иерархию целей, ценностей, правовых средств при доминирующей роли одних и вспомогательной роли других. Провозглашение приоритета целого над частным,

¹⁵ Манаков Д.А. Общественная безопасность как частный случай «общего блага» // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности : материалы IV международной научно-практической конференции (г. Пермь, 22 ноября 2012 г.): сб. науч. ст. / под общ. ред. З.П. Замаевой, М.И. Григорьевой. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. С. 136–141.

¹⁶ Асмус В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 65–66.

общественных интересов над индивидуальными в конституционной аксиологии, эпистемологии, праксиологии связывает воедино целостный комплекс правовых средств в соответствии с холистическими методами регулирования поведения отдельных индивидов.

После формализации режима приоритета «общего блага» он будет обеспечиваться полным комплексом властно-правовых средств формирования конституционного поведения: юридической ответственностью, мерами правовой защиты и т.д. Ведь

именно конституционно-правовой режим создает известный климат, настрой в регулировании. После его законодательного закрепления создаются наиболее благоприятные условия для обеспечения прав и свобод человека.

Декларация «общего блага» в качестве сути конституционно-правового режима сама по себе не является решением совокупности социально-правовых проблем, но это основа для их решения в текущей законотворческой и правоприменительной деятельности.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений. В 4 томах / Аристотель. Москва : Мысль, 1976–1983.
2. Асмус В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля / В.Ф. Асмус // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52–69.
3. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. Москва : Мысль, 2001. 478 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. Москва : Ладомир, 1994. 868 с.
5. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг. Санкт-Петербург : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. 425 с.
6. Локк Д. Избранные философские произведения. В 2 томах. Т. 2 / Д. Локк ; под общей редакцией и с примечанием А.А. Макаровского ; вступительная статья И.С. Нарского. Москва : Соцэкгиз, 1960. 560 с.
7. Платон. Сочинения в четырех томах / Платон ; под общей редакцией А.Ф. Loseva и В.Ф. Асмуса. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2007.
8. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: трактаты / Ж.Ж. Руссо ; перевод с французского А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. Москва : Терра-Кн. клуб : Канон-пресс-Л, 2000. 416 с.
9. Dyson R.W. Aquinas: Political Writings (Cambridge Texts in the History of Political Thought) / R.W. Dyson. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 360 p.
10. Mill J.S. Chapters on Socialism // Mill J.S. The Collected Works. Vol. 5. London : Routledge and Kegan Paul, 1967. 753 p.
11. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Spell of Plato / K.R. Popper. London : Routledge and Sons, 1947. 448 p.
12. Powell J.G. Marcus Tullius Cicero: The republic and the laws / J.G. Powell. New York : Oxford University Press, 2008. 242 p.

References

1. Aristotle. Sobranie sochineniy. V 4 tomakh [Collection of Works. In 4 volumes] / Aristotle. Moskva : My`sl — Moscow : Thought, 1976–1983.
2. Asmus V.F. Dialektika neobkhodimosti i svobody` v filosofii istorii Gegelya [Dialectics of Necessity and Freedom in the Hegel's Philosophy of History] / V.F. Asmus // Voprosy` filosofii — Issues of Philosophy. 1995. № 1. S. 52–69.
3. Hobbes T. Leviathan [Leviathan] / T. Hobbes. Moskva : My`sl — Moscow : Thought, 2001. 478 s.
4. Grotius H. O prave voyny` i mira [On the Laws of War and Peace] / H. Grotius. Moskva : Ladamir — Moscow : Ladamir, 1994. 868 s.
5. Jhering R. Tsel v prave [Law As a Means to an End] / R. Jhering. Sankt-Peterburg : Izd. N.V. Muravyeva — Saint Petersburg : N.V. Muravyev's publishing house, 1881. 425 s.
6. Locke J. Izbranny`e filosofskie proizvedeniya. V 2 tomakh. T. 2 ; pod obschey redaktsiyey i s primechaniem A.A. Makarovskogo ; vstupil'naya statya I.S. Narskogo [Selected Philosophical Works. In 2 volumes. Vol. 2 ; under the general editorship of and comments by A.A. Makarovskiy ; introductory article by I.S. Narskiy] / J. Locke. Moskva : Sotsekiz — Moscow : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1960. 560 s.
7. Plato. Sochineniya v chety`reh tomakh ; pod obschey redaktsiyey A.F. Loseva i V.F. Asmusa [Writings in Four Volumes ; under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus] / Plato. Sankt-Peterburg : Izd-vo Olega Aby`shko — Saint Petersburg : Oleg Abyshko's publishing house, 2007.
8. Rousseau J.-J. Ob obschestvennom dogovore : traktaty` ; perevod s frantsuzskogo A. Khayutina, V. Alekseeva-Popova [The Social Contract : treatises ; translated from French by A. Khayutin,

- V. Alekseev-Popov] / J.-J. Rousseau. Moskva : Terra-Kn. klub : Kanon-press-Ts — Moscow : Terra-Book Club : Canon-Press-Center, 2000. 416 s.
9. Dyson R.W. Aquinas: Political Writings (Cambridge Texts in the History of Political Thought) / R.W. Dyson. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 360 s.
 10. Mill J.S. Chapters on Socialism // Mill J.S. The Collected Works. Vol. 5. London : Routledge and Kegan Paul, 1967. 753 s.
 11. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Spell of Plato / K.R. Popper. London : Routledge and Sons, 1947. 448 s.
 12. Powell J.G. Marcus Tullius Cicero: The Republic and the Laws / J.G. Powell. New York : Oxford University Press, 2008. 242 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-17-24

Церковно-государственные отношения в Российском государстве (историко-правовой аспект)

*Славова Наталья Александровна,
заведующая кафедрой юридических дисциплин
Российского нового университета,
кандидат юридических наук
slavova.natalja@yandex.ru*

*Лещенко Ирина Ивановна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Донецкого национального университета, доцент
rector@donnu.ru*

В статье определены и проанализированы основные нарушения в разных сферах симфонических церковно-государственных отношений, законодательно закрепленных в Соборном уложении. Нарушения 2-й основы симфонии властей, которые структурно зафиксированы в уложении, касались двух сфер: ограничения церковного суда и церковного имущества. Указанные нарушения сыграли определяющую роль не только в искажении диархического характера правления, но и в возникшем кризисе симфонии властей.

Ключевые слова: симфония властей, диархия, православная монархия, православие, государство, право, Соборное уложение, церковь, правление, законодательство.

Relationships between the Church and the Government in the Russian State (a Historical and Legal Aspect)

*Slavova Natalya A.
Head of the Department of Legal Disciplines of the Russian New University
PhD (Law)*

*Leschenko Irina I.
Associate Professor of the Department of Theory and History of State
and Law of the Donetsk National University
Associate Professor*

The article defines and analyzes the main violations in various spheres of symphonic relationships between the church and the government formalized in the Council Code. Violations of the second basis of the symphony of powers structurally fixed in the code concerned two spheres: restriction of the church court and the church property. The said violations played the pivotal role not only in the deformation of the dyarchical character of governance but also in the emerged crisis of the symphony of powers.

Keywords: symphony of powers, dyarchy, orthodox monarchy, orthodoxy, state, law, Council Code, church, governance, legislation.

В свете современных евроинтеграционных процессов, которые непосредственно коснулись Украины и России и вызвали столь разную реакцию, обращение к истокам государственно-правовой традиции и осмысление религиозной основы власти являются актуальными и позволяют не только оценить современную кризисную ситуацию, но и, возможно, спрогнозировать ее дальнейшее развитие. Обращаясь к феноменальному опыту византийских и русских церковно-государственных отношений, важно знать, что их определяла симфония властей, в соответствии с которой между государственной и церковной властью предполагалось достижение согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии) во всех сферах. Это исходило из особой природы византийской верховной власти, которая, согласно Эпанагоге, считалась диархической (двойственной). По мнению историка Г.В. Вернадского, для византийской диархии, в отличие от диархии римского принципата (император и сенат), состоящей только из гражданских властей, характерен другой тип — «двоица Эпанагоги — Царь и Патриарх». Они представляли не разные власти, а «две главы одного и того же церковно-государственного тела. Лишь обе главы вместе значат собою полноту... верховной власти»¹. Главное отличие состояло в двойственном характере светской и духовной власти. Ученый-византолог Г.А. Острогорский также признавал диархическое учение Эпанагоги «отражением фактического взаимоотношения светской и духовной власти» Византии². Византийский опыт церковно-государственных отношений позволяет определить проблемы соблю-

дения и нарушения симфонии властей в России.

В последнее время различные аспекты этой темы все более привлекают внимание современных ученых: Т.Н. Седых³, В.Д. Черных⁴, А. Малера⁵, Н.С. Козьяковой⁶, Л.Ю. Костогрызовой⁷ и др. Исследуя многочисленные проблемы симфонии властей, они не только по-разному их трактовали, но и исключали важные аспекты полностью, в связи с чем и возникает необходимость изучить указанную проблему.

В связи с этим объектом исследования является становление, развитие и отношение государства и церкви сквозь призму светского и церковного права, традиционной составляющей которого является концепция «симфонии властей». Симфония властей определяется как гармоничное взаимодействие, но не слияние светской и церковной власти на основе ценностей морали, православия, права с целью достижения общественного мира, согласия и благополучия, возрождения и утверждения духовности.

Предметом исследования является определение и анализ нарушений в

¹ Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926. С. 144–154.

² Острогорский Г.А. Отношения церкви и государства в Византии (Доклад, прочитанный на V съезде русских ученых в Софии) // *Seminarium kondakovianum*. Вып. 4. Praha, 1931. С. 127.

³ Седых Т.Н. Теория «Симфонии властей»: история и современность // *Вестник Московского университета*. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 31–37.

⁴ Черных В.Д. Особенности взаимоотношений Русской православной церкви и государственной власти в период идейного кризиса Московского царства // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 5-1 (19). С. 202–204.

⁵ Малер А. Возвращение к Симфонии. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1539.htm>. net (дата обращения: 15.08.2019).

⁶ Козьякова Н.С. Отношения церкви и государства в общественно-политической мысли Византии и России // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2012. № 1. С. 21–25.

⁷ Костогрызова Л.Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимоотношения государства и Церкви. URL: <http://www.Bogoslov.ru/text/1609881.html.net> (дата обращения: 15.08.2019).

разных сферах симфонических церковно-государственных отношений, законодательно закрепленных в Соборном уложении 1649 г., для обозначения их определяющей роли в искажении диархического характера правления и в возникшем кризисе симфонии властей, а также концепция «симфонии властей» как модель отношений государства и церкви.

Методология исследования представлена в философских, юридических, богословских трудах различной идеологической направленности. Прежде всего, в статье использовались концептуальные идеи, принципы и методы современной методологии. Определяющей концептуальной идеей является утверждение единства развития государственно-правовой реальности и церкви. Анализ разновидностей отношений церкви и государства, конкретизация соотношения права и государства в условиях православной цивилизации, использование того или иного подхода при рассмотрении понятий права, государства и ряда других основных понятий юриспруденции осуществлялись на основе принципа плюрализма.

Новизна исследования заключается в необходимости использования концепции «симфонии властей» в построении отношений государства и церкви в современной России при определении стратегии цивилизационного развития народа, его государственности, правовой и духовной жизни.

В середине XVII в. в церковно-государственных отношениях России сложилась парадоксальная ситуация, когда на фоне сохраняющихся достаточно тесных взаимоотношений церкви и государства произошли существенные изменения, повлекшие к последующему уничтожению как симфонического правления, так и самого монархического уклада. Нарушение симфонии властей было инициировано царской властью и в соответствии с тенденцией расширения своей законодательной деятельности и стремления подчинить правовой регламен-

тации как можно больше сторон общественных и государственных отношений законодательно в самом главном документе — Соборном уложении 1649 г., которое стало первым полным сводом законов, действовавшим на всей территории государства.

Это происходило по аналогии с Византией, где соблюдение симфонии властей и соответственно ее нарушение осуществлялись по двум ее основам: защита православной веры в ее догматах и почитание института церкви и священства. Для Соборного уложения было характерно двойственное отношение к симфоническим церковно-государственным традициям. С одной стороны, закреплялась неприкосновенность догматов православной веры (глава I), т.е. защита 1-й основы, а с другой — нарушение 2-й основы — «почитания священства и церкви» (главы XII XIII XVII XVIII). В этом контексте важно обратить внимание на неоднозначную трактовку учеными и богословами защиты в Соборном уложении 1-й основы симфонии властей. Если архиепископ Серафим Соболев категорически утверждал, что в уложении «первая основа — догматы православной веры остаются неприкосновенными царской властью»⁸, то советский ученый С.И. Штамм придерживался другой позиции, согласно которой все перепутывалось до наоборот. Он утверждал, что «Уложение берет под защиту не столько вероучение христианской церкви, сколько саму церковь как свой „идейный штаб“», а из 9 статей первой главы, только 1-я статья «охраняет в самой общей форме основы христианского вероучения, все остальные носят сугубо конкретный и в значительной мере светский характер»⁹. Согласно его взглядам, нарушалась именно 1-я симфоническая ос-

⁸ Архиепископ Серафим (Соболев). Об истинном монархическом миросозерцании. М.; СПб.: Лествица, 2002. С. 451.

⁹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. С. 258.

нова, а 2-я — защищалась уложением. Чем было обусловлено столь противоположное понимание документа: умысленной фальсификацией, незнанием и игнорированием фактов или мировоззренческой позицией? Представляется, что именно последнее определило такой подход С.И. Штамма, который при анализе уложения не учитывал концептуального симфонического церковно-государственного взаимодействия, которое тогда не признавалось и исключалось официальной марксистско-ленинской идеологией. Тогда как в документе четко была прописана именно защита православного вероучения, без какого-либо посягательства на его догматику (глава I). Соборное уложение по сравнению со Стоглавым более детально разработало преступления против религии и поставило их на первое место в системе государственного законодательства, что соответствовало симфоническим принципам. Это было четко отражено в главе 1 «О богохульниках и церковных мятежах», где закреплена защита 1-й основы симфонического правления. В ст. 1 введено понятие богохульства, что означало неверие в Бога, оскорбление словами и действиями Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, «честный крест» и всех святых и являлось посягательством на основы православного учения. Наказанием за богохульство являлась квалифицированная смертная казнь — сожжение, которое следовало при полном подтверждении вины. Статья 1 гласила: «Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь»¹⁰. Согласно ст. 2 за церковный мятеж, нарушение литургической службы следовала высшая мера наказания — смертная казнь. Доказав вину («сыскав про него допряма»), следовало «казнити смертию безо всякия пощады». Речь шла о квалифицированной казни: сожжение, колесование, четвертование. Для сравнения: Стоглав указывал только простой вид смертной казни — отсечение головы. Статья 4 указывала: если кто в церкви учинит драку и убьет

кого, то убийцу «по сыску самого казнити смертью же»¹¹. Наконец, в ст. 9 отмечалось, что, если кто во время литургии «учне государю, или патриарху, или иным властем, в церкви божии во время церковного пения, о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет»¹². Все вышеизложенное в уложении свидетельствовало о защите православной веры как 1-й симфонической основы.

В контексте поставленной проблемы возникает вопрос: а можно ли соблюдать или нарушать симфоническое правление наполовину и будет ли это соответствовать симфонии? Однозначно и сразу ответить сложно. Логически возникает следующий вопрос: является ли одна из двух указанных основ приоритетной? Если 1-я основа — главная, тогда нарушение 2-й основы не будет определяющим и значимым для последующего развития, на что тогда и не стоит обращать особого внимания. Однако ни в первичной формулировке теории симфонии властей, ни в ее последующих законодательных интерпретациях какого-либо приоритета не содержится. Тогда возникает еще вопрос: нарушив в одном направлении, можно ли считать, что нарушилась вся симфоническая система в целом? Ведь именно такой вывод и сформулировал, ссылаясь на апостольские учения, Серафим Соболев, считавший, что нарушение 2-й основы симфонии властей «непреренно влечет к нарушению в целом всей теории симфонии»¹³. Можно ли подтвердить или опровергнуть такой вывод, ссылаясь только на Соборное уложение? В самом документе прямых ответов на эти вопросы нет, однако имеется прямое доказательство как ее соблюдения, так и нарушения, что явно позволит определить степень их соотношения и действия.

Структурно нарушения 2-й основы, зафиксированные в документе, касались

¹⁰ Козьякова Н.С. Указ. соч.

¹¹ Российское законодательство X–XX веков. С. 85.

¹² Там же. С. 86.

¹³ Архиепископ Серафим (Соболев). Указ. соч. С. 451.

двух сфер: ограничение церковного суда и церковного имущества, что в свою очередь свидетельствовало о прямом нарушении святых канонов.

Усиление царской власти проявлялось, прежде всего, в ограничении сферы церковного суда.

Во-первых, ограничения касались подсудности духовенства и зависимых от церкви людей, которые, согласно главе XIII уложения «О монастырском приказе», должны были судиться по основным делам в государственном, а не в церковном суде. Для усиления государственного влияния над церковью в 1649 г. было создано специальное государственное учреждение — Монастырский приказ, судьбы которого назначались и увольнялись царем без согласия церкви и который был абсолютно независимым от церкви. Так, в ст. 1 главы XIII отмечалось, что «ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси... указал Монастырскому приказу быть особно, и на митрополитов, и на архиепископов, и на епископов, и на их приказных и дворовых людей, и на детей боярских, и на их крестьян, и на монастыри, на архимаритов, и игуменов, и на строителей, и на келарей, и на казначеев, и на рядовую ратью, и на монастырских слуг, и на крестьян, и на попов, и на церковный причет, во всяких исцовых исках суд давати в Монастырском приказе»¹⁴. Для сравнения: в Византии духовенство должно было судиться только церковными судами, а не гражданскими. Это касалось как уголовных, так и гражданских дел.

Во-вторых, обнаруженные в статьях уложения противоречия подтверждают стремление законодателей ограничить власть патриарха в судебной сфере. Согласно уложению юрисдикция Монастырского приказа не должна была распространяться на патриарших людей, а также «на всяких чинов людей, которые живут в патриарших домовых вотчинах», подсудность которых определялась главой XII, ст. 1 уложения, где указывалось,

что «судные дела слушает и указывает патриарх»¹⁵. Если данная статья прямого посягательства на власть патриарха в судебной сфере не содержит, то уже следующая выражала явное вмешательство со стороны царской власти. В ст. 2 определялась ответственность лиц, которые осуществляли правосудие в патриаршем суде. В статье указывалось, что в случае, если «патриаршие приказные люди, в каком деле правого обвинят, а виноватого оправят по посулом или по дружбе, или по недружбе», тогда «спорные дела ис патриарших приказов вносить к государю и ко всем бояром»¹⁶. Это касалось судебных нарушений, вызванных взяткой, дружественными или враждебными отношениями к одной из сторон. Дела, решенные в патриарших приказах, к которым относились Казенный и Судный, а также Дворец и Разряд, можно было обжаловать в государевом суде. В той же статье отмечалось, что «патриарши судьи кого обвинят не по делу, и тем патриаршим судьям за их неправду указ чинить, против того же, как указано о государевых судьях»¹⁷. Высшей апелляционной инстанцией в отношении церковного суда, кроме дел духовной подсудности, являлся не Патриарший двор, а Боярская дума и царь. Для сравнения: в Судебнике 1550 г. подобных указаний нет. В Византии апелляция на решения патриарха, как и на решения императора не допускались.

В-третьих, рассматривая соотношение государственного и церковного суда, можно констатировать, что государственный суд становился выше церковного. Подтверждением являлся вопрос о подсудности в случаях, когда стороны подсудны различным судам. Например, в ст. 3 подсудность дела тому или иному суду определялась по ответчику, а именно: «...а которые митрополиты... учнут в котором приказе искати всяких чинов на людей, а ответчики после его ответу учнут по челобитным на тех исках искати своих исцовых дел, ...

¹⁵ Там же. С. 157.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. С. 158.

по их исковым челобитным, суд давати в тех же приказах, против их ответчных челобитых»¹⁸. Иск подавался в суд, которому был подсуден ответчик, а встречный иск ответчика к истцу рассматривался в том же суде, что и основной. Это свидетельствовало о том, что церковные люди могли судиться и не в церковном суде. И, наоборот, согласно ст. 1 в церковный суд могли обращаться люди, не относящиеся к духовенству.

Таким образом, вышеизложенное однозначно свидетельствовало, с одной стороны, о существенном ограничении церковного суда, а с другой — о явном преимуществе государственного суда, что не соответствовало принципам симфонии. Нарушения в судебной сфере напрямую касались ограничения власти патриарха, что явно искажало диархическое правление.

Следующие нарушения касались регулирования имущественных отношений. В законодательстве, начиная с Кодекса Юстиниана (131 новелла) и основных документов Византии (Эклоги, Эпаногги, Синтагмы Властаря и др.) и России (Кормчие книги, уставы св. Владимира и Ярослава, Судебники, Стоглав), закреплялось уникальное соотношение законов и церковных канонов. Они имели такую же силу в государстве, что и государственные, которые, в свою очередь, не должны были противоречить канонам.

Право церкви на свое имущество закреплялось святыми канонами как неприкосновенное и неотчуждаемое (например, 24 правило IV Вселенского Собора, 49 правило VI ВС, 2 правило VII ВС). Более того, его оберегали как византийские, так и русские правители, даже издавая особые законы. Например, в уставах св. Владимира и Ярослава предавались проклятию любые посягатели церковного имущества: «Кто преступит из детей моих или потомков и захватит церковное достояние... да будет проклят в сей и будущий век»¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Там же. С. 516.

В церковной политике государства проявились негативные тенденции в решении вопроса о церковных вотчинах.

Во-первых, в ст. 42 XVII главы уложения «О вотчинах» вводился строгий запрет дальнейшего роста церковного имущества посредством приобретения всех видов вотчин духовенством и монастырями. Запрещалось какое-либо отчуждение вотчин: покупка, заклад, дарение и завещание на пользу монастырей и церкви. Характерно, что запрет приобретения вотчин распространялся не только на монастыри, но и на высших церковных иерархов, в том числе и патриарха. Попытки установить контроль над церковным имуществом со стороны государства предпринимались и ранее. Например, в Приговоре церковного Собора 1581 г. устанавливалось законодательное запрещение покупать вотчины только монастырям, а также закладывать вотчины в монастыри «по душе». Это запрещение было не единственное. Однако фактически они не осуществлялись. Согласно ст. 42 царь указал и «собором уложили: впредь с нынешнего уложения патриарху, митрополитом, и архиепископам, и епископам, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечный поминок не имати некоторые дела». За нарушение запрета имущество безвозмездно отбиралось в пользу государства. И далее отмечалось: «...а будет кто с сего уложения вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продаст, или заложит, или по душе отдаст патриарху, или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в который монастырь, и та вотчина взятии на государя безденежно»²⁰.

Во-вторых, несмотря на то что в этой статье говорилось не о лишении прав собственности духовенства или монастырей, а только о прекращении расширения церковных землевладений, уже в ст. 1 XIX главы «О посадских людях» открыто предусматривалось такое лишение, устанавливая отчуждение церковных вотчин,

²⁰ Там же. С. 188.

которые находились в Москве и ее округе. В ст. 1 указывалось: «Которые слободы на Москве патриарши и митрополити и владычни и монастырские и бояр и окольных и думных всяких чинов людей... всех взятии за государя в тягло и в службы безлетно и безповоротно. ...А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городах не быть»²¹.

В-третьих, имущественные ограничения особо касались патриарха, что ранее не только не допускалось, но законодательно защищалось. В Соборном уложении, напротив, содержались нормы, согласно которым требовалось «у патриарха слободы взятии совсем. ...А которые слободы патриаршии и монастырские и боярские и думных и всяких чинов людей около Москвы по тому же по сыску, взятии за государя»²². Монастырский приказ получил право устанавливать контроль над церковным имуществом, вмешивался в вопросы его конфискации. Фактически в его действиях проявлялось явное нарушение основ симфонии — защита церковного имущества. Поэтому отобрание церковного имущества можно считать нарушением святых заповедей, святых канонов и, соответственно, святотатством, а это уже относится к прямому нарушению 1-й основы симфонии властей. Так можно объяснить вышеизложенное утверждение о том, что нарушение 2-й основы неизбежно ведет к нарушению симфонии в целом.

Патриарх Никон выступил против этого нарушения, став на защиту симфонии властей. Он добился временной

остановки деятельности Монастырского приказа. В Разорении (1664 г.) он указывал, что действия Монастырского приказа были направлены на ликвидацию самостоятельности церкви, даже на захват церковной власти со стороны государства с нарушением святых канонов.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно констатировать: (1) о фактически сложившемся кризисе симфонии властей, который возник вследствие нарушений симфонических церковно-государственных отношений, законодательно закрепленных в Соборном уложении, причем нарушения 2-й основы симфонии властей неизбежно вело к нарушению всей системы в целом; (2) многочисленные ограничения власти патриарха в разных сферах разрушили равенство и балансирование государственной и церковной власти и фактически исказили диархический характер их отношений, что привело к серьезным последствиям: ликвидации самого института патриаршества (в 1721 г.) и уничтожению монархии (в 1917 г.); (3) Соборное уложение законодательно закрепило процесс усиления царской власти, что и привело к многочисленным и серьезным нарушениям симфонии властей. Однако, несмотря на эти нарушения, все еще существовала возможность сохранять национальные основы государственного развития, хотя и ненадолго.

Представляется, что и современные кризисные проблемы России и Украины, возникшие в том числе из-за попыток европеизации, связаны непосредственно с возможностью обращения к исторически традиционным государственно-правовым идеям, основу которых составляет симфония властей.

²¹ Там же. С. 200–202.

²² Там же. С. 202.

Литература

1. Архиепископ Серафим (Соболев). Об истинном монархическом мирозерцании / Архиепископ Серафим (Соболев). Москва : Лествица ; Санкт-Петербург : Диоптра, 2002. 543 с.
2. Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха / Г.В. Вернадский // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926. С. 144–154.
3. Козьякова Н.С. Отношения церкви и государства в общественно-политической мысли Византии и России / Н.С. Козьякова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 1. С. 21–25.

4. Костогрызова Л.Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимоотношения государства и Церкви / Л.Ю. Костогрызова. URL: <http://www.Bogoslov.ru/text/1609881.html.net> (дата обращения: 15.08.2019).
5. Малер А. Возвращение к Симфонии / А. Малер. URL: www.apn.ru/publications/article1539.htm. (дата обращения: 15.08.2019).
6. Острогорский Г.А. Отношения церкви и государства в Византии (Доклад, прочитанный на V съезде русских ученых в Софии) / Г.А. Острогорский // *Seminarium kondakovianum*. Вып. 4. Praha, 1931. С. 122–132.
7. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т. 3. Акты Земских соборов / под редакцией О.И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1985. 510 с.
8. Седых Т.Н. Теория «Симфонии властей»: история и современность / Т.Н. Седых // *Вестник Московского университета*. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 31–37.
9. Черных В.Д. Особенности взаимоотношений Русской православной церкви и государственной власти в период идейного кризиса Московского царства / В.Д. Черных // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 5-1 (19). С. 202–204.

References

1. Archbishop Seraphim (Sobolev). Ob istinnom monarkhicheskom mirosozertsanii [On True Monarchical World Outlook] / Archbishop Seraphim (Sobolev). Moskva : Lestvitsa ; Sankt-Peterburg : Dioptra — Moscow : Ladder ; Saint Petersburg : Dioptra, 2002. 543 s.
2. Vernadskiy G.V. Vizantiyskie ucheniya o vlasti tsarya i patriarkha [Byzantine Doctrines on the Tsar and Patriarch's Power] / G.V. Vernadskiy // *Sbornik statey, posvyaschenny`kh pamyati N.P. Kondakova* [Collection of articles dedicated to the memory of N.P. Kondakov]. Praga — Prague, 1926. S. 144–154.
3. Kozyakova N.S. Otnosheniya tserkvi i gosudarstva v obschestvenno-politicheskoy my`sli Vizantii i Rossii [Relationships between the Church and the Government in the Byzantine and Russian Sociopolitical Thought] / N.S. Kozyakova // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta — Bulletin of the Moscow Region State University*. 2012. № 1. S. 21–25.
4. Kostogryzova L.Yu. Simfoniya vlastey v Vizantii: opyt` vzaimootnosheniya gosudarstva i Tserkvi [The Symphony of Powers in Byzantium: The Experience of Relationships between the Government and the Church] / L.Yu. Kostogryzova. URL: <http://www.Bogoslov.ru/text/1609881.html.net> (data obrascheniya: 15.08.2019 — date of access: August 15, 2019).
5. Maler A. Vozvrashchenie k Simfonii [A Return to the Symphony] / A. Maler. URL: www.apn.ru/publications/article1539.htm. (data obrascheniya: 15.08.2019 — date of access: August 15, 2019).
6. Ostrogorskiy G.A. Otnosheniya tserkvi i gosudarstva v Vizantii (Doklad, pročitanny`y na V syezde russkikh uchenny`kh v Sofii) [Relationships between the Church and the Government in Byzantium (a speech delivered at the Vth convention of Russian scientists in Sophia)] / G.A. Ostrogorskiy // *Seminarium kondakovianum*. Vy`p. 4 [Seminarium kondakovianum. Is. 4]. Praha — Prague, 1931. S. 122–132.
7. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 tomakh. T. 3. Akty` Zemskikh soborov ; pod redaktsiei O.I. Chistyakova [Russian Laws of the Xth to the XXth Century. In 9 volumes. Vol. 3. Acts of the Assemblies of the Land ; edited by O.I. Chistyakov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 510 s.
8. Sedykh T.N. Teoriya «Simfonii vlastey»: istoriya i sovremennost [A Theory of the Symphony of Powers: History and the Modern Times] / T.N. Sedykh // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12: Politicheskie nauki — Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences. 2008. № 4. S. 31–37.
9. Chernykh V.D. Osobennosti vzaimootnosheniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi i gosudarstvennoy vlasti v period ideynogo krizisa Moskovskogo tsarstva [Peculiarities of Relationships between the Russian Orthodox Church and the Government in the Period of Ideological Crisis of the Tsardom of Muscovy] / V.D. Chernykh // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Study of Art. Issues of the Theory and Practice*. 2012. № 5-1 (19). S. 202–204.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-25-28

Роль и значение Десятинной церкви в устройстве Древнерусского государства

*Ахмедов Руслан Маратович,
начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
ahmedov@list.ru*

Первоначальные древнерусские церковные организации способствовали развитию в государственной деятельности великокняжеской власти Руси христианских морально-нравственных критериев, выработанных византийской государственно-конфессиональной практикой реализации. Указанное обстоятельство способствовало объединительному политическому процессу в устройстве древнерусской государственности.

Ключевые слова: Русь, государство, церковная организация, конфессионально-политический центр, князь, духовенство.

The Role and Meaning of the Church of the Tithes in the Structure of Kievan Rus

*Akhmedov Ruslan M.
Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor*

The first Old Russian ecclesiastical organizations facilitated the development of the Christian moral criteria elaborated by the Byzantine state and confessional implementation practice in the government activities of the grand ducal power of Rus. The said circumstance facilitated the unifying political process in the structure of the Old Russian statehood.

Keywords: Rus, state, ecclesiastical organization, confessional and political center, duke, clergy.

Крещение Руси, согласно исторической справке в 988 г., способствовало началу процессу по формированию условий в общественно-политической жизнедеятельности для организации деятельности институтов государственной власти в свете христианских морально-нравственных принципов и рецепированию византийских церковно-политических традиций¹. Далеко не последнюю роль

в данном процессе занимали и первоначальные церковные организации. Особое место в этой связи исследователи истории Русской церкви относят роли и значению Десятинной церкви (иное наименование — храм Пресвятой Богородицы) в общественно-политической жизни Руси в период с IX по XIII в., которая была учреждена княжеской властью. На это указывает митрополит Макарий (Булгаков). По его данным, церковь была основана великим князем Владимиром в 989 г. с благословения митрополита Михаила².

По мнению Я.Н. Щапова учреждение Десятинной церкви предшествовало учреждению митрополии на Руси. Отсюда и то особое значение, которое занимала Де-

¹ Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 2 : История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240 гг.). М. : Спасо-Преображенский Валаамский Монастырь, 1995. С. 18 ; Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М. : Высшая школа, 1988. С. 246.

² Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 35.

сятинная церковь весь домонгольский период в государственно-конфессиональных отношениях на Руси. Явившись порождением государственного решения великокняжеской власти, на Десятинную церковь были возложено решение ряда государственных задач по реализации программ политического, экономического, культурно-идеологического развития древнерусского общества в свете христианских традиций. Поэтому изначально статус данного конфессионального учреждения, как указывает митрополит Макарий (Булгаков), являлся «соборным в Киеве и как бы кафедральным для митрополита»³, что существенным образом отображало канонический статус Десятинной церкви как главного церковного учреждения страны.

Однако лишь возложение отдельных государственных функций на Десятинную церковь было недостаточным для того, чтобы придать данному учреждению престижность, авторитет и значение политико-конфессионального центра Руси, которое, как правило, вырабатывалось годами. В этой связи для усиления значения данного конфессионального учреждения руководство Древнерусского государства в короткий срок постаралось укомплектовать само учреждение религиозными атрибутами и символами государственного вероисповедания (церковная драгоценная утварь, святые мощи⁴, иконы, богословские книги), а также и соответствующим штатом духовных лиц. В качестве первоначального персонала данного учреждения, по предположению Я.Н. Шапова, были введены в штат Десятинной церкви привезенные из Корсуни священники⁵. Руководство конфесси-

ональным учреждением было поручено Анастасу Корсунянину, подчинив его митрополиту. Тем самым, по сути, проявлялась конфессиональная преемственность корсуньской церковной организации для древнерусской. Что, соответственно, придало конфессиональную авторитетность данному учреждению в социальной среде «руссов», так как корсуньские священники, несомненно, обладали опытом и знаниями выполнения литургических актов в свете православных христианских действий, являясь представителями Константинопольского патриархата.

Усилению влияния Десятинной церкви в древнерусской социальной среде способствовало также и установленное светскими властями материальное обеспечение ее текущей деятельности. Так, согласно «Повести временных лет», великий князь Владимир при ее освящении дал «церкви святой Богородицы от имени моего и от град моих десятую часть»⁶. Подтверждает данный исторический факт также юридический памятник в виде Устава князя Владимира о десятинах: «...создах церковь святую Богородицу и дах десятину к ней во всей земли Русской ис княженья от всего суда десятую векшу, ис торгу десятую неделю, из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого жита...»⁷. Что, собственно, и предопределило само наименование данного первоначального древнерусского церковного учреждения — Десятинная.

Получив материальное великокняжеское обеспечение, Десятинная церковь становится и центром хозяйственной деятельности формируемого Древнерусской христианской государственно-сти, перераспределяя по указанию светской власти накопленные материальные блага на решение первоочередных задач государственной важности. Что естественным образом стало притягивать и

³ Там же. С. 36.

⁴ В ранней славянской христианской литературе был усвоен культ папы римского Климента, мощи которого хранились в Десятинной церкви. См.: «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин ; сост., авт. примеч. и указат. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышкгородцев, В.В. Фомин ; редкол. А.Ф. Окулов (пред.) и др. М. : Мысль, 1988. С. 36–37, 51.

⁵ Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М. : Наука, 1989. С. 29.

⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Стб. 109. Т. 1. Стб. 109.

⁷ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. I : Законодательство Древней Руси. М. : Юридическая литература, 1984. С. 134–163.

определенные отрицательные акты внешнего воздействия на само существование Десятинной церкви. Так, в 1171 и 1203 гг. после взятия Киева наряду с другими соборами и монастырями Десятинная церковь также была подвержена разграблению⁸. Также Десятинная церковь, благодаря государственной поддержке светских властителей Руси и канонической соподчиненности Константинопольскому патриархату, способствовала установлению и развитию межгосударственных отношений. И в первую очередь с христианскими державами, расположенными в том числе и в Западной Европе.

Таким образом, опираясь на сохранившиеся исторические свидетельства и данные исследователей истории Русской церкви, возможно предположить, что Десятинная церковь, являясь конфессиональным учреждением, в то же время выполняла и ряд задач государственной важности. Как указывает Я.Н. Шапов, «в качестве государственного института княжеско-церковного сотрудничества» Десятинная церковь подготовила предстоящее учреждение Русской митрополии, способствовала выработке единых общерусских, общегосударственных критериев перспективного государственно-конфессионального развития Руси вплоть до момента начала монгольского периода⁹. Являясь одновременно политическим и конфессиональным центром Руси, Десятинная церковь способствовала межгосударственному взаимодействию с Византией и конфессионально-культурными последователями христианского государственного правопорядка. Что су-

щественно способствовало расширению политического авторитета и признанию средневековым международным сообществом престижа государственной власти светских владык Руси, являвшихся согласно личному конфессиональному выбору христианами по вероисповеданию, а также расширению и увеличению товарооборота между странами, рецептированию и гармонизации актов канонического и гражданского характера.

На внутреннем древнерусском пространстве Десятинная церковь способствовала легитимации и сакрализации полномочий светских государей, пропаганде христианских основ мироустройства, распространению образовательного и культурного ценза, христианского быта и уклада жизни среди мирян, подготовке будущего штата русского духовенства, развитию славянской письменности и языка, а также являлась своеобразным конфессиональным «рупором» в доведении христианских канонических норм и адаптации их в гражданской среде «руссов».

Однако в конце XI в. ввиду усиления межкняжеского церковно-политического соперничества в борьбе за великокняжескую власть и падения политического авторитета киевских светских властителей значение Десятинной церкви как самостоятельного конфессионально-политического центра постепенно начинает исчезать¹⁰. А в 1240 г. Десятинная церковь окончательно была разрушена во время монголо-татарского нашествия и более не восстанавливалась.

⁸ Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 30.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ Платонов О. Святая Русь и окаянная нерусь: русская цивилизация против мирового зла. М.: Алгоритм, 2005. С. 33.

Литература

1. «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / вступительная статья А.Г. Кузьмин; составители В.И. Вышгородцев, В.В. Фомин; редактор А.Ф. Окулов. Москва: Мысль, 1988. 334 с.
2. Платонов О. Святая Русь и окаянная нерусь: русская цивилизация против мирового зла / О. Платонов. Москва: Алгоритм, 2005. 669 с.
3. Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства / О.М. Рапов. Москва: Высшая школа, 1988. 414 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор В.А. Янин. Москва: Юридическая литература, 1984. 430 с.
5. Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я.Н. Шапов. Москва: Наука, 1989. 228 с.

References

1. «Kreschenie Rusi» v trudakh russkikh i sovetskikh istorikov ; vstupil'naya statya A.G. Kuzmin ; sostaviteli V.I. Vy'shegorodtsev, V.V. Fomin ; redaktor A.F. Okulov [The Christianization of Rus in the Works by Russian and Soviet Historians ; introductory article by A.G. Kuzmin ; compiled by V.I. Vyshegorodtsev, V.V. Fomin ; editor A.F. Okulov]. Moskva : My`sl — Moscow : Thought, 1988. 334 s.
 2. Platonov O. Svyataya Rus i okayannaya nerus: russkaya tsivilizatsiya protiv mirovogo zla [Holy Russia and Cursed Foreigners: The Russian Civilization Versus the Universal Evil] / O. Platonov. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2005. 669 s.
 3. Rapov O.M. Russkaya tserkov v IX — pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva [Russian Church in the IXth to the First Third of the XIIth Century. Adoption of Christianity] / O.M. Rapov. Moskva : Vy`sshaya shkola — Moscow : Higher School, 1988. 414 s.
 4. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 tomakh ; pod obschey redaktsiyey O.I. Chistyakova. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi ; otvetstvenny`y redaktor V.L. Yanin [Russian Laws of the Xth to the XXth Century. In 9 volumes ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 1. Laws of Ancient Rus ; publishing editor V.L. Yanin]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 430 s.
 5. Schapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov Drevney Rusi X–XIII vv. [Government and Church of Ancient Rus of the Xth to the XIIIth Century] / Ya.N. Schapov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1989. 228 s.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-25-28

Государственная идеология и идеологическая функция государства: соотношение категорий

*Бредихин Алексей Леонидович,
преподаватель кафедры конституционного и административного права
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
axel_b@mail.ru*

В данной статье автор проводит анализ категорий «государственная идеология» и «идеологическая функция государства», определяет их общие черты и приводит критерии разграничения.

Ключевые слова: функции государства, государственная идеология, идеологическая функция государства.

State Ideology and the Ideological Function of the State: Correlation between Categories

*Bredikhin Aleksey L.
Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Saint Petersburg Branch of the National Research University
Higher School of Economics (NRU HSE)
PhD (Law)*

In the article, the author analyzes the categories of state ideology and the ideological function of the state, defines their common traits and gives demarcation criteria.

Keywords: functions of the state, state ideology, ideological function of the state.

Среди основных функций государства ученые достаточно часто называют идеологическую функцию государства¹. Содержание идеологической функции государства раскрывается через анализ понятий «функция государства» и «государственная идеология».

Функции государства — это основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным назначением².

Под идеологией обычно понимают «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающую так или иначе те социальные условия, в которых они находятся»³. Следовательно, государственная идеология — это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих задач, та модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти.

А.И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей»⁴. А.Н. Буховец отмечает следующее: «Говоря о содержании идеологической функции государства, предлагается выделить два основных блока, определяющих идеологическое поле государствен-

ной деятельности. Во-первых, любое государство, собственно, создает и поддерживает ту или иную идеологию, т.е. внедряет в сознание членов общества определенную систему политических, правовых, нравственных, этических взглядов, поскольку через них проявляется отношение людей к существующей действительности, прежде всего к общественно-политическому или, как принято сегодня говорить, конституционному строю, правовому и общественному порядку и т.д. Поэтому, на наш взгляд, ни одно государство не может безразлично относиться к тому, какие идеологические взгляды культивируются в сознании членов общества. Во-вторых, непосредственно сама идеологическая деятельность государства проявляется не только в создании и реципировании каких-либо идеологием в чистом виде, но и в использовании иных, более тонких и современных форм идейного воздействия, которые прямо или опосредованно связаны с развитием и разносторонней поддержкой науки, культуры, образования⁵.

В целом рассмотрению идеологической функции государства уделяется большое внимание в юридической науке, однако очень часто это рассмотрение происходит сквозь призму государственной или политической идеологии. При этом анализу самой функции как таковой уделяется незначительное внимание.

Безусловно, в содержательном плане нормативное закрепление государственной идеологии и идеологическая функция государства почти идентичны, между тем в понимании этих категорий есть существенные различия:

а) государственная идеология содержит достаточно устойчивую систему идей и ценностей. Идеологическая функция государства идеологически нейтральна и направлена на формирование и распространение этих государственно важных установок посредством государственных институтов.

¹ Буховец А.Н. Идеологическая функция государства : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2002.

² Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. С. 327.

³ Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении : монография. М. : НУ ОАОУ, 2013. С. 26.

⁴ Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 56.

⁵ Буховец А.Н. Указ. соч. С. 15–16.

Идеологическая функция государства отвечает за процесс формирования и реализации идеологических установок, а не материальное содержание государственной идеологии;

б) источником государственной идеологии являются идеологические, религиозные и иные доктрины, ценности и интересы определенных социальных групп, решения высших коллегиальных либо единоличных органов. Источником идеологической функции, т.е. субъектом ее формирования и распространения, является институт государства в целом;

в) государственная идеология ограничена временем, так как в историческом процессе сменяются типы государства, приходят к власти различные политические силы. Следовательно, государственная идеология также приобретает другое содержание.

Идеологическая функция государства при этом не ограничена временем и существует постоянно. Это означает, что смена государственной идеологии как в результате конституционного процесса (выборы, решения высших органов власти и т.п.), так и революции не прекращает идеологическую функцию государства как таковую;

г) законодательством может быть исключено существование государственной идеологии у того или иного государства. Идеологическая же функция существует вне зависимости от наличия государственной идеологии. Например, в ст. 13 Конституции РФ установлено, что в России признается политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Конечно, данное положение является спорным, и не все ученые с этим соглашаются. Обозначенное «политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом» само по себе является идеологическим постулатом, основанным на современной доктрине прав

и свобод человека. Эта доктрина является базовой как для Конституции Российской Федерации, так и всей системы права России. Вместе с тем с правовой точки зрения государственная идеология отсутствует в качестве общеобязательной, и говорить о государственной идеологии в этом смысле не совсем корректно.

Вместе с тем идеологическая функция у Российского государства имеется, и реализуется она посредством формирования и распространения идей и ценностей, обозначенных в Конституции РФ, а также с учетом идей, ценностей и интересов определенных социальных групп, общественно-политических доктрин, религиозных ценностей и т.п. С определенной долей условности можно сказать, что это и есть государственная идеология, но для научного анализа подобное предположение необходимо использовать аккуратно.

Анализ конституционных актов большинства показывает важнейшую тенденцию государственного развития — отказ от государственной идеологии как таковой. Определяющими «идеологическими» постулатами являются общепризнанные и доказавшие свою эффективность принципы. В первую очередь это приоритет прав и свобод человека, политическое многообразие (плюрализм)⁶.

Более того, в постоянно изменяющемся мире идеология является сдерживающим фактором для развития как экономических, так и общесоциальных отношений. В связи с этим страны, закрепившие государственную идеологию в конституции, в большинстве случаев проигрывают в своем развитии.

Таким образом, понятие «идеологическая функция государства» не является тождественным категории «госу-

⁶ Принцип политического многообразия (плюрализма) означает создание возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим или иным организациям, деятельность которых имеет политический аспект и находится в рамках конституции. См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 115.

дарственная идеология», так как первое является процессом, а второе определяет сущностное содержание идеологии государства. Это означает, что для целей юридической науки очень важно отделить идеологию как таковую от идеологической функции государства.

Нужно также сказать, что государственная идеология в буквальном значении довольно часто отсутствует в системе права государств, но это не означает

полный отказ от идеологического воздействия со стороны государственной власти на общественные отношения. Такое идеологическое воздействие не противоречит демократическим ценностям, так как в современных демократических государствах закреплено, что носителем власти является народ. Следовательно, такие идеологические принципы формируются также народом либо его представителями.

Литература

1. Буховец А.Н. Идеологическая функция государства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Н. Буховец. Москва, 2002. 20 с.
2. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : диссертация кандидата юридических наук / А.И. Клименко. Москва, 2005. 200 с.
3. Козлова Е.И. Конституционное право России : учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2009. 608 с.
4. Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении : монография / М.С. Козырев. Москва : НУ ОАОУ, 2013. 96 с.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ТК Велби ; Проспект, 2006. 640 с.

References

1. Bukhovets A.N. Ideologicheskaya funktsiya gosudarstva : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Ideological Function of the State : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.N. Bukhovets. Moskva — Moscow, 2002. 20 s.
2. Klimenko A.I. Vzaimosvyaz pravovogo i politicheskogo soznaniya v osuschestvlenii ideologicheskoy funktsii gosudarstva : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Interrelation between Legal and Political Consciousness in Exercising the Ideological Function of the State : thesis of PhD (Law)] / A.I. Klimenko. Moskva — Moscow, 2005. 200 s.
3. Kozlova E.I. Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. [Russian Constitutional Law : textbook. 4th edition, revised and enlarged] / E.I. Kozlova, O.E. Kutafin. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospekt, 2009. 608 s.
4. Kozlyev M.S. Ideologiya i ee rol v rossiyskom gosudarstvennom upravlenii : monografiya [Ideology and Its Role in Russian Public Administration : monograph] / M.S. Kozlyev. Moskva : NU OAOU — Moscow : Research Directorate of the Unified Association of Educational Institutions, 2013. 96 s.
5. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. [Theory of State and Law : textbook. 2nd edition, revised and enlarged] / M.N. Marchenko. Moskva : TK Velbi ; Prospekt — Moscow : TK Velbi ; Prospekt, 2006. 640 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Правовая идеология как объект рецепции права

*Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Управление персоналом»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru*

Отвечая положительно на вопрос о возможности рецепции правовой идеологии, исследователи расходятся во мнениях относительно ее пользы для правовой системы современной России. При этом российская теория права испытывает затруднения в выработке единообразного подхода к раскрытию содержания правовой идеологии. Автор раскрывает постоянную связь между государственной и правовой идеологией, наглядно демонстрируя невозможность существования правовой идеологии отдельно от государственной идеологии. Доказывается, что рецепция правовой идеологии возможна только при заимствовании политико-правового либо философского учения в качестве государственной идеологии.

Ключевые слова: право, государство, правовая идеология, правовые реформы, либерализм, марксизм, неолиберализм.

Legal Ideology as an Object of Reception of Law

*Tkachenko Sergey V.
Associate Professor of the Department of Human Resource Management
of the Samara State Transport University
PhD (Law)*

Responding positively to the question about the possibility of reception of legal ideology, the researchers disagree about its benefits for the legal system of modern Russia. The Russian theory of law has difficulties in developing a uniform approach to the disclosure of the content of legal ideology. The author reveals the connection between the state and legal ideology, clearly demonstrating the impossibility of the existence of legal ideology separately from the state. It is proved that the reception of legal ideology is possible only when borrowing political-legal or philosophical doctrine as a state ideology.

Keywords: law, state, legal ideology, legal reforms, liberalism, marxism, neoliberalism.

Современные российские ученые в большинстве своем убеждены в самой возможности рецепции зарубежной правовой идеологии¹. Существуют как сторонники такого процесса, которые видят в нем некую позитивность развития правовой системы, так и убежденные его противники, считающие, что только возврат к своим традиционным ценностям в области права либо же создание новых, исключительно отечественных правовых ценностей позволит эффективно решать наиболее проблемные отечественного права. Но, несмотря на такую внешнюю противоречивость позиций научного со-

общества в отношении возможности такой рецепции, в литературе особо подчеркивается исключительная важность для государства и общества эффективно действующей правовой идеологии. Именно она представляет собой дилемму либо расцвета и дальнейшего процветания, либо деградации и неминуемой гибели российской государственности вкупе с правовой системой², играя важную роль своеобразного «идейного маяка» для всего отечественного правосозна-

¹ См., напр.: Нефедов С.И. Проблемы правовой идеологии в современной России // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1. С. 90.

² Якубенко К.Ю. Правовая идеология: природа и содержание // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40). С. 63; Сидоров А.В. Государственно-правовая идеология как институциональный фактор российской модернизации // Философия права. 2007. № 1. С. 96–98.

ния³. Но при наличии таких зачастую неоправданно возвеличивающих значение правовой идеологии деклараций в российской науке нет какого-либо однозначного подхода к раскрытию ее содержания, ее реальной роли, места в правовой системе, механизма функционирования. Все это существенно затрудняет изучение не только самого феномена правовой идеологии, но также самой возможности ее рецепции из других правовых систем или политико-правовых учений. Как правило, российские ученые рассматривают правовую идеологию как некую совокупность или систему взглядов, идей, концепций, программ, впоследствии «разбавляемую» в соответствии с усмотрением исследователя в целях заострения внимания на какой-нибудь ее особенности. Это и особые указания на входящую в нее конкретно-историческую правовую теорию, в которой абсолютизируются правовые интересы, ценности, смыслы определенной социальной группы⁴, и механизм влияния этих идей на общественное правосознание⁵, целевые установки, определяемые конкретными социальными интересами⁶, и т.д. Но, несмотря на такое видимое разно-

образии «особенностей», этот подход обоснованно критикуется, так как никоим образом не позволяет выявить хотя бы какие-то закономерности права. Причины же этого видятся отнюдь не в принципиальном отказе российского научного сообщества от создания научно обоснованного учения о правовой идеологии, а в неких стойких традициях российской юридической науки, заложенных в советский период⁷. Исследователей даже не смущает тот факт, что с момента уничтожения советской теории права прошло уже почти 30 лет и с тем же успехом можно обвинять и теорию права, скажем, эпохи императора Николая II в современных правовых проблемах. Думается, все же такое переложение ответственности на традиции российской юриспруденции обусловлено неостребованностью государством независимых от его внешней и внутренней правовой политики научных правовых теорий, концепций, учений, позволяющих по-иному взглянуть на правовые процессы, которые происходят в обществе. Как итог длительного существования такой политики в постсоветское время в российской теории права был сформирован самый безопасный для исследователя подход к раскрытию содержания правовой идеологии, который свел все ее содержание исключительно к теоретическим проблемам правосознания. Показательно, что этот подход широко распространен не только в научной литературе. На нем основываются уже практически все учебники по теории государства и права⁸, что позволяет в определенном смысле назвать его господствующим в теории права. Однако, думается, изучение изме-

³ Гусарова М.А. Правовая идеология и правовая психология в современном российском обществе: анализ корреляционных связей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 80.

⁴ Летагин Л.И. Теория права — наука или идеология? // Право и личность: история, теория и практика : материалы ежегодной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 30 декабря 2014 г.) : сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Ильченко. Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2014. С. 63.

⁵ Беседин А.А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

⁶ См., напр.: Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России, 2016. № 3. С. 89.

⁷ См., напр.: Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 357.

⁸ Куничкина Н.С. Теоретико-методологические проблемы определения соотношения государственной идеологии и права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2008. № 28. С. 10.

нения правосознания как следствия воздействия правовой идеологии невозможно без понимания истинных целей и задач, вкладываемых в нее законодателем. Ведь именно так можно объективно и беспристрастно оценить достигнутый правовой результат, вне учета каких-либо пожеланий и требований со стороны представителей политических и экономических элит.

К другим существующим проблемам определения содержания правовой идеологии относится категорический запрет на любую идеологию (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ), делающую официальное признание государством правовой идеологии весьма сомнительным мероприятием с позиции идеологии позитивизма. По сути, конституционный запрет на государственную идеологию означает и категорический запрет на правовую идеологию. Это связано с тем, что правовая идеология является важной составной частью государственной идеологии и ее содержание неразрывно связано с содержанием государственной идеологии. Этот факт становится очевидным при рассмотрении процессов рецепции какого-либо политико-правового, философского учения как основы правовой системы и ее воплощения в качестве государственной идеологии. Так, государственная идеология молодого Советского государства, основанная на учении К. Маркса и Ф. Энгельса, закономерно привела к установлению советской правовой идеологии. Достаточно вспомнить такие крайне сомнительные с позиции современности правовые «преобразования», вполне объяснимые с позиций господствовавшей государственной идеологии, как уничтожение права собственности, наследственного права и реформирование семейного права. Многочисленные правовые репрессии вплоть до физического уничтожения «враждебных», «нетрудовых элементов», «врагов народа» также были прямым следствием реализации этой идеологии. Однако рецепция Советским государством своей государственной идеологии в странах Восточной Европы в результате побе-

ды в Великой Отечественной войне была осуществлена вместе с социалистической правовой идеологией. Крушение же мировой системы социализма привело к отказу в этих странах от социалистической по характеру государственной идеологии, что привело к автоматическому отказу и от социалистической правовой идеологии. Кроме того, установление в качестве государственной идеологии либерализма в форме неолиберализма закономерно привело к одновременному установлению соответствующей по характеру правовой идеологии. В силу такого соотношения государственной и правовой идеологии невозможным, по сути, представляется факт заимствования либеральной правовой идеологии авторитарным или тоталитарным по характеру государством. Это же правило действует и в обратную сторону, делая невозможным какое-либо заимствование тоталитарной правовой идеологии либеральным по духу государством.

Соответственно, чтобы определиться с содержанием современной российской правовой идеологии, необходимо, прежде всего, выявить действительное содержание государственной идеологии. Но российские исследователи в большинстве своем успешно избегают раскрытия ее реального содержания, как правило, останавливаясь лишь на романтических сравнениях идеологии с душой⁹, с мыслями¹⁰ и пр. Как следствие такого развития теории права, исследователи мечтают о возрождении православленной¹¹, имперской¹² идеологии, не в

⁹ Мельников В.Ю. Конституционная правовая идеология государства — основа национальной идеи? // Наука и современность. 2015. № 3 (5). С. 82.

¹⁰ Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: Проблемы методологии, теории, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28.

¹¹ Белякова А.М. Государственная (общенациональная) идеология в современной России // Экономика, социология и право. 2016. № 11. С. 88–92.

¹² Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном

полной мере осознавая реальные последствия воплощения таких мечтаний в российские условия. Также показательно и возрождение советской традиции основываться в своих научных исследованиях на выступлениях лидеров Российского государства. Так, основываясь на текстах выступлений президента В.В. Путина, исследователи свели содержание существующей в России государственной идеологии к одной единственной идее патриотизма¹³. Как следствие рассмотренных процессов, полностью игнорируя связь правовой политики с государственной идеологией и, соответственно, с самим правом, научным сообществом предпринимаются активные попытки осознания ее обособленного механизма создания и функционирования. Именно здесь, как правило, происходит полная идеализация всех правовых процессов, касающихся правовой идеологии, превращая такой научный анализ в некое сказочное, по сути, повествование. Так, утверждается, что российская правовая идеология представляет собой результат целенаправленной интеллектуально-правовой деятельности как всего общества, так и его отдельных представителей правоведов-идеологов¹⁴. В этом же идеалистическом ключе доказывается, что правовая идеология вырабатывается философией права и (или) правовой доктриной как целостная система базовых юридических идей, ценностей, понятий и концепций, выступающих основой онтологизации и легитимации права в общественном и профессиональном сознании¹⁵. Но достаточно очевидным явля-

ется факт формирования в современной России правовой идеологии исключительно государством без какого-либо участия гражданского общества, что выражается, прежде всего, в стойком нежелании создания реальных условий для полноценного диалога с гражданским обществом. Соответственно, каких-либо реальных примеров участия представителей философии права совместно с представителями юридического сообщества в целенаправленной интеллектуально-правовой деятельности по формированию реально действующей правовой идеологии, видимо в силу их реального отсутствия, ни одним исследователем не приводится. Здесь также необходимо иметь в виду, что само содержание правовой идеологии тесно связано с содержанием позитивного права как такового. Правовая идеология служит специфическим механизмом реализации целей и задач самого права в рамках заданных государственной идеологией. Поэтому для определения содержания правовой идеологии необходимо, прежде всего, определиться с реальным содержанием российского права, которое является ориентированным на западную систему политических и правовых ценностей и является откровенно капиталистическим по своему содержанию. Именно такие ориентиры ставила политическая элита перед Российским государством при переходе на декларируемый либеральный проект. Однако те правовые реформы, которые были проведены на основе полномасштабной рецепции либеральных правовых ценностей, по своему характеру с либерализмом не имеют ничего общего. Ведь подлинный либерализм не имеет ничего общего с утвердившимися в российской реальности принципами «волчьей» борьбы за выживание¹⁶,

государстве // Философия права. 2012. № 2. С. 85.

¹³ Неверов А.Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 111.

¹⁴ Якубенко К.Ю. Указ. соч. С. 66.

¹⁵ Михайлов А.М. Правовая идеология: проблемы теории // Проблемы методологии и философии права : материалы международного круглого стола (г. Самара, 28 февраля 2014 г.): сб. науч. ст. / под общ. ред. С.Н. Касаткина.

Самара : Самарская гуманитарная академия, 2014. С. 111.

¹⁶ Гусев К.А. Преодоление проблемы несбалансированности либерального государства в русском социальном либерализме // Прошлое-настоящее-будущее Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения : материалы всероссийской научной конференции

либерал по западным стандартам — это, прежде всего, приверженец свободы личности, сторонник правовой государственной системы, построенной на защите гражданских прав и политических свобод индивидуума¹⁷. Под лозунгами либеральной государственной идеологии под контролем ведущих западных стран и международных финансовых институтов была внедрена идеология неолиберализма в виде «Вашингтонского консенсуса» в обмен на предоставление финансовой помощи. В результате с помощью западных неолиберальных рецептов Российское государство на многие десятилетия утратило свой экономический, правовой и продовольственный суверенитет. Именно в связи с таким разрушительным ее характером отдельные западные исследователи обоснованно утверждают, что идеология неолиберализма — это идеология апокалипсиса, «откровения», так как уже нельзя никого обмануть, называя мировые корпорации, в целях которых ре-

ализуется этот консенсус, безобидными «игроками»¹⁸. Несмотря на современное изменение международной обстановки в связи с ужесточением режима санкций со стороны западного мира, принципиального отказа от этой государственной и соответственно правовой идеологии не происходит, что препятствует развитию государственности и российской правовой системы, соответствующих современным российским реалиям.

Таким образом, правовая идеология является неотъемлемой частью государственной идеологии, реализуя правовым способом ее цели и задачи, сформулированные желаниями политической элиты. Соответственно, в качестве полностью изолированного от государственной идеологии объекта рецепции она не представляет никакой ни теоретической, ни практической ценности для использования в зарубежных правовых системах. Только лишь при рецепции какого-либо политико-правового, философского учения в качестве государственной идеологии такой же рецепции автоматически подлежит и соответствующая правовая идеология.

(г. Санкт-Петербург, 29–30 октября 2013 г.) : сб. науч. ст. СПб. : Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2013. С. 436.

¹⁷ Боханов А.Н. Парламентаризм в России (вопросы идентификации и гносеологии) // Доклады Института российской истории РАН. 1997. № 2. С. 135.

¹⁸ Фон Верльхоф К., Смирнова А., Шарп К. Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению Земли? // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 127.

Литература

1. Белякова А.М. Государственная (общенациональная) идеология в современной России / А.М. Белякова // Экономика, социология и право. 2016. № 11. С. 88–92.
2. Беседин А.А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Беседин. Москва, 2011. 24 с.
3. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: Проблемы методологии, теории, практики : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.А. Боброва. Москва, 2004. 48 с.
4. Боханов А.Н. Парламентаризм в России (вопросы идентификации и гносеологии) / А.Н. Боханов // Доклады Института российской истории РАН. 1997. № 2. С. 129–162.
5. Гусарова М.А. Правовая идеология и правовая психология в современном российском обществе: анализ корреляционных связей / М.А. Гусарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 79–82.
6. Гусев К.А. Преодоление проблемы несбалансированности либерального государства в русском социальном либерализме / К.А. Гусев // Прошлое-настоящее-будущее Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения : материалы всероссийской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 29–30 октября 2013 г.) : сборник научных статей. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2013. С. 433–436.

7. Куничкина Н.С. Теоретико-методологические проблемы определения соотношения государственной идеологии и права / Н.С. Куничкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 28 (128). С. 10–13.
8. Летягин Л.И. Теория права — наука или идеология? / Л.И. Летягин // Право и личность: история, теория и практика : материалы ежегодной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 30 декабря 2014 г.) : сборник научных статей ; под общей редакцией В.Н. Ильченко. Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2014. С. 57–66.
9. Мельников В.Ю. Конституционная правовая идеология государства — основа национальной идеи? / В.Ю. Мельников // Наука и современность. 2015. № 3 (5). С. 77–85.
10. Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания / А.М. Михайлов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 355–379.
11. Михайлов А.М. Правовая идеология: проблемы теории / А.М. Михайлов // Проблемы методологии и философии права : материалы международного круглого стола (г. Самара, 28 февраля 2014 г.) : сборник научных статей ; под общей редакцией С.Н. Касаткина. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2014. С. 108–119.
12. Неверов А.Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания / А.Я. Неверов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 107–115.
13. Нефедов С.И. Проблемы правовой идеологии в современной России / С.И. Нефедов // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1. С. 88–92.
14. Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве / А.И. Овчинников // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 84–89.
15. Реуф В.М. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения / В.М. Реуф, П.П. Сальников // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 3. С. 89–95.
16. Сидоров А.В. Государственно-правовая идеология как институциональный фактор российской модернизации // Философия права. 2007. № 1. С. 96–98
17. Фон Верльхоф К. Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению Земли? / К. фон Верльхоф, А. Смирнова, К. Шарп // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 106–139.
18. Якубенко К.Ю. Правовая идеология: природа и содержание / К.Ю. Якубенко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40). С. 63–66.

References

1. Belyakova A.M. Gosudarstvennaya (obschenatsionalnaya) ideologiya v sovremennoy Rossii [State (National) Ideology in Modern Russia] / A.M. Belyakova // Ekonomika, sotsiologiya i pravo — Economy, Sociology and Law. 2016. № 11. S. 88–92.
2. Besedin A.A. Pravovaya ideologiya kak element pravovoy sistemy` sovremenno go obschestva : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Legal Ideology as an Element of the Legal System of the Modern Society : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.A. Besedin. Moskva — Moscow, 2011. 24 s.
3. Bobrova N.A. Konstitutsionny`y stroy i konstitutsionalizm v Rossii: Problemy` metodologii, teorii, praktiki : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Constitutional Structure and Constitutionalism in Russia: Issues of Methodology, Theory, Practice : author's abstract of thesis of LL.D.] / N.A. Bobrova. Moskva — Moscow, 2004. 48 s.
4. Bokhanov A.N. Parlamentarizm v Rossii (voprosy` identifikatsii i gnoseologii) [Parliamentarism in Russia (Issues of Identification and Gnoseology)] / A.N. Bokhanov // Doklady` Instituta rossiyskoy istorii RAN — Reports of the Institute of Russian History of the RAS. 1997. № 2. S. 129–162.
5. Gusarova M.A. Pravovaya ideologiya i pravovaya psikhologiya v sovremennom rossiyskom obschestve: analiz korrelyatsionny`kh svyazey [Legal Ideology and Legal Psychology in the Modern Russian Society: An Analysis of Correlation Relationships] / M.A. Gusarova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Study of Art. Issues of the Theory and Practice. 2017. № 2 (76). S. 79–82.
6. Gusev K.A. Preodolenie problemy` nesbalansirovannosti liberalnogo gosudarstva v russkom sotsialnom liberalizme [Solution of the Issue of Imbalance of the Liberal State in Russian Social Liberalism] / K.A. Gusev // Proshloe-nastoyashee-budushee Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta

- kino i televideniya : materialy` vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 29–30 oktyabrya 2013 g.) : sbornik nauchny`kh statey [The Past, the Present, the Future of the St. Petersburg State University of Film and Television : files of the All-Russian Scientific Conference (Saint Petersburg, October 29 to 30, 2013) : collection of scientific articles]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenny`y institut kino i televideniya — Saint Petersburg : St. Petersburg State University of Film and Television, 2013. S. 433–436.
7. Kunichkina N.S. Teoretiko-metodologicheskie problemy` opredeleniya sootnosheniya gosudarstvennoy ideologii i prava [Theoretical and Methodological Issues of Determination of Correlation between State Ideology and Law] / N.S. Kunichkina // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo — Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2008. № 28 (128). S. 10–13.
 8. Letyagin L.I. Teoriya prava — nauka ili ideologiya? [Theory of Law: Science or Ideology?] / L.I. Letyagin // Pravo i lichnost: istoriya, teoriya i praktika : materialy` ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ekaterinburg, 30 dekabrya 2014 g.) : sbornik nauchny`kh statey ; pod obschey redaktsiyey V.N. Ilchenko [Law and Individual: History, Theory and Practice : files of an annual scientific and practical conference (Ekaterinburg, December 30, 2014) : collection of scientific articles ; under the general editorship of V.N. Ilchenko]. Ekaterinburg : Uralskiy gosudarstvenny`y universitet — Ekaterinburg : Ural State University, 2014. S. 57–66.
 9. Melnikov V.Yu. Konstitutsionnaya pravovaya ideologiya gosudarstva — osnova natsionalnoy idei? [Constitutional Legal Ideology of the State: The Basis of the National Idea?] / V.Yu. Melnikov // Nauka i sovremennost — Science and Modern Times. 2015. № 3 (5). S. 77–85.
 10. Mikhaylov A.M. Ponyatie pravovoy ideologii i ego mesto v sostave teoretiko-pravovogo znaniya [The Concept of Legal Ideology and Its Place within Theoretical Legal Knowledge] / A.M. Mikhaylov // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki — Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. № 3. S. 355–379.
 11. Mikhaylov A.M. Pravovaya ideologiya: problemy` teorii [Legal Ideology: Issues of Theory] / A.M. Mikhaylov // Problemy` metodologii i filosofii prava : materialy` mezhdunarodnogo kruglogo stola (g. Samara, 28 fevralya 2014 g.) : sbornik nauchny`kh statey ; pod obschey redaktsiyey S.N. Kasatkina [Issues of Methodology and Philosophy of Law : files of an international round table (Samara, February 28, 2014) : collection of scientific articles ; under the general editorship of S.N. Kasatkin]. Samara : Samarskaya gumanitarnaya akademiya — Samara : Samara Academy for the Humanities, 2014. S. 108–119.
 12. Neverov A.Ya. Gosudarstvennaya ideologiya v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovy`e osnovaniya [State Ideology in the Russian Federation: Constitutional Law Grounds] / A.Ya. Neverov // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovy`e issledovaniya — Bulletin of the Tyumen State University. Socioeconomic and Legal Research. 2016. Vol. 2. № 4. S. 107–115.
 13. Nefedov S.I. Problemy` pravovoy ideologii v sovremennoy Rossii [Issues of Legal Ideology in Modern Russia] / S.I. Nefedov // Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo. 2011. T. 1 — Civil Society and Law-Governed State. 2011. Vol. 1. S. 88–92.
 14. Ovchinnikov A.I. Ponyatie gosudarstvennoy ideologii i ee funktsii v sovremennom gosudarstve [The Concept of State Ideology and Its Functions in the Modern State] / A.I. Ovchinnikov // Filosofiya prava — Philosophy of Law. 2012. № 2 (51). S. 84–89.
 15. Reuf V.M. Pravovaya ideologiya i pravovy`e idealy`: nekotory`e diskussionny`e aspekty` ponimaniya i sootnosheniya [Legal Ideology and Legal Ideals: Some Discussion Aspects of Understanding and Correlation] / V.M. Reuf, P.P. Salnikov // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii — Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 3. S. 89–95.
 16. Sidorov A.V. Gosudarstvenno-pravovaya ideologiya kak institutsionalny`y faktor rossiyskoy modernizatsii [State and Legal Ideology as an Institutional Factor of Russian Modernization] // Filosofiya prava — Philosophy of Law. 2007. № 1. S. 96–98.
 17. Von Werlhof C. Gblalizatsiya i neoliberalizm: suschestvuet li alternativa razgrableniyu Zemli? [Neoliberal Globalization: Is There an Alternative to Plundering the Earth?] / C. von Werlhof, A. Smirnova, K. Sharr // Vestnik Instituta sotsiologii — Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 3 (14). S. 106–139.
 18. Yakubenko K.Yu. Pravovaya ideologiya: priroda i sodержanie [Legal Ideology: The Nature and Content] / K.Yu. Yakubenko // Ucheny`e trudy` Rossiyskoy akademii advokatury` i notariata — Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2016. № 1 (40). S. 63–66.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-39-45

Теория определений Иеремии Бентама*

Оглезнев Виталий Васильевич,
 профессор кафедры теории и истории государства и права
 юридического факультета Санкт-Петербургского
 государственного университета,
 доктор философских наук, доцент
 ogleznev82@mail.ru

Теория определений Бентама оказала сильное влияние не только на позитивистские концепции права XIX и XX вв., но прежде всего на методологию исследования фундаментальных правовых понятий и терминов. Основной новацией Бентама в рамках разработанной им теории определений был метод парафразы — оригинальный способ объяснения фундаментальных правовых (и моральных) понятий, суть которого сводится к идее, что при исследовании правовых понятий следует рассматривать не отдельное слово, но предложение в котором оно используется. Эта идея, по мнению одного из исследователей творчества Бентама, произвела революцию в семантике, которая заключалась, во-первых, в признании эффективности контекстуальных определений абстрактных понятий и, во-вторых, в идее, что предложения, а не слова являются «первичным носителем значения». В статье достаточно подробно описаны логико-семантические аспекты рассматриваемой теории определений, а также ее значение для современной юриспруденции.

Ключевые слова: родовидовое определение, правовые понятия, контекстуальная зависимость, контекстуальное определение, парафраз.

The Jeremy Bentham's Theory of Definitions

Ogleznev Vitaly V.,
 Professor of the Department of Theory and History
 of the State and Law of the Law Faculty of the Saint-Petersburg State University,
 Doctor of Philosophy, Associate Professor

The theory of definition proposed by Bentham had a strong influence not only on the conceptions of legal positivism of XIXth and XXth centuries, but first of all on the methodology of the study of fundamental legal concepts. The main innovation of Bentham within the framework of his theory of definitions was the paraphrasis — an original method of elucidating fundamental legal (and moral) concepts, the idea of which consists in that when studying legal concepts one should consider not a single word, but a sentence in which it is used. This, according to one of the researchers of Bentham's theory, led to the revolution in semantics, namely, in recognizing the effectiveness of contextual definitions of abstract concepts and in the idea that sentences, not words, are the "primary vehicles" of meaning. The article presents in some detail the logical-semantic aspects of the theory of definition, as well as its significance for modern jurisprudence.

Keywords: a genus-differentia definition, legal concept, contextual dependency, contextual definition, paraphrases.

Теория определений И. Бентама представляет интерес для историко-правовых исследований не только и не столько как необходимая часть всей его политико-правовой теории, поскольку в противном случае она приобрела бы в некотором смысле экзегетическую трактовку. Но прежде всего тем, что предпринятая Бентамом ревизия существующих подходов к определению, инспирированных

еще Аристотелем и средневековыми схоластами, во многом видоизменила методологический аппарат современной юриспруденции и философии права¹. Более того, разработанный им метод парафразы, как особый способ объяс-

¹ Савюк Л.К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19–38.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-1530.2018.6).

нения абстрактных понятий, или, выражаясь его словами, «вымышленных сущностей», оказал существенное влияние и на развитие семантических концепций аналитической философии XX в., особенно на Г. Фреге, Б. Рассела и У.В.О. Куайна². Бентам предложил не просто новый способ исследования фундаментальных правовых (и моральных) понятий, но целую методологическую теорию определений, детально описав в своих многочисленных работах ее онтологические, логико-семантические и прагматические стороны. Здесь же мы хотим обратиться лишь к анализу логико-семантических аспектов рассматриваемой теории определений, что нисколько не умаляет значения других аспектов.

Итак, в чем заключается суть этого нового способа объяснения абстрактных терминов? И какова его инновационная составляющая? По мнению Куайна, метод Бентама следует трактовать как контекстуальное определение, как подход, который «произвел революцию в семантике; возможно, не такую неожиданную, как революция Коперника в астрономии, но тем не менее центр дискуссий сместился: первичным носителем значения стало рассматриваться не слово, но все предложение»³. Революционный характер этого подхода заключался в том, что «Бентам признал, что для того, чтобы объяснить термин, нам не надо устанавливать объект, к которому он отсылает, нам даже не надо подбирать синонимичное слово или фразу; нам следует лишь показать, как этот термин используется во всех возможных употреблениях»⁴.

² Bronzo S. Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2014. Vol. 8. P. 1–41.

³ Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism // Theories and Things. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 69.

⁴ Quine W.V.O. Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays. New York: Columbia University Press, 1969. P. 72.

В основе теории Бентама лежал тезис о различении реальных и абстрактных, или, его словами, вымышленных, сущностей. Вымышленные сущности выражены в языке словами, которые он назвал «именами вымышленных сущностей». Эти слова представлены классом существительных, который противопоставляется другому классу — «именам реальных сущностей». В силу своей грамматической формы имена вымышленных сущностей кажутся предназначенными для обозначения чего-то, но это ощущение, по мнению Бентама, обманчиво. Вымышленной сущностью, как он выразился, «является сущность, которой, исходя из грамматической формы дискурса, должно быть приписано существование, но в действительности этого не может произойти»⁵. Сама структура предложения вводит нас в заблуждение, вынуждая рассматривать вымышленные сущности так, как если бы они существовали. Единственным способом разъяснения, который может быть здесь полезен, по мнению Бентама, является метод «парафразы» (*paraphrasis*): «Парафраз является единственным полезным способом тогда, когда вещь, обозначаемая именем вымышленной сущности, не имеет общего рода»⁶.

В чем же заключается уникальность парафразы? Интересную интерпретацию применимости этого инструмента предложил Р. Гаррисон. Если определение предназначено лишь для прояснения и если оно применимо только к реальным сущностям, т.е. к тому, с чем мы знакомы, это значит, что при помощи такого определения у нас не получится прояснить термины, которые не обозначают реальные сущности. Родовидовое определение полезно только

⁵ Bentham J. Fragment on Ontology // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 197.

⁶ Bentham J. Essay on Logic // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 246.

тогда, когда род известен. Конечно, добиться того, чтобы род стал известен, можно и при помощи других определений; но поскольку мы имеем дело с терминами, не имеющими общего рода, необходимо использовать другой метод — метод парафразы⁷. Сам Бентам так объясняет эти сложности: «Общий метод определения — метод *per genus et differentiam*, как его называют логики, во многих случаях вообще не будет отвечать заданной цели. Среди абстрактных терминов мы вскоре обнаруживаем такие, которые не имеют *высшего рода*. Ясно, что мы не сможем ничего добиться, применяя к ним определение *per genus et differentiam*, которое следует либо прекратить, либо развернуть его, так сказать, на себя»⁸. Иными словами, абстрактный характер таких терминов вынуждает рассматривать их в более широком контексте, а не в рамках конкретной речевой ситуации. Парафраз, как верно отмечает С. Бронзо, становится, таким образом, для Бентама своеобразным лекарством от «словоблудия и бессмыслицы»⁹, позволяющим избавить содержание понятий от всего нерелевантного и случайного.

Объяснение этого нового метода исследования в наиболее полном виде представлено, пожалуй, в его “A Fragment on Government” и “Essay on Logic” и в целом сводится к следующему: «...единственным методом для разъяснения слов *обязанность, субъективное право, вещное право* и других терминов того же рода, в изобилии представленных в этике и юриспруденции, посредством которого может быть передано любое правило, является метод *парафразы (paraphrasis)*. <...> Можно сказать, что слово разъясняется через *парафраз*, когда не одно

это *слово* переводится в другие *слова*, но некоторое целостное *предложение*, частью которого является данное слово, переводится в другое *предложение*. Слова этого другого предложения становятся ясными или более *простыми* чем ранее. <...> Короче говоря, это единственный метод, с помощью которого любые абстрактные термины могут быть, в конечном счете, разъяснены для любой разумной цели»¹⁰. Таким образом, «словом парафраз можно обозначить такое изложение, когда суждение, субъектом которого является не что иное, как вымышленная сущность, превращается в суждение, субъектом которого выступает реальная сущность»¹¹.

Здесь следует особо отметить, что Бентам не называет парафраз определением, более того, для его теории отделение парафразы от определения имеет важное эпистемологическое значение. Когда он говорит об определении, то в большинстве случаев речь идет о классическом способе определения *per genus et differentiam*, полезность которого им оспаривается. Для Бентама определение — это не просто технический прием, не просто логический способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка, но важный процесс объяснения и прояснения идеи, выраженной в форме того или иного термина. Есть и вполне методологическое обоснование необходимости различать парафраз и определение: «...при *определении* фраза используется для объяснения отдельного слова: *при парафразе* фраза используется для объяснения целостной фразы, где слово, нуждающееся в объяснении, является основным или смыслообразующим»¹². Как верно отмечает Гаррисон, опреде-

⁷ Harrison R. Bentham. The Arguments of the Philosophers. London : Routledge, 1983. P. 56.

⁸ Bentham J. A Fragment on Government. Oxford : The Clarendon Press, 1891. P. 233.

⁹ Bronzo S. Op. cit. P. 5, 29.

¹⁰ Bentham J. A Fragment on Government. P. 233.

¹¹ Bentham J. Essay on Logic. P. 246.

¹² Bentham J. Chrestomathia // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh : William Tait, 1843. P. 126.

ление и парафраз являются для Бентама «разновидностями такой более общей деятельности как объяснение»¹³. «*Определить* слово, — пишет Бентам, — значит указать на некоторую совокупность, где обозначен каждый объект, а также указать на некоторое качество или свойство, которым обладает этот объект, но которым не обладает никакой другой объект этой же совокупности»¹⁴.

Но с чем связана невозможность применения родовидового определения к анализу абстрактных понятий? Связано ли это только с тем, что такие понятия не имеют общего рода, или с тем, что отсутствие общего рода обуславливает их абстрактный характер? Утверждение Бентама о том, что парафраз используется для объяснения тогда, когда «вещь, обозначаемая именем вымышленной сущности, не имеет общего рода», по мнению Гаррисона, следует понимать как конъюнкцию двух утверждений: первое — вещь обозначается именем вымышленной сущности, и второе — вещь не имеет общего рода¹⁵. Это в полной мере соответствует логике самого Бентама, который на примере анализа слова «обязанность» демонстрирует взаимосвязь этих утверждений: «Обязанность — это имя не реальной, но лишь вымышленной сущности, и эта вымышленная сущность не имеет общего рода, поэтому определение традиционной формы, *per genus et differentiam*, оказывается здесь неприменимым, работает только объяснение при помощи парафразы»¹⁶. Получается, что дело совсем не в том, что родовидовое определение не применимо потому, что определяемый объект является вымышленной сущностью, но скорее в том, что определяемый объект является и вымышленной сущностью и невосприимчивой к подобного рода определению. Возможно, имен-

но это обстоятельство Гаррисон имеет в виду, когда говорит, что «основная сложность здесь возникает потому, что есть и вымышленная сущность, и то, что у нее отсутствует общий род, а не потому, что отсутствие общего рода связано с тем, что это — вымышленная сущность»¹⁷. Конечно, из того, что у понятия отсутствует общий род, совсем не следует то, что это понятие представляет собой вымышленную сущность. Например, боль и удовольствие, которые Бентам относил к реальным сущностям, также не имеют общего рода. Но если нечто обозначается именем вымышленной сущности, то из этого уже с необходимостью следует то, что данное понятие не имеет общего рода, и родовидовое определение здесь не применимо. Бентам предложил решить эту проблему, переключив внимание с анализа отдельного термина на анализ набора таких терминов. Нужно исследовать не отдельные слова или термины, но предложения или суждения, в которых они используются, где самым надежным способом будет парафраз. Например, мы должны рассматривать не слово «право», но суждение «Вы имеете право», не слово «государство», но суждение «Он — гражданин или должностное лицо государства». Из чего надо сделать вывод, что невозможно установить значение правовых понятий, если они рассматриваются обособленно, но только в рамках значения тех утверждений, в которых они употребляются¹⁸. Таким образом, революция Бентама в семантике, на которую указывал Куайн, по-видимому, заключается: во-первых, в признании эффективности контекстуальных определений абстрактных понятий и, во-вторых, в идее, что предложения, а не слова являются «первичным носителем значения».

Этот оригинальный подход к анализу понятий и терминов юриспру-

¹³ Harrison R. Op. cit. P. 53.

¹⁴ Bentham J. Essay on Logic. P. 245.

¹⁵ Harrison R. Op. cit. P. 57.

¹⁶ Bentham J. Essay on Logic. P. 247.

¹⁷ Harrison R. Op. cit. P. 58.

¹⁸ Bentham J. A Fragment on Government. P. 233.

денции получил дальнейшее развитие в XX в. в работах Г.Л.А. Харта, который применил новации Бентама к исследованию функционирования юридического языка в целом. По словам Харта, именно «Бентам много лет назад выступил с предупреждением, что юридические слова требуют особого метода прояснения, и провозгласил принцип, составляющий начало премудрости в этом деле <...> мы никогда не должны рассматривать слова сами по себе, но все предложения целиком, в которых они играют характерную для себя роль»¹⁹. Так, например, вместо того чтобы определять такое слово, как «обязанность», взятое отдельно, «нам следует исследовать законченное предложение, в котором оно используется; необходимо спрашивать не о значении слова „обязанность“, но о значении утверждения, что у человека есть обязанность, а затем искать перевод или подбирать синоним такому утверждению»²⁰. Но вместе с тем Харт отмечает, что, несмотря на то что метод Бентама применим ко многим случаям и позволяет многое прояснить, он тем не менее ведет к искаженному пониманию большого числа таких юридических слов, как «субъективное право» или «обязанность», чья характерная роль реализуется не в утверждениях о факте, но в юридических выводах. Парафраз этих слов в эмпирические термины невозможен, и, когда Бентам предлагает такой парафраз, он не получается вовсе²¹.

Это положение дел привело Харта к выводу, что необходимо модифицировать подход Бентама таким образом, чтобы он мог противостоять отмеченным трудностям. Он предложил новый способ определения — «объяс-

няющее прояснение» (*explanatory elucidation*), т.е. вместо определения отдельного термина необходимо рассмотреть предложение, где соответствующее языковое выражение играет характерную для себя роль и разъясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное выражение употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае²².

Однако, несмотря на некоторые критические замечания²³, теория определений Бентама оказала сильное влияние не только на позитивистские концепции права XIX и XX вв., но прежде всего на методологию исследования фундаментальных правовых понятий и терминов. Хотя, конечно, у метода парафраза есть и слабые стороны, влияющие на эффективность его применимости, что и привело в конечном счете к необходимости его трансформации в так называемое определение в употреблении (*definition in use*) — особую разновидность контекстуального определения. Но именно идея парафраза позволила Бентаму разработать теорию вымышленных (или логических) сущностей, теорию о том, что абстрактные понятия следует исследовать в рамках пропозиционального контекста, в котором они используются характерным для себя образом²⁴.

²² Ibid. P. 49.

²³ См., напр.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36–40; Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. P. 775–801; Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. No. 77. P. 347.

²⁴ Champs E. The Place of Jeremy Bentham's Theory of Fictions in Eighteenth-century Linguistic Thought // Journal of Bentham Studies. 1999. Vol. 2. No. 1. P. 1–28.

¹⁹ Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 41.

²⁰ Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 43.

²¹ Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. P. 48.

Литература

1. Оглеzneв В.В. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт / В.В. Оглеzneв, В.А. Суровцев // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36–40.
2. Савюк Л.К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам / Л.К. Савюк // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19–38.
3. Харт Г.Л.А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. Москва : Канон+, 2017. С. 135–167.
4. Bentham J. A Fragment on Government / J. Bentham. Oxford : The Clarendon Press, 1891. 272 с.
5. Bentham J. Chrestomathia / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh : W. Tait ; London : Simpkin, Marshall, 1843. P. 1–192.
6. Bentham J. Essay on Logic / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh : W. Tait ; London : Simpkin, Marshall, 1843. P. 213–294.
7. Bentham J. Fragment on Ontology / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham, Vol. 8. Edinburgh : William Tait, 1843. P. 193–212.
8. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again / R. Birmingham // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. P. 775–801.
9. Bronzo S. Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy / S. Bronzo // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2014. Vol. 8. P. 1–41.
10. Champs E. The Place of Jeremy Bentham's Theory of Fictions in Eighteenth-century Linguistic Thought / E. Champs // Journal of Bentham Studies. 1999. Vol. 2. Is. 1. P. 1–28.
11. Hacker P. Definition in Jurisprudence / P. Hacker // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. Is. 77. P. 343–347.
12. Harrison R. Bentham. The Arguments of the Philosophers / R. Harrison. London : Routledge, 1983. 224 p.
13. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence / H.L.A. Hart // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 37–60.
14. Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory / H.L.A. Hart. Oxford : Clarendon Press, 1982. 272 p.
15. Quine W.V.O. Epistemology Naturalized / W.V.O. Quine // Ontological Relativity and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1969. P. 69–90.
16. Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism / W.V.O. Quine // Theories and Things. Theories and Things. Cambridge : Harvard University Press, 1981. P. 67–72.

References

1. Ogleznev V.V. Opredelenie v analiticheskoy filosofii prava: P. Khaker versus G. Khart [Definition in Analytical Philosophy of Law: P. Hacker Versus H. Hart] / V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State University. 2017. № 421. S. 36–40.
2. Savyuk L.K. Portrety` ucheny`kh-yuristov: Ieremiya Bentam [Portraits of Law Scientists: Jeremy Bentham] / L.K. Savyuk // Pravo. Zhurnal Vy`sshhey shkoly` ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2012. № 4. S. 19–38.
3. Hart H.L.A. Analiticheskaya yurisprudentsiya v seredine XX veka: otvet professoru Bodenkhaymeru [Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer] // Hart H.L.A. Filosofiya i yazy`k prava [Philosophy and Language of Law]. Moskva : Kanon+ — Moscow : Canon+, 2017. S. 135–167.
4. Bentham J. A Fragment on Government / J. Bentham. Oxford : The Clarendon Press, 1891. 272 s.
5. Bentham J. Chrestomathia / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh : W. Tait ; London : Simpkin, Marshall, 1843. S. 1–192.
6. Bentham J. Essay on Logic / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham. Vol. 8. Edinburgh : W. Tait ; London : Simpkin, Marshall, 1843. S. 213–294.
7. Bentham J. Fragment on Ontology / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham, Vol. 8. Edinburgh : William Tait, 1843. S. 193–212.
8. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again / R. Birmingham // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. S. 775–801.
9. Bronzo S. Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy / S. Bronzo // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2014. Vol. 8. S. 1–41.

10. Champs E. The Place of Jeremy Bentham's Theory of Fictions in Eighteenth-Century Linguistic Thought / E. Champs // Journal of Bentham Studies. 1999. Vol. 2. Is. 1. S. 1–28.
11. Hacker P. Definition in Jurisprudence / P. Hacker // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. Is. 77. S. 343–347.
12. Harrison R. Bentham. The Arguments of the Philosophers / R. Harrison. London : Routledge, 1983. 224 s.
13. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence / H.L.A. Hart // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. S. 37–60.
14. Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory / H.L.A. Hart. Oxford : Clarendon Press, 1982. 272 s.
15. Quine W.V.O. Epistemology Naturalized / W.V.O. Quine // Ontological Relativity and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1969. S. 69–90.
16. Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism / W.V.O. Quine // Theories and Things. Theories and Things. Cambridge : Harvard University Press, 1981. S. 67–72.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-45-52

Изменение доктрины ювенальной юстиции под влиянием идей гуманизма и наук о человеке (на примере концепции индивидуализации обращения с правонарушителем)

*Шестакова Любовь Александровна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук
lyuboshestakova@yandex.ru*

В данной статье автор рассматривает теоретические основания возникновения и динамического развития правового института ювенальной юстиции. Используя методологию науки философии права, сравнительного правоведения и руководствуясь принципом историзма, автор стремится выявить универсальные принципы функционирования ювенальной юстиции вне зависимости от локальных правовых систем. Изменение концепций ювенальной юстиции связывается с изменением концепций иных областей научного знания сферы гуманитарных и социальных наук.

Ключевые слова: публичное право, процессуальное право, уголовно-процессуальное право, ювенальная юстиция, правовая доктрина, философия права.

Change in the Juvenile Justice Doctrine under the Influence of the Ideas of Humanism and Social Sciences (on the Example of the Concept of Individualization of Dealing with an Offender)

*Shestakova Lyubov A.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics of the Samara National Research University
PhD (Law)*

In this article the author examines the theoretical grounds for the emergence and dynamic development of the legal institution of juvenile justice. Using the methodology of the science of the philosophy of law, comparative jurisprudence and guided by the principle of historicism, the author seeks to reveal the universal principles of the functioning of juvenile justice regardless of local legal systems. The author reveals the systematic nature of the interaction of the basic principles of the criminal procedural law of various local legal

systems on the example of the establishment and implementation of the legal institution of juvenile justice. Changes in the concepts of juvenile justice are associated with changes in the concepts of other areas of scientific knowledge in the humanities and social sciences.

Keywords: public law, law of process, law of criminal process, juvenile justice, law doctrine, philosophy of law.

Общенаучный принцип историзма требует рассматривать каждое явление диалектически. На становление концепции правосудия по делам несовершеннолетних повлияли философские и научные концепции XIX и начала XX в. Признанные специалисты в области правосудия по делам несовершеннолетних Э.Б. Мельникова и Л.М. Карнозова в своей работе «Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная» отмечают, что как самостоятельную философскую доктрину доктрину ювенального правосудия никто специально не разрабатывал. Концепция сформировалась под влиянием практики работы судов по делам несовершеннолетних и представляет собой идеологию защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц. Основными положениями этой концепции являются: повышенная юридическая защита прав несовершеннолетних лиц при отправлении правосудия; милосердие к несовершеннолетнему в силу его возраста; приоритет воспитания над наказанием и исключение карательного элемента наказания (возмездия); ориентация на примирение сторон, на общую и индивидуальную превенцию правонарушений среди несовершеннолетних; использование общественных (общинных) форм перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Особенности познавательности деятельности в процессе расследования преступлений несовершеннолетних обусловили формирование специфичной научно-правовой базы для ювенального правосудия¹. Особая система правосудия по делам несовершеннолетних включила в себя абсолютно новые идеи и подходы к несовершеннолетним преступникам.

¹ Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная : учебное пособие. М. : Проспект, 2002. С. 29–30.

В рамках статьи на примере концепции индивидуализации обращения с правонарушителем мы покажем системный характер взаимодействия основных принципов уголовно-процессуального права различных локальных правовых систем в процессе учреждения и реализации института ювенальной юстиции.

Концепция индивидуализации обращения с правонарушителем как основа ювенальной юстиции

Как известно, в период Средневековья единственным «субъектом», которому было предоставлено право судить об истинности и ложности событий, был Бог. Однако с течением времени достоверность результатов такого познания была поставлена под сомнение. Стали проводиться лингвистические, культурологические и иные исследования, которые показали, что Священное писание само полно противоречий и неточностей: человечество занялось поисками того, кто смог бы познавать мир, получая объективные знания о нем². Выбор остановился на человеке, так как он обладал разумом, а разум может ставить все под сомнение, т.е. познать окружающий мир объективно³. В философской литературе этот переход ценностей наиболее полно был освещен М. Хайдеггером. Он писал: «Решающее здесь не то, что человек освобождает себя от прежних связей себе самому, а то, что меняется вообще существо человека и человек становится субъектом. Это слово *subiectum* мы должны понимать как <...> подлежащее,

² Шестакова Л.А., Бадалова Л.Р. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2015. № 1 (6). С. 120.

³ Чичерин Б.Н. История политических учений. СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. Т. 1. С. 271–272.

то, что в качестве основания собирает на себе все. Если теперь человек становится первым и исключительным субъектом, то это значит: он делается тем сущим, на которое в роде своего бытия и в виде своей истины опирается все сущее». Таким образом, после того, как человек становится субъектом в философском понимании этого термина, «познание (человека) привлекает сущее к отчету <...> есть, принимается за сущее, если оно представлено в виде предмета. Впервые сущее определяется как предметность представления, а истина — как достоверность представления»⁴. Именно различия в познающих субъектах впоследствии стали критерием для разграничения моделей уголовного процесса. Это фундаментальное изменение в постулатах философии познания обусловило формирование и развитие различных отраслевых теорий, в том числе в области юриспруденции⁵.

Возникшая на почве христианской теологии, понимавшей ответственность как вину за грех, классическая теория уголовного права (XVII в.) в целом не была источником гуманистических идей, послуживших основой для формирования концепции особого правосудия для несовершеннолетних. Тем не менее в ней человек рассматривался уже как существо разумное, наделенное свободой воли, он являлся хозяином своих поступков, в том числе и противозаконных. Принцип личной и виновной ответственности за деяния являлся основной идеей просветительно-гуманистического направления в науке уголовного права. Представители этого направления (Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Вольтер и др.) считали, что вина за преступления должна ложиться на лицо, его совершившее, поскольку, несмотря на разность социальных, бытовых

и других эмпирических условий, разум преступника был все равно свободен⁶.

Одновременно заявляют о себе и другие течения, образующие неоклассическое направление уголовного права. Среди них возникшая в Италии уголовно-антропологическая школа во главе с Ч. Ломброзо, к инициатору-медику впоследствии присоединились юристы Ферри и Гарофало, было опубликовано *credo* новой школы⁷. Одним из ярких представителей этой школы был Р. Оуэн, который считал, что преступное поведение несовершеннолетнего провоцирует среда, в которой он воспитывался. Другой известный сторонник этой школы, Э. Ферри, считал, что наиболее эффективное средство борьбы с преступностью несовершеннолетних — это общая и индивидуальная превенция. Ферри в своих работах писал, что несовершеннолетнего преступника нужно не наказывать, а применять к нему «меры социальной обороны, которые должны быть адекватны антропологической категории виновного и способствовать возвращению лиц, совершивших преступления, в лоно общества»⁸. В неоклассическом направлении уголовного права доктрина свободной воли была скорректирована: на свободу воли могли влиять патология, недееспособность, умственная неполноценность, появляются смягчающие вину обстоятельства, ведется речь о необходимости смягчения уголовного наказания в случаях душевных заболеваний, а также возрастных и других особенностей.

⁴ Хайдеггер М. Время картины мира // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 48–49.

⁵ Шестакова Л.А., Бадалова Л.Р. Указ. соч. С. 122.

⁶ Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 112–128.

⁷ Цит. по: Чубинский М.П. *Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права*: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 376.

⁸ Полищук Д.А. Несколько слов о построении концепции современной уголовной политики, направленной на защиту интересов правосудия // *Российский следователь*. 2013. № 2. С. 26.

Исторически первой правовой концепцией, на основе которой были созданы ювенальные суды в XIX в., стала концепция индивидуализации обращения с правонарушителем (в других источниках — концепция реабилитации). В соответствии с этой доктриной государство было обязано обеспечить особый «отцовский», «отеческий» подход к несовершеннолетнему правонарушителю при рассмотрении его дела в суде, поскольку предполагалось, что преступное поведение несовершеннолетнего — это проявление внутренних психологических проблем, которые имеет правонарушитель⁹. Предполагалось, что коррекция этих внутренних психологических проблем возможна медицинскими средствами. Основная идея «врачебного» подхода к решению дел несовершеннолетних состояла в том, чтобы вмешаться в жизнь и окружающую среду несовершеннолетнего до того момента, когда он совершит действительно серьезное преступление. Сторонники данной концепции утверждали, что тюрьма — неподходящее для детей место. В связи с этим в разных странах создавались системы альтернативных наказаний и исправительных учреждений, менялось содержание идеи наказания: от возмездия к исправлению преступника и полезности наказания¹⁰.

Первые исторические модели ювенальной юстиции: от теории к практике

Практическим воплощением идей концепции индивидуализации обращения с правонарушителями стало создание чикагского ювенального суда в июне 1899 г. В 1905 г. в Англии и Уэльсе были сформулированы первые специальные процессуальные правила по делам

⁹ Calvi J.V., Coleman S. *American Law and Legal Systems*. 3rd ed. New Jersey, 1998. P. 574–575.

¹⁰ Odala V. The spectrum for child justice in the international human rights framework: from “reclaiming the delinquent child” to restorative justice // *American University International Review*. 2012. Vol. 27. Is. 3. P. 544.

несовершеннолетних («Циркуляр Дугласа Экерса»)¹¹. Можно утверждать, что в конце XIX — начале XX в. складывается несколько моделей исправления несовершеннолетних правонарушителей.

В литературе отмечается, что американская модель исправления несовершеннолетних правонарушителей в начале XIX в. представляла собой систему поселений не более чем в 20 человек, что позволяло проводить индивидуальную коррекционную работу с каждым несовершеннолетним правонарушителем. В американских поселениях для несовершеннолетних подростки получали образование, профессиональные навыки для трудоустройства на свободе. Необходимо отметить, что срок, на который несовершеннолетний лишался свободы, не был конкретно определен, поведение заключенных оценивалось в баллах, после освобождения контроль за несовершеннолетним осуществляла служба пробации.

В Великобритании конца XIX в. существовало сразу несколько видов исправительных учреждений для несовершеннолетних: реформатории (для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет); исправительные учреждения для несовершеннолетних, совершивших преступное деяние до 14 лет; учреждения для несовершеннолетних беспризорных. Каждому виду исправительных учреждений были присущи следующие особенности: несовершеннолетние правонарушители в этих учреждениях получали религиозное, школьное, ремесленное, физическое образование, поведение подростков оценивалось в баллах, то или иное их количество служило основанием перевода из одной группы в другую. Уникальным видом исправительных учреждений были учебные корабли, в которые принимались мальчики от 14 до 16 лет, совершившие какое-либо преступное деяние.

¹¹ Максудов Р., Флямер М. Ювенальная юстиция: тенденции в мире и перспективы в России. URL: <http://www.index.org.ru/turma/cp/020422-2.txt> (дата обращения: 04.09.2019).

Возглавляли учебные корабли офицеры королевского флота. В программу обучения включались физические упражнения, в том числе футбол и крикет, обучение ремеслам.

Концепция индивидуализации обращения с правонарушителем нашла отражение не только в законодательстве о малолетних и несовершеннолетних прогрессивных европейских государств, но и в таких странах, как Индия. Согласно Акту о детях штата Мадрас любое лицо, осужденное к тюремному заключению, могло быть послано в школу для юных преступников, если ему исполнилось 12 лет, но нет еще 16 лет. Для юных преступников в возрасте между 15 и 21 годом (в других случаях между 16 и 21 годом) была предусмотрена система борстальских школ. Борстальская школа рассматривалась как исправительное учреждение для содержания и обучения, в котором, по замыслу законодателя, юные преступники обучались производственным профессиям и воспитывались с целью исправления¹².

Процессуалисты сходятся во мнении, что в России ювенальная юстиция возникла в 1910 г.¹³ Согласно Закону от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании» производство по делам несовершеннолетних различалось в зависимости от того, подлежало дело ведению общих или местных судов. В общих судах различались производство о разумении и судебное производство о виновности. Само судебное

разбирательство носило неформальный характер: попечитель или судья сначала докладывал о преступлении, затем оглашался полицейский протокол, опрашивался потерпевший. Допрос несовершеннолетнего также носил неформальный характер и представлял собой беседу судьи с несовершеннолетним, его родителями и другими присутствующими. Подростку в понятных ему словах разъяснялось, какое ему грозит наказание, если он деятельно раскаивался, то дальнейшее разбирательство откладывалось на определенный срок (обычно 5–6 месяцев). В этот период надзор за несовершеннолетним осуществлял попечитель, определяемый судом. В остальных случаях, рассмотрев дело по существу, суд выносил определение о прекращении судебного преследования, если признавал обвиняемого действовавшим без разумения (или не учинившим преступления), или о возвращении его прокурору. Прекращая дело, суд мог применить к несовершеннолетнему отдачу под ответственный надзор родителям или лицам, их заменяющим, либо благонадежным людям, изъявившим на то согласие, или же поместить их в исправительные приюты, а при отсутствии таковых — в особые помещения при тюрьмах или арестных домах на определенный срок, но не более чем до достижения 18-летнего возраста¹⁴.

Необходимо указать на появление в России того времени специализированных заведений для неблагополучных несовершеннолетних, которые были открыты в Санкт-Петербурге (1871 г.), Саратове (1873 г.), Москве (1864 г. Болшевский приют, 1874 г.), Казани и Киеве¹⁵. Развивается также сеть постпенитенциарных учреждений для несовершенно-

¹² Аносова С.В., Смышляева Л.П. Положение несовершеннолетних по законодательству республики Индии // Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в зарубежных странах : сб. ст. / отв. ред. Д.С. Карев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 94–95.

¹³ Исакова Т.В. Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства российской империи до современных реалий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 150–163.

¹⁴ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 303–304.

¹⁵ Брылева Е.А. Особенности исправительных учреждений для несовершеннолетних в России и западной Европе в конце XIX — начале XX века // История государства и права. 2016. № 6. С. 48–50.

летних, целью которых являлось предоставление несовершеннолетнему на первое время после выхода из тюрьмы жилья и работы. В этих заведениях несовершеннолетние также обучались грамоте и ремеслам.

В первые годы XX столетия концепция индивидуализации обращения с правонарушителем была поддержана и советской властью. Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» были упразднены суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних, все дела о несовершеннолетних в возрасте до 17 лет рассматривались в комиссии для несовершеннолетних. Комиссии по делам несовершеннолетних в законодательстве того времени определялись как центр организации работы по предупреждению и борьбе с безнадзорностью. Считалось, что комиссии не просто разбирали дела о несовершеннолетних и выносили постановления, но также вели большую воспитательную работу с каждым несовершеннолетним правонарушителем, дифференцируя ее формы в соответствии с особенностями содеянного и личности. С целью предупреждения новых правонарушений несовершеннолетними после возбуждения дела комиссия могла применить к несовершеннолетнему предварительные меры воздействия: обязанность несовершеннолетнего являться в комиссию для отметки; ответственный надзор родителей опекунов или других лиц; направление в общие детские учреждения или больницы (исключительно по заключению врача); направление в коллектор или реформаториум¹⁶.

Подводя итоги рассмотрения концепции индивидуализации обращения

с правонарушителем как основы ювенальной юстиции, необходимо отметить, что, несмотря на широкую первоначальную поддержку, доктрина индивидуализации обращения впоследствии встретила сопротивление. Считая надлежащее обращение с ребенком своей целью, доктрина индивидуализации обращения не всегда предусматривала наказание, которое было бы пропорциональным совершенному правонарушению, не признавала необходимости проведения надлежащей процедуры правосудия в ювенальных судах¹⁷. Обсуждаемая доктрина вступила в конфликт с правовыми и философскими воззрениями современных юристов, увидевших в ней посягательство на свободу молодого человека, ведь одинаковые воспитательные меры могли «достаться от государства как от отца» и виновному, и невинному¹⁸. В актуальных зарубежных исследованиях подтверждены доказательствами выводы о неэффективности подхода индивидуализации обращения с правонарушителем¹⁹. Однако до сих пор в различных вариациях эта концепция имеет законодательную поддержку в Шотландии, Ирландии, Польше, Болгарии.

¹⁷ Штыкова Н.Н. Ювенальная юстиция в США, Англии и России XIX–XX века: историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 65–67.

¹⁸ Марковичева Е.В. Модели ювенального уголовного судопроизводства: проблемы типологизации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 97–103.

¹⁹ См. подр.: Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 242 с.

¹⁶ Барило Т.С. Комиссии по делам несовершеннолетних. Киев : Наукова думка, 1976. С. 8–10.

Литература

1. Аносова С.В. Положение несовершеннолетних по законодательству республики Индии / С.В. Аносова, Л.П. Смышляева // Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в зарубежных странах : сборник статей ; ответственный редактор Д.С. Карев. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 80–98.
2. Барило Т.С. Комиссии по делам несовершеннолетних / Т.С. Барило. Киев : Наукова думка, 1976. 90 с.

3. Брылева Е.А. Особенности исправительных учреждений для несовершеннолетних в России и западной Европе в конце XIX — начале XX века / Е.А. Брылева // История государства и права. 2016. № 6. С. 47–50.
4. Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : диссертация кандидата юридических наук / П.П. Иванцов. Санкт-Петербург, 2000. 194 с.
5. Исакова Т.В. Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства российской империи до современных реалий / Т.В. Исакова // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 150–163.
6. Максудов Р. Ювенальная юстиция: тенденции в мире и перспективы в России / Р. Максудов, М. Флямер. URL: <http://www.index.org.ru/turma/cp/020422-2.txt> (дата обращения: 04.09.2019).
7. Марковичева Е.В. Модели ювенального уголовного судопроизводства: проблемы типологизации / Е.В. Марковичева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 97–103.
8. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная : учебное пособие / Э.Б. Мельникова, Л.М. Карнозова. Москва : Проспект, 2002. 144 с.
9. Полищук Д.А. Несколько слов о построении концепции современной уголовной политики, направленной на защиту интересов правосудия / Д.А. Полищук // Российский следователь. 2013. № 2. С. 24–27.
10. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство / В. Случевский. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 661 с.
11. Хайдегер М. Время картины мира / М. Хайдегер // Время и бытие: статьи и выступления. Москва : Республика, 1993. 447 с.
12. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1 / Б.Н. Чичерин. Санкт-Петербург : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. 720 с.
13. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права : монография / М.П. Чубинский. Москва : ИНФРА-М, 2014. 435 с.
14. Шестакова Л.А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции / Л.А. Шестакова, Л.Р. Бадалова // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2015. № 1 (6). С. 120–127.
15. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : диссертация кандидата юридических наук / Л.А. Шестакова. Самара, 2015. 242 с.
16. Штыкова Н.Н. Ювенальная юстиция в США, Англии и России XIX–XX века: историко-правовой анализ : диссертация кандидата юридических наук / Н.Н. Штыкова. Нижний Новгород, 2001. 185 с.
17. Calvi J.V. American Law and Legal Systems / J.V. Calvi, S. Coleman. 3rd ed. New Jersey, 1998. 575 p.
18. Odala V. The spectrum for child justice in the international human rights framework: from “reclaiming the delinquent child” to restorative justice / V. Odala // American University International Review. 2012. Vol. 27. Is. 3. P. 543–580.

References

1. Anosova S.V. Polozhenie nesovershennoletnikh po zakonodatelstvu respubliki Indii [The Position of Minors under the Laws of the Republic of India] / S.V. Anosova, L.P. Smyshlyayeva // Prestupnost nesovershennoletnikh i borba s ney v zarubezhny`kh stranakh : sbornik statey ; otvetstvenny`y redaktor D.S. Karev [Juvenile Crime and Combating Juvenile Crime in Foreign Countries : collection of articles ; publishing editor D.S. Karev]. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta — Moscow : publishing house of the Moscow University, 1961. S. 80–98.
2. Barilo T.S. Komissii po delam nesovershennoletnikh [Commissions for the Affairs of Minors] / T.S. Barilo. Kiev : Naukova dumka — Kiev : Scientific Thought, 1976. 90 s.
3. Bryleva E.A. Osobennosti ispravitelny`kh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v Rossii i zapadnoy Evrope v kontse XIX — nachale XX veka [Peculiarities of Correctional Facilities for Minors in Russia and Western Europe in the Late XIXth to the Early XXth Century] / E.A. Bryleva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 6. S. 47–50.
4. Ivantsov P.P. Problema otvetstvennosti yuridicheskikh lits v rossiyskom ugovolnom prave : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Issue of Liability of Legal Entities in Russian Criminal Law : thesis of PhD (Law)] / P.P. Ivantsov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2000. 194 s.
5. Isakova T.V. Kratkiy ocherk razvitiya yuvenalnogo ugovolnogo pravosudiya v Rossii: ot zakonodatelny`kh novell Ustava ugovolnogo sudoproizvodstva rossiyskoy imperii do sovremenny`kh realiy [A Brief

- Overview of the Development of Juvenile Criminal Justice in Russia: From Legislative Novelties of the Statute of Criminal Proceedings of the Russian Empire to Modern Realia] / T.V. Isakova // Aktualny`e problemy` rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2014. № 11. S. 150–163.
6. Maksudov R. Yuvenalnaya yustitsiya: tendentsii v mire i perspektivy` v Rossii [Juvenile Justice: World Tendencies and Russian Prospects] / R. Maksudov, M. Flyamer. URL: <http://www.index.org.ru/turma/cp/020422-2.txt> (data obrascheniya: 04.09.2019 — date of access: September 4, 2019).
 7. Markovicheva E.V. Modeli yuvenalnogo ugovolnogo sudoproizvodstva: problemy` tipologizatsii [Models of Juvenile Criminal Proceedings: Classification Issues] / E.V. Markovicheva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Orenburg State University. 2010. № 3 (109). S. 97–103.
 8. Melnikova E.B. Yuvenalnaya yustitsiya — okhranitel'naya i vosstanovitel'naya : uchebnoe posobie [Juvenile Justice: Protective and Restorative : textbook] / E.B. Melnikova, L.M. Karnozova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2002. 144 s.
 9. Polischuk D.A. Neskolko slov o postroenii kontseptsii sovremennoy ugovolnoy politiki, napravlennoy na zaschitu interesov pravosudiya [A Few Words about Building a Concept of the Modern Criminal Policy Aimed at Protection of Interests of Justice] / D.A. Polischuk // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2013. № 2. S. 24–27.
 10. Sluchevskiy V. Uchebnik russkogo ugovolnogo protsesssa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. 4-e izd., dop. i ispr. [A Textbook of the Russian Criminal Procedure. Judicial Structure — Judicial Proceedings. 4th edition, enlarged and revised] / V. Sluchevskiy. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1913. 661 s.
 11. Heidegger M. Vremya kartiny` mira [The Age of the World Picture] / M. Heidegger // Vremya i by`tie : statyi i vy`stupleniya [Being and Time : articles and speeches]. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1993. 447 s.
 12. Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh ucheniy. T. 1 [History of Political Doctrines. Vol. 1] / B.N. Chicherin. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkoy Khristianskoy gumanitarnoy akademii — Saint Petersburg : publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2006. 720 s.
 13. Chubinskiy M.P. Ocherki ugovolnoy politiki: ponyatie, istoriya i osnovny`e problemy` ugovolnoy politiki kak sostavnogo elementa nauki ugovolnogo prava : monografiya [Sketches of Criminal Policy: The Concept, History and Main Issues of Criminal Policy as a Constituent Element of the Criminal Law Science : monograph] / M.P. Chubinskiy. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2014. 435 s.
 14. Shestakova L.A. Kontseptsiya vosstanovitel'nogo pravosudiya kak osnova yuvenalnoy yustitsii [The Concept of Restorative Justice as a Basis of Juvenile Justice] / L.A. Shestakova, L.R. Badalova // Vestnik molody`kh ucheny`kh i spetsialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Young Scientists and Specialists of the Samara State University. 2015. № 1 (6). S. 120–127.
 15. Shestakova L.A. Realizatsiya kontseptsii yuvenalnoy yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii: genezis, sovremennost i perspektivy` : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Implementation of the Juvenile Justice Concept in the Juvenile Process in the Russian Federation: The Genesis, Modern Times and Prospects : thesis of PhD (Law)] / L.A. Shestakova. Samara — Samara, 2015. 242 s.
 16. Shtykova N.N. Yuvenalnaya yustitsiya v SShA, Anglii i Rossii XIX–XX veka: istoriko-pravovoy analiz : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Juvenile Justice in the USA, England and Russia in the XIXth to the XXth Century: A Historical and Legal Analysis : thesis of PhD (Law)] / N.N. Shtykova. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2001. 185 s.
 17. Calvi J.V. American Law and Legal Systems / J.V. Calvi, S. Coleman. 3rd ed. New Jersey, 1998. 575 s.
 18. Odala V. The Spectrum for Child Justice in the International Human Rights Framework: From "Reclaiming the Delinquent Child" to Restorative Justice / V. Odala // American University International Review. 2012. Vol. 27. Is. 3. S. 543–580.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-53-59

Делегированное правотворчество как основа правовой системы социал-демократической антибольшевистской государственности (1918 г.)

*Зайнутдинов Динар Рафаилович,
доцент кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
кандидат юридических наук
knight_1988@mail.ru*

В статье рассматривается проблема юридического обоснования права на делегированное правотворчество в социал-демократических антибольшевистских государственных образованиях в период Гражданской войны в России, в 1918 г. Основное внимание уделяется правовому анализу нормативно-правовых актов антибольшевистских режимов в Волго-Уральском регионе и Сибири. В процессе исследования автор концентрирует внимание на роли Всероссийского учредительного собрания, которое стало символом борьбы для социал-демократического антибольшевистского лагеря. В заключение работы делаются выводы о роли делегированного правотворчества в дальнейшем формировании правовой системы.

Ключевые слова: делегированное правотворчество, Всероссийское учредительное собрание, Гражданская война, антибольшевизм, социальная демократия.

Delegated Law Making as a Basis of the Legal System of Social Democratic Anti-Bolshevik Statehood (1918)

*Zaynutdinov Dinar R.
Associate Professor of the Department of Theory of State
and Law and Public Law Disciplines of the Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov (IEML)
PhD (Law)*

The article reviews the issue of legal justification of the right to delegated law making in social democratic anti-Bolshevik state structures during the Civil War in Russia in 1918. The primary focus is on the legal analysis of statutory acts of the anti-Bolshevik regimes in the Volga-Ural region and Siberia. In the course of the research, the author attracts attention to the role of the All-Russian Constituent Assembly, which became a symbol of struggle for the social democratic anti-Bolshevik camp. In the final part, the author comes to conclusions about the role of delegated law making in further establishment of the legal system.

Keywords: delegated law making, All-Russian Constituent Assembly, Civil War, anti-Bolshevism, social democracy.

Делегирование законодательных полномочий исполнительному органу власти позволяет быстро регулировать складывающиеся общественные отношения. Оперативность делегированного правотворчества — несомненное его преимущество. Так, М.Н. Марченко от-

мечает, что «делегированное законодательство зачастую имеет „временной“ и всегда — целевой „строго функциональный характер“»¹. Особенностью деле-

¹ Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2013. С. 588–589.

гированного правотворчества является его актуальность использования в военное время. Оперативное воздействие на общественные отношения в условиях их кризиса, несомненно, является важным моментом для обеспечения сохранности сложившейся государственности.

В истории российской государственности имел место быть период, когда власть обратилась к практике делегированного правотворчества. В период Гражданской войны, в 1918–1920 гг., законотворческий процесс на территории всей России значительно усложнился. Предпосылкой данному факту стал революционный период 1917 г., вследствие которого в обществе стал стремительно развиваться юридический нигилизм². Как в советской России, так и в антибольшевистских государственных образованиях правотворчество было сконцентрировано в руках высших органов исполнительной власти. В этих условиях стал динамично развиваться особый вид правотворчества, не характерный ранее для российской государственности, — делегированный.

К начальному этапу Гражданской войны, в январе 1918 г., в России появился высший орган государственной власти — Всероссийское учредительное собрание (далее — ВУС). Оно представляло собой не только представительный орган с законодательными функциями, оно носило в себе идею «высшего суверена». Его полномочия, в отличие от высшего представительного (законодательного) органа (парламента), являлись неограниченными и абсолютными. Подобного учреждения российская государственность не знала ни до, ни после января 1918 г. Разгон большевиками 6 января 1918 г. ВУС оформился не просто в символ борьбы с большевизмом, он стал идеей поруганной народной воли. Результатом его функционирова-

ния стало утверждение определенного правопорядка в стране — введение республиканской формы правления, федерализация страны, социализация собственности на землю. Постановка антибольшевизмом цели возобновления деятельности ВУС открыло широту правотворческой функции антибольшевистским государственным образованиям. Социал-демократическими антибольшевистскими режимами правотворческие права ВУС никогда не оспаривались, они никогда не покушались на «волю суверена». Однако для победы над советской властью все же требовалось проведение определенных действий, связанных с отправлением правотворчества. В частности, К.С. Буревой, один из членов Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (далее — Комуч), писал: «Сама жизнь требовала спешного разрешения многих наболевших вопросов. В первую очередь Комитет провозгласил незыблемость гражданских свобод, восставил органы местного самоуправления и торжественно подтвердил закон Учредительного собрания о земле»³. В данный период антибольшевистские государственные образования обратились к практике делегированного правотворчества.

Антибольшевистские режимы первого этапа Гражданской войны (до ноября 1918 г.) признавали главенствующим над собой только ВУС. Для возобновления деятельности данного органа осуществлялось руководство подконтрольной территории временными государственными органами социал-демократических антибольшевистских режимов, обосновывающими свою легитимность путем цепи правопреемства. Таким образом, правотворчество в антибольшевистской государственности приобретало вид фактически делегированного от имени и в интересах высшего государственного органа — ВУС, — де-юре временно не действу-

² Насыров Р.В. О юридическом аспекте условий и предпосылок революции 1917 г. // История государства и права. 2017. № 17. С. 37–41.

³ Буревой К.С. Распад 1918–1922. М.: Новая-Москва, 1923. С. 17.

ющего, но ожидавшего возобновления деятельности. В случае с антибольшевистскими органами власти не происходило «прямого» делегирования правотворческих полномочий, оно являлось «косвенным».

Приостановка действия высшего представительного органа вполне допустима в условиях военного времени. Поэтому важное место здесь имеет срок делегированности законодательных полномочий антибольшевистским режимам, а именно ограничение рамками военного времени. В данном случае можно сформулировать понятие «косвенное делегирование правотворческих полномочий», когда осуществление правотворчества ведется легитимным образованным органом государственной власти от имени и в защиту высшего представительного органа, приостановившего свою деятельность в силу определенных, не зависящих от него обстоятельств. Следует пояснить, что орган государственной власти, выступивший от имени и в защиту высшего представительного органа, несомненно, автоматически приобретает определенную долю легитимности. Следовательно, после победы над большевизмом и возобновления деятельности ВУС антибольшевистские органы государственной власти теряли легитимность и подлежали упразднению, а вместе с этим и право на делегированное правотворчество. Ни один из антибольшевистских режимов вплоть до ноября 1918 г. не претендовал на полноту правотворчества, так как преследовал цель по возобновлению функционирования ВУС и отстаивал идею о его абсолютном праве на правотворчество.

Всю свою деятельность, в том числе отправление власти и ведение военных действий, антибольшевистские режимы обосновывали целью «защиты прав Всероссийского Учредительного собрания». Прежде всего, здесь особо выделяется деятельность социал-демократических антибольшевистских ре-

жимов, действовавших в течение 1918 г. Так, например, Комуч в Приказе № 1 от 8 июня 1918 г. выразил свою легитимность словосочетанием «Именем Учредительного собрания»⁴. Эта позиция, отраженная в изначальных нормативно-правовых актах декларативно-учредительного характера, обладавших высшей юридической силой, позволяла обосновать характер делегированности правотворчества. Комуч создал простую последовательную двухступенчатую формулу, отражавшую его право на делегированное правотворчество: ВУС — Комуч. В Приказе № 1 от 8 июня 1918 г. Комуч также однозначно указал на правомочие предстоящей ему правотворческой деятельности. Как писал В.Г. Архангельский, «под знаменем Учредительного Собрания должна была бы распространиться организация страны на новых демократических началах»⁵.

В дальнейшем нормы Приказа № 1 от 8 июня 1918 г. получили свое развитие в Положении о Комуче от 23 июля 1918 г. Ряд статей данного акта однозначно указывал, что издаваемые нормативно-правовые акты будут носить характер делегированного законодательства. В частности, в ст. 3 Положения о Комуче от 23 июля 1918 г. было закреплено: «Комитет не решает законодательных вопросов, подлежащих ведению Учредительного собрания»⁶. Особо следует выделить то, что в ст. 3 Положения о Комуче от 23 июля 1918 г. было откры-

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 года). Публикация / отв. ред. Б.Ф. Додонов ; отв. сост. К.Г. Ляшенко. М. : РОССПЭН, 2011. С. 141.

⁵ Архангельский В.Г. Волжский фронт Учредительного Собрания в 1918 г. // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага : Изд. Общества Участников Волжского Движения, 1930. С. 11.

⁶ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания... С. 330–331.

то указано на «непрерывное повышение легитимности» самого Комуча, а соответственно, и легальности нормативно-правовых актов, издаваемых им в порядке делегированного правотворчества. Здесь можно отследить динамику изменения численности депутатов ВУС, вступивших в Комуч в период лета — осени 1918 г.: к 9 июня — 5 человек; к 1 октября — 93 человека⁷. Расширение состава Комуча значительно укрепило его право на делегированное правотворчество. Это в свою очередь увеличило притязания Комуча на всероссийский характер, в связи с чем в октябре 1918 г. он был преобразован в Съезд членов Всероссийского учредительного собрания.

Помимо Комуча иные социал-демократические антибольшевистские режимы свое право на делегированное правотворчество обосновали более сложным путем — через региональные представительные учреждения, которые были образованы в революционный период в конце 1917 г. В данном случае речь идет о Временном Сибирском правительстве. Так, в Декларации Уполномоченных Временного Сибирского правительства «Ко всему населению западной Сибири» от 1 июня 1918 г. раскрывается длинная цепь правопреемства, в которой доказывается право Временного Сибирского правительства на делегированное правотворчество⁸. Из данного положения можно вывести следующую, более сложную формулу правопреемства: ВУС — Сибирская областная дума — Временное Сибирское правительство. В отличие от Комуча, который аргументировал свое право на делегированное правотворчество непосредственно от ВУС, Временное Сибирское правительство в цепь правопреемства добавляет еще

одно промежуточное звено — Сибирская областная дума. Это обстоятельство вызывает определенную юридическую коллизию. С одной стороны, цепь правопреемства, предложенная Временным Сибирским правительством, стремится указать на большую легитимность своей власти, так как правотворческие функции его не только возникли от ВУС, но и были де-юре делегированы региональным представительным органом власти — Сибирской областной думой. С другой стороны, вклинивание в цепь правопреемства третьего элемента (Сибирской областной думы) вообще ставило под сомнение его правотворческую деятельность на территории России, освобождаемой от большевиков, так как Сибирская областная дума являлась всего лишь региональным представительным учреждением, которым издаваемые нормы права (региональные законы) даже не имели строго очерченного действия в пространстве (не было установлено границ «сибирского» субъекта РФ). Однако о возникновении подобной юридической коллизии, пожалуй, Временное Сибирское правительство не задумывалось. Тем не менее юридически передача Сибирской областной думой права на делегированное правотворчество Временному Сибирскому правительству была в должной мере выражена. Момент передачи права на делегированное правотворчество отражен в двух нормативно-правовых актах, имеющих правовую форму «Грамот», характерных для имперского периода российской государственности. Так, Грамота председателя Сибирской областной думы «Народам Сибири» от 30 июня 1918 г. И.А. Якушева устанавливала, что Временное Сибирское правительство «принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири»⁹. С разрывом в десять минут была издана Грамота Временного Сибирского правительства «Народам Сибири» от 30 июня 1918 г.

⁷ Вечерняя заря (Самара). 1918. 10 июня; Вестник Комуча (Самара). 1918. 1 октября.

⁸ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): сб. док. и матлов / сост и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007. С. 46.

⁹ Там же. С. 102–103.

Если первая «Грамота» закрепляла передачу права на делегированное правотворчество высшему исполнительному органу власти, то Грамота Временного Сибирского правительства признавала «ограниченный» характер переданного правотворчества. В дальнейшем «делегированное законодательство стало главной формой нормоустанавливающей деятельностью правительства и важнейшим источником права»¹⁰.

Приведенные выше нормы из правовых актов, изданных социал-демократическими антибольшевистскими органами государственной власти, позволяют говорить, что кратковременный период законотворчества ВУС не прошел бесследно. Изданные им нормативно-правовые акты стали не просто актами высшей юридической силы для российской государственности, они стали «законодательным шаблоном» для последующей правотворческой деятельности антибольшевистских режимов. Своим кратковременным законотворчеством ВУС создало весьма просторное «скелетное-законодательство», которое в дальнейшем можно было наполнить актами делегированного законодательства.

Комуч, в отличие от Временного Сибирского правительства, свое право на делегированное правотворчество обосновал более «прямолинейно» и в согласовании с юридической логикой, избежав различных «правовых витиеватостей». В то же время и Комуч, и Сибирская областная дума базировались на единых положениях идеологии социальной демократии (в отличие от либерально-демократических режимов на Юге России)¹¹, в связи с чем их цепь правопреемства и обоснование права на делегированное правотворчество всегда проистекали от ВУС.

Следствием консолидации социал-демократических антибольшевистских сил стало проведение 8–23 сентября 1918 г. Государственного совещания в Уфе. Одной из задач, которые преследовало Государственное совещание, стала выработка нормативно-правового акта высшей юридической силы, способного укрепить право на делегированное правотворчество за Временным Всероссийским правительством. Так, в результате работы Государственного совещания стало принятие документа — «Акт об образовании Всероссийской Временной власти» от 23 сентября 1918 г., так называемой Конституции Уфимской Директории¹². В данном документе впервые право исполнительной власти на делегированное правотворчество было закреплено во всероссийском масштабе. Сама исполнительная власть де-юре ставилась подконтрольной (и даже подчиненной) законодательной власти, что характерно для парламентских республик, в которых правительство отвечает только перед парламентом (принцип парламентского верховенства). Особо примечательным является то, что делегированное правотворчество в настоящее время наиболее развито именно в странах с сильной парламентарной властью в независимости от формы правления, как в парламентских конституционных монархиях Великобритании и Испании, так и в парламентских республиках Германии и Италии. Статьей 2 раздела 2 Конституции Уфимской Директории устанавливался принцип парламентского верховенства с явной ссылкой на перевес полномочий в пользу парламента. Временное Всероссийское правительство было ответственно перед ВУС, что закреплялось в ст. 3 раздела 2 Конституции Уфимской Директории. Данный документ стал вершиной делегированного законодательства в правовой системе социал-демократи-

¹⁰ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: Становление, эволюция, крушение. М.: Право и закон, 2004. С. 49.

¹¹ Зайнутдинов Д.Р. «Конституция Корнилова»: правовой анализ // История государства и права. 2015. № 10. С. 48–52.

¹² Архив русской революции : в 22 т. Берлин : Слово, 1923. Т. 12. С. 189–193.

ческой антибольшевистской государственности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что социал-демократические антибольшевистские режимы проводили не только единую линию правопреемства легитимности власти, но и обоснования своего права на делегированное правотворчество. Все они признавали ВУС «высшим сувереном», а его право на правотворчество — правом неограниченным и абсолютным. Постепенно в процессе делегированного правотворчества формировалась весомая база делегированного законодательства, которая стала играть весьма важную роль в развитии и трансформации правовой системы антибольшевизма, построенной на идеологии социальной демократии. Таким образом, делегированное правотворчество, с помощью которого антибольшевизм выстраивал связь государства и общества, ложилось в основу будущей правовой системы. Постоянно расширяющаяся база делегированного законодательства являлась уже не просто оперативной мерой, необходимой для регулирования общественных отноше-

ний в условиях военного времени, она становилась самым источником права в системе права антибольшевизма.

Проблема делегированного правотворчества в антибольшевистских государственных образованиях — это не просто проблема социального противостояния в Гражданской войне, но и современная проблема теории государства и права. В то же время проблему сложности контроля делегированного законодательства возможно преодолеть. Например, применительно к Великобритании «период активного использования локальных актов делегированного законодательства (начало XX в.) завершился установлением для них парламентом ограниченного применения»¹³. Власть, отдавая предпочтение тому или иному виду правотворчества, должна учитывать, что выбранный вид окажет непосредственное воздействие на всю правовую систему страны. Таким образом, постепенно делегированное правотворчество создавало основу системы права для постбольшевистской России.

¹³ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии : монография. СПб. : Алетей, 2016. С. 42.

Литература

1. Архангельский В.Г. Волжский фронт Учредительного Собрания в 1918 г. / В.Г. Архангельский // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага : Изд. Общества Участников Волжского Движения, 1930. С. 5–37.
2. Архив русской революции. В 22 томах. Т. 12 / Издатель И.В. Гессен. Берлин : Слово, 1923. 297 с.
3. Буревоу К.С. Распад 1918–1922 / К.С. Буревоу. Москва : Новая-Москва, 1923. 132 с.
4. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов / составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск : Сова, 2007. 818 с.
5. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 года). Публикация / ответственный редактор Б.Ф. Додонов; ответственный составитель К.Г. Ляшенко. Москва : РОССПЭН, 2011. 632 с.
6. Зайнутдинов Д.Р. «Конституция Корнилова»: правовой анализ / Д.Р. Зайнутдинов // История государства и права. 2015. № 10. С. 48–52.
7. Марченко М.Н. Источники права / М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2013. 768 с.
8. Насыров Р.В. О юридическом аспекте условий и предпосылок революции 1917 г. / Р.В. Насыров // История государства и права. 2017. № 17. С. 37–41.
9. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: Становление, эволюция, крушение / А.Н. Никитин. Москва : Право и закон, 2004. 448 с.
10. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии : монография / Е.Н. Тонков. Санкт-Петербург : Алетей, 2016. 352 с.

References

1. Arkhangel'skiy V.G. Volzhskiy front Uchreditelnogo Sobraniya v 1918 g. [The Volga Front of the Constituent Assembly in 1918] / V.G. Arkhangel'skiy // Grazhdanskaya voyna na Volge v 1918 g. Sbornik pervy'yu [Civil War on the Volga River in 1918. Collection One]. Praga : Izd. Obschestva Uchastnikov Volzhskogo Dvizheniya — Prague : edition of the Society of Participants of the Volga Movement, 1930. S. 5–37.
2. Arkhiv russkoy revolyutsii. V 22 tomakh. T. 12 ; Izdatel I.V. Gessen [An Archive of the Russian Revolution. In 22 volumes. Vol. 12 ; Publisher I.V. Hessen]. Berlin : Slovo — Berlin : Word, 1923. 297 s.
3. Burevoy K.S. Raspad 1918–1922 [The Decline of 1918 to 1922] / K.S. Burevoy. Moskva : Novaya-Moskva — Moscow : New Moscow, 1923. 132 s.
4. Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya — 3 noyabrya 1918 g.) : sbornik dokumentov i materialov ; sostavitel i nauchny'y redaktor V.I. Shishkin [Provisional Siberian Government (May 26 to November 3, 1918) : collection of documents and files ; compiler and scientific editor V.I. Shishkin]. Novosibirsk : Sova — Novosibirsk : Owl, 2007. 818 s.
5. Zhurnaly` zasedaniy, prikazy` i materialy` Komiteta chlenov Vserossiyskogo uchreditelnogo sobraniya (iyun — oktyabr 1918 goda). Publikatsiya ; otvetstvenny'y redaktor B.F. Dodonov ; otvetstvenny'y sostavitel K.G. Lyashenko [Journals of Meetings, Orders and Files of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly (June to October 1918). Publication ; publishing editor B.F. Dodonov ; responsible compiler K.G. Lyashenko]. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2011. 632 s.
6. Zaynutdinov D.R. «Konstitutsiya Kornilova»: pravovoy analiz [The “Kornilov’s Constitution”: A Legal Analysis] / D.R. Zaynutdinov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 10. S. 48–52.
7. Marchenko M.N. Istochniki prava [Sources of Law] / M.N. Marchenko. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospekt, 2013. 768 s.
8. Nasyrov R.V. O yuridicheskom aspekte usloviy i predposy`lok revolyutsii 1917 g. [On the Legal Aspect of Conditions of and Prerequisites for the Revolution of 1917] / R.V. Nasyrov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 17. S. 37–41.
9. Nikitin A.N. Gosudarstvennost «beloy» Rossii: Stanovlenie, evolyutsiya, krushenie [Statehood of “White” Russia: The Establishment, Evolution, Demise] / A.N. Nikitin. Moskva : Pravo i zakon — Moscow : Act and Law, 2004. 448 s.
10. Tonkov E.N. Tolkovanie zakona v Anglii : monografiya [Interpretation of Law in England : monograph] / E.N. Tonkov. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aletheia, 2016. 352 s.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-60-66

«Проект конституции А.И. Гучкова»: опыт сравнительного изучения и политико-правовой характеристики

*Аронов Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук, профессор
aronovdv@mail.ru*

*Кошелева Светлана Витальевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
в сфере профессиональной коммуникации
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
koshelevasv7osu@mail.ru*

*Смирнов Иван Михайлович,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
Орловского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат исторических наук
kadyj@yandex.ru*

В статье дается политико-правовая характеристика документов, которые хранятся в фонде создателя и лидера политической партии России начала XX в. «Союз 17 октября» А.И. Гучкова под названием «Проект конституции Российской империи». На основании сравнительного (компаративистского) анализа текста «проекта Гучкова» с текстами различных вариантов программ «Союза 17 октября» сделан вывод о том, что документ не может быть охарактеризован как проект конституции России начала XX в.

Ключевые слова: либерализм, конституционный проект, партийная программа, А.И. Гучков, Союз 17 октября, государственное устройство.

The A.I. Guchkov's Draft of the Constitution: The Experience of Comparative Study and Political and Legal Characteristics

*Aronov Dmitriy V.
Head of the Department of Theory and History of State
and Law of the Orel State University named after I.S. Turgenyev
Doctor of History, Professor*

*Kosheleva Svetlana V.
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
in Professional Communications of the Orel State University named after I.S. Turgenyev*

*Smirnov Ivan M.
Lecturer of the Department of Criminal Intelligence
and Surveillance Operations of Internal Affairs Agencies of the Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
PhD in History*

The article gives a political and legal characteristic of the documents called "The Draft Constitution of the Russian Empire" that are kept in the personal collection of A.I. Guchkov, the founder and leader of

the political party of the early twentieth century Russia "The Union of October 17". Having conducted comparative analysis of the "Guchkov project" and various versions of "The Union of October 17" political party programs we arrived to the conclusion that the document could not be defined as a draft Constitution of the early twentieth century Russia.

Keywords: liberalism, draft Constitution, party program, A.I. Guchkov, the Union of October 17, state structure.

Введение. Одним из устоявшихся направлений в изучении политико-правового наследия России конца XIX — начала XX в. стало обращение к конституционному законотворчеству представителей различных политических сил, в чьих сценариях социального проектирования доминировала установка на неприятие насилия как инструмента общественного преобразования. Соответственно, подобная политико-правовая практика была нехарактерна для радикалов как левого, так и правого толка и, напротив, присуща политическому центру.

Вместе с тем вплоть до настоящего времени остается открытым вопрос о степени участия в конституционном законотворчестве начала XX в. представителей правого крыла российского либерализма — октябристов. Поиску ответа, в частности и на этот вопрос, посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

В настоящее время уже сложилось устойчивое выражение «либеральные проекты Основного закона (Конституции) России (Российской империи)», как альтернативная может употребляться дефиниция «конституционные проекты российского либерализма» и их аналогии. Однако в подавляющем большинстве случаев они касаются устоявшегося круга проектов. Их перечень традиционно, первым по срокам появления, открывается «освобожденческим проектом»¹, продолжается созданным в его развитии «муромцевским»². Первый «осво-

божденческий» проект полностью был взят за основу так называемого харьковского проекта³. Завершает картину «проект Московской городской думы (МГД)», или по фамилии одного из авторов — «герценштейновский проект». Он был разработан группой либеральных депутатов МГД. Традиционно именно эти материалы используются в процессе характеристики либерального конституционного законотворчества начала XX в. Вместе с тем существует еще ряд материалов, которые, по нашему мнению, с полным основанием могут быть включены в указанный перечень.

Говоря о его расширении, имеются в виду документы, известные как «Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством», и «харьковский» проект. Первый из них далеко не бесспорен с позиций классической методологии истории конституционного законотворчества, но содержит ряд положений, значимых для общей характеристики конституционного либерального законотворчества, а многие отличия касаются скорее формы изложения. Последнее во многом присуще и проекту Московской городской думы, авторы которого порой сбиваются на язык скорее политической декларации, партийной программы, чем проекта основного закона.

Что же касается «харьковского» проекта, то он сравнительно недавно был введен в научный оборот и стал

См.: Кокошкин Ф.Ф. Биография. URL: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html> (дата обращения: 15.07.2019).

¹ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (дата обращения: 10.05.2014).

² Также существовало, но не получило распространения наименование проекта «земский».

³ Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.

предметом историко-правового анализа отечественных исследователей. Однако главным результатом его изучения стал вывод о том, что это более чем на 80% текст «освобожденческого» проекта с правкой, сделанной членами харьковского юридического общества, имеющей как редакционный, так и сущностный характер. Интересная деталь состояла также в том, что большинство новаций «харьковского» проекта, в сравнении с «освобожденческим», вошло в итоговый либеральный «муромцевский» проект.

Таким образом, сложилась совокупность эмпирического материала, позволяющего достаточно полно охарактеризовать конституционное законодотворчество российских либералов начала XX в., предшествовавшее Первой русской революции. При этом указанные выше проекты по их политической сущности можно отнести либо к центристским или леволиберальным. Соответственно, вопрос о наличии аналогичных проектов у праволиберального политического круга России оставался открытым⁴. Полагаем возможным принять без дискуссии тезис об отнесении «Союза 17 октября»⁵ к правому крылу российского либерализма.

Вплоть до настоящего момента мы полагали, что наиболее перспективным для характеристики праволиберальной теории и практики в сфере конституционного законодотворчества выступал документ, хранящийся в фонде А.И. Гучкова в ГАРФ под названием «гучковской» конституции. К этому подвигало и само название архивного дела «Проект конституции Российской империи»⁶.

⁴ Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М.: Памятники исторической мысли, 2015. С. 121–125.

⁵ Партия «Союз 17 октября» // Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 343–346.

⁶ Проект Конституции Российской империи с разделами: Государств. устройство, Права

граждан, Народное просвещение // ГАРФ. Ф. 555 (Гучков А.И.). Оп. 1. Д. 5.

Указанный проект не был полностью обойден вниманием российских специалистов в сфере истории государства и права, политической истории России. Однако системно и столь же подробно с применением компаративистских методов исследования, в сравнении с иными либеральными конституционными проектами, «гучковский» проект не рассматривался. Одной из первых к его тексту обратилась Т.А. Пучина, которая в рамках поставленной задачи основное внимание уделила типологии предлагавшегося в нем государственного устройства России⁷. При этом принадлежность проекта к конституционному законодотворчеству под сомнение не ставилось.

Результаты. Последующее обращение к проекту А.И. Гучкова с позиций методологии дипломатики показывает, что архивное дело содержит три экземпляра документа, в одном из которых отсутствует страница. Судя по общим характеристикам печатного текста, все три копии выполнены на одной машинке. Рукописная правка и какие-либо пометки в проекте отсутствуют, как и какие-либо указания на авторство и дату его подготовки.

При первом обращении к проекту у нас имелись определенные сомнения о его принадлежности к документам конституционного характера, что было связано со спецификой его внутренней структуры. Однако, несмотря на это, мы включили его в общий ряд либеральных проектов Основного закона как документ, представляющий праволиберальное направление⁸.

⁷ Пучина Т.А. Вопросы государственного устройства и управления в программных документах и материалах политических партий России начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 75–76; Даричева С.В. Вопросы государственного устройства и Государственная дума Российской империи в начале XX в. // Власть. 2015. № 7. С. 153–157.

⁸ Аронов Д.В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное]

Проект также содержал фирменный знак октябристов; масштабный (более трети общего объема) раздел «Народное просвещение»⁹. Стилистика и язык этого раздела заметно отличаются от разделов «Государственное устройство» и «Права граждан», как и от стилистики языка конституционного законодательства начала XX в., будучи скорее политической декларацией.

Соответственно, итоговая оценка «гучковской конституции», ее места в либеральном конституционном законодательстве начала XX в. состояла в том, что ввиду явно сырой структуры проект, не считая раздела по образованию, явно уступал «освобожденческому» («харьковскому»), «муромцевскому» проектам и проекту МГД, потенциально превосходя «екатеринославский».

Отсутствие в проекте даже рудиментарных вступления и заключения легло в основу предположения, что «гучковский» проект — это лишь фрагмент более масштабного проекта. Не было в проекте популярного у либералов реформирования судебной системы¹⁰. При этом в проекте мы постоянно сталкиваемся с указаниями на роль судебной власти в обеспечении института прав и свобод человека как фундаментальной составляющей либерального символа веры.

Однако отнесение «гучковского проекта» к материалам либерального конституционного законодательства оказалось ошибочным. В ходе последу-

ющей работы с источниками были выявлены масштабные совпадения текста так называемого проекта конституции А.И. Гучкова с программными документами «Союза 17 октября». Проведенный комплексный компаративный анализ включал такие материалы, как Программа «Союза 17 Октября», принятая Первым съездом партии в феврале 1906 г., вариант, утвержденный Московским Центральным Комитетом в 1906 г. в преддверии Второго съезда партии, Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г., а также изменения, внесенные в программу октябристов Вторым съездом, проходившим в феврале 1907 г.¹¹

Результаты показали, что заметно отличается программа, принятая Поволжским съездом. Если же говорить о других документах, то они совпадают фактически дословно. Полностью идентичны разделы, посвященные государственному устройству и правам человека в «гучковском проекте» и в Программе, принятой Московским ЦК. Единственное отличие в шестой статье программы Московского ЦК, где отсутствует одно слово. В формулировке «Члены Государственной Думы избираются полноправными гражданами, имеющими в данной местности местожительство в течение определенного законом времени, из числа всех избирателей не моложе 25 лет, путем равной, реальной и закрытой подачи голосов прямой в городах, имеющих свое отдельное представительство, и двухстепенной в остальных местностях» убрано слово **«реальной»**. Абсолютно идентичны и разделы по народному образованию.

устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53; Аронов Д.В., Коновалова М.А. Государственное устройство России в проекте конституции А.И. Гучкова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2. С. 7–11.

⁹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–3 об.

¹⁰ Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. 2012. № 5. С. 2–5; и др.

¹¹ Программа «Союза 17 Октября», утвержденная Московским Центральным Комитетом. М., 1906; Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г. Казань, 1906; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1: 1905–1907 гг. С. 341–342.

Незначительны отличия этих текстов от изменений, внесенных в программу партии Вторым съездом «Союза 17 октября» в феврале 1907 г. Раздел «Государственное устройство» изменился только на 4%. Все изменения относятся к первой статье, в которой в формулу «Российская империя есть наследственная конституционная монархия...» добавлен политически значимый нюанс: «Российская империя есть *единая и нераздельная* наследственная конституционная монархия...». Не был включен в редакцию программы 1907 г. и термин «реальной» в контексте подачи голосов, который отличает «гучковский проект» от редакции Московского ЦК. Последняя и была использована в работе Второго съезда.

Изменилась ст. 11, в которой речь шла об ответственности министров. Были внесены и стилистические, и содержательные изменения. Так, в первоначальном варианте для начала судебного преследования в отношении министра необходимо было решение одной из палат Государственной думы. Соответственно, в редакции Второго съезда предусматривалась необходимость совместного решения двух палат. Из этой же статьи убрали ту часть, где речь шла о том, что «*Министр не может в этом случае быть амнистирован или помилован без согласия народного представительства*». Хорошо заметно, что все отмеченные изменения существенны и вместе с тем они направлены в сторону общего сокращения прав народного представительства в отношении исполнительной власти.

Что же касается двух других разделов, которые содержатся в материалах фонда А.И. Гучкова, «Права граждан» и «Народное образование», то их сравнительный анализ с текстом Программы «Союза 17 октября» не выявил даже минимальных как текстовых, так и смысловых отличий. Соответственно, появление в документе, известном нам как «Программа „Союза 17 октября“»,

утвержденная Московским ЦК», таких разделов как «Крестьянский и земельный вопрос», «Рабочий вопрос», «Часть судебная», вкупе с указанием на то, что в стадии подготовки находятся такие части программы, как «Местное самоуправление», «Экономический и финансовый вопросы», окончательно указало на то, что именно этот вариант является более поздним по отношению к материалам из фонда А.И. Гучкова. Если же сравнивать текст «проекта Гучкова» с вариантом программы октябристов, принятым на Первом съезде, то сразу бросается в глаза, что он гораздо более подробный, совпадая при этом по смыслу.

Программа партии «Союз 17 октября». Первый съезд, февраль 1906 г.	Проект Конституции Российской империи... фонд А.И. Гучкова
1. Российская империя есть наследственная конституционная монархия, в которой император как носитель верховной власти ограничен постановлениями Основных законов	§ 1. Российская империя есть наследственная конституционная монархия, в которой Император как носитель верховной власти ограничен постановлениями Основных Законов
3. Ни одно распоряжение правительственной власти не должно противоречить постановлениям, изданным в законодательном порядке	3. Ни одно распоряжение правительственной власти от кого бы оно ни исходило не должно противоречить постановлениям, изданным в законодательном порядке

Далее третьего пункта документы уже сложно сравнивать, но и то, что представлено выше в таблице, вполне доказывает, что программа Первого съезда предшествовала проекту А.И. Гучкова. Соответственно, это черновой вариант новой версии программы, которая в гораздо полном, хотя и незавершенном виде, была принята в том же году Московским ЦК, а хотя и частично в мае 1907 г. Вторым съездом октябристов.

Заключение. Комплексная оценка результатов компаративистского анализа партийной программатики и документа, хранящегося в архивном фонде А.И. Гучкова под названием «Проект Конституции Российской Империи...», показала, что это один из вариантов проекта программы партии «Союза 17 октября», занимающих промежуточное положение между редакцией партийной программы, принятой Первым съездом октябристов, и Программой, принятой Московским ЦК партии, судя по всему, осенью 1906 г. В пользу данного предположения говорит появление в сентябре 1906 г. еще одного варианта Программы «Союза 17 октября», принятого на Поволжском съезде партии. Однако это тема отдельного исследования, в котором конституционное законодательство правого крыла российского либерализма уже не выступает в качестве особого предмета исследовательского внимания.

Поиск новых свидетельств многообразия типологических подходов российских либералов к моделям реформирования социально-политической системы страны, вышедших на уровень конституционных проектов, как нам представляется, следует продолжать. Причем здесь возможен как архивный поиск, совмещенный с анализом партийной периодики, так и применение

предложенной нами в рамках одной из работ методологии¹², предполагающей объединение в рамках синтезируемого исследователями текста материалов, имеющих однородную политико-правовую природу, происхождение и наличие еще ряда общих для них существенных признаков.

Правое крыло российского либерализма в целом находилось в общем тренде российского либерализма, который в процессе формирования национальной либеральной модели последовательно прошел стадии научного, партийно-политического и законодательного осмысления либеральных ценностей. Однако, судя по всему, оно не прошло этап конституционного проектирования сценария социальных преобразований хотя бы в области государственного переустройства, остановившись на стадии партийной программатики. Что, впрочем, по крайней мере для нас, не означает прекращения научного поиска в этом направлении.

¹² Аронов Д.В. Российский либеральный конституционный проект начала XX в. — опыт модельной реконструкции // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 2017): сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Секретариат Совета МПА СНГ, 2017. Т. 1. С. 69–76.

Литература

1. Аронов Д.В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова / Д.В. Аронов // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53.
2. Аронов Д.В. Государственное устройство России в проекте конституции А.И. Гучкова / Д.В. Аронов, М.А. Коновалова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2. С. 7–11.
3. Аронов Д.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века / Д.В. Аронов, А.И. Шепарнева, И.А. Леонова, С.В. Кошелева // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.
4. Аронов Д.В. Российский либеральный конституционный проект начала XX в. — опыт модельной реконструкции / Д.В. Аронов // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 2017): сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2017. С. 70–77.

1. Даричева С.В. Вопросы государственного устройства и Государственная дума Российской империи в начале XX в. / С.В. Даричева // Власть. 2015. № 7. С. 153–157.
2. Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. / А.А. Демичев // История государства и права. 2012. № 5. С. 2–5.
3. Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX начала XX века в зеркале англо-американской историографии / Н.В. Макаров. Москва : Памятники исторической мысли, 2015. 392 с.
4. Пучина Т.А. Вопросы государственного устройства и управления в программных документах и материалах политических партий России начала XX в. : диссертация кандидата исторических наук / Т.А. Пучина. Москва, 1995. 169 с.

References

1. Aronov D.V. «Proekt konstitutsii Rossiyskoy imperii s razdelami: gosudarstvennoe ustroystvo, prava grazhdan, narodnoe prosveschenie» — iz politiko-pravovogo naslediya Aleksandra Ivanovicha Guchkova [“A Draft of the Constitution of the Russian Empire with Sections: State Structure, Civil Rights, Public Education”: From the Political and Legal Heritage of Aleksandr Ivanovich Guchkov] / D.V. Aronov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 24.S. 49–53.
2. Aronov D.V. Gosudarstvennoe ustroystvo Rossii v proekte konstitutsii A.I. Guchkova [The State Structure of Russia in the A.I. Guchkov's Draft of the Constitution] / D.V. Aronov, M.A. Konovalova // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta — Scholarly Notes of the Orel State University. 2019. № 2. S. 7–11.
3. Aronov D.V. Proekt Osnovnogo zakona Rossiyskoy imperii Kharkovskogo yuridicheskogo obschestva — mesto i rol v liberalnom konstitutsionnom zakonotvorchestve nachala XX veka [A Draft of the Fundamental Law of the Russian Empire Proposed by the Kharkov Legal Society: The Place and Role in Liberal Constitutional Law Making of the Early XXth Century] / D.V. Aronov, A.I. Sheparneva, I.A. Leonova, S.V. Kosheleva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 1. S. 60–64.
4. Aronov D.V. Rossiyskiy liberalny`y konstitutsionny`y proekt nachala XX v. — opy`t modelnoy rekonstruktsii [The Russian Liberal Constitutional Project of the Early XXth Century: The Model Reconstruction Experience] / D.V. Aronov // Tavricheskie chteniya 2016. Aktualny`e problemy` parlamentarizma: istoriya i sovremennost` : materialy` mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 2017) : sbornik nauchny`kh statey ; pod redaktsiei A.B. Nikolaeva [The Tavrida Readings 2016. Relevant Issues of Parliamentarism: History and the Modern Times : files of an international scientific conference (Saint Petersburg, 2017) : collection of scientific articles ; edited by A.B. Nikolaev]. Sankt-Peterburg : Sekretariat Soveta MPA SNG — Saint Petersburg : Secretariat of the IPA CIS, 2017. S. 70–77.
5. Daricheva S.V. Voprosy` gosudarstvennogo ustroystva i Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Issues of the State Structure and the State Duma of the Russian Empire in the Early XXth Century] / S.V. Daricheva // Vlast — Power. 2015. № 7. S. 153–157.
6. Demichev A.A. O tendentsiyakh v izuchenii sudebnoy reformy` 1864 g. [On Tendencies in Studies of the Judicial Reform of 1864] / A.A. Demichev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2012. № 5. S. 2–5.
7. Makarov N.V. Russkiy liberalizm kontsa XIX nachala XX veka v zerkale anglo-amerikanskoy istoriografii [Russian Liberalism of the Late XIXth to the Early XXth Century as Reflected by Anglo-American Historiography] / N.V. Makarov. Moskva : Pamyatniki istoricheskoy my`sl`i — Moscow : Monuments of Historical Thought, 2015. 392 s.
8. Puchina T.A. Voprosy` gosudarstvennogo ustroystva i upravleniya v programmny`kh dokumentakh i materialakh politicheskikh partiy Rossii nachala XX v. : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Issues of the State Structure and Administration in Program Documents and Files of Russian Political Parties in the Early XXth Century : thesis of PhD in History] / T.A. Puchina. Moskva — Moscow, 1995. 169 s.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-67-74

Административно-правовое обеспечение экономического суверенитета России во второй половине XIX — начале XX в.

Латыпов Урал Альфретович,
аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института
pen.depel@gmail.com

В статье представлена авторская позиция по вопросу обеспечения экономического суверенитета России административно-правовыми средствами во второй половине XIX — начале XX в. Рассматривается одна из административных функций государства — контрольно-надзорная, которая реализовывалась в добывающей и перерабатывающей отраслях и обеспечивала условия безопасности труда, а также их развитие.

Ключевые слова: административное регулирование, контрольно-надзорная структура, административный контроль и надзор, горная полиция, мелкотоварное производство, раннекапиталистические и полуфеодалные формы хозяйства, фабричная инспекция, присутствия по горнозаводским делам, Совет министров.

The Administrative and Legal Support of the Economic Sovereignty of Russia in the Second Half of the XIXth to the Early XXth Century

Latypov Ural A.
Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute

The article presents the author's position on the issue of support of the economic sovereignty of Russia by administrative and legal means in the second half of the XIXth to the early XXth century. The publication reviews one of administrative functions of the state — the control and supervision one exercised in the extraction and processing industries and securing safe working conditions and their development.

Keywords: administrative regulation, control and supervisory structure, administrative control and supervision, mountain police, small commodity production, early capitalist and semi-feudal forms of farming, factory inspection, mining councils, Council of Ministers.

Одной из форм обеспечения экономического суверенитета царской России являлось административное регулирование отношений в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности посредством установления государственного контроля и надзора в местах добычи и переработки полезных ископаемых и создания системы правоохранительных органов, обеспечивающих защиту интересов государства, собственников и горнорабочих.

Развитие добывающей промышленности предопределило формирование контрольно-надзорной структуры, которая начала складываться во второй

половине XIX в. и обеспечивала условия безопасности в горнодобывающих и перерабатывающих отраслях промышленности.

В обозначенный период понятия «административный контроль» и «надзор» по своему значению не различались. В обиходе чаще применялся термин «надзор». Например, в отчетных документах использовались сочетания «административный надзор за законностью управления», «надзор за деятельностью бюджетных органов» или «бюджетный контроль». Государственная ревизионная деятельность ассоциировалась с «финансовым контролем».

По мнению И.В. Михеевой «историческая интерпретация надзора идентична современному пониманию контроля»¹.

Административный надзор в XIX в. включал контроль деятельности всех институтов власти и отраслей промышленности. Данная форма надзора подразумевала отчетность, ревизии, контроль. Государственный контроль осуществлялся в отношении хозяйственных операций на предмет выявления их целесообразности и выгоды для государства. Главной функцией государственного контроля на всем протяжении его существования было наблюдение за точным исполнением государственного бюджета.

Постоянный контроль являлся элементом системы административного надзора за управленческими действиями министров, министерств, а также правоохранительных органов, обеспечивавших правопорядок на рудниках и прочих объектах добывающей промышленности.

Порядок в сфере добычи и переработки природных ископаемых в обозначенный период устанавливался посредством формирования контрольно-надзорных ведомств и полицейских структур.

Основной задачей контролирующих органов был надзор за безопасностью работ в шахтах и на приисках. Данная функция представлялась горной полицией, которая осуществляла охрану общественного порядка и контроль в горнозаводских округах, на государственных и частных заводах. По мере развития горнодобывающей индустрии функционал горной полиции постепенно сужался. А.В. Лучинин отметил, что в 60-е годы XIX в. у горной полиции был большой объем полномочий, представленных законодателем, начиная от полицейского контроля над жизнедеятельностью в горнозаводских округах,

на государственных и частных заводах, заканчивая контролем различных сфер обеспечения благочиния и благосостояния. В сферу полицейского функционала попадала профилактическая деятельность, направленная на предупреждение и пресечение преступлений и других нарушений правопорядка. Полицейские должны были обеспечивать защиту различных форм собственности и интересов государства в горнозаводском производстве². Впоследствии, по мнению исследователя, произошло сужение и уточнение компетенций горной полиции. Ее функционал ограничился выполнением задач государственного контроля над золотодобычей частных лиц³.

Деятельность названного института регламентировалась правилами «О порядке производства горнопромышленниками подземных работ», которые в 1880 г. актуализировали задачи горной полиции. По мнению А.В. Лучинина, «главное направление деятельности государственной полицейской структуры — это осуществление контроля над частным предпринимательством в области горного дела»⁴.

Полагаем, что автор исследования сузил задачи горной полиции, которая решала много больше вопросов, определенных в ее сфере деятельности. Например, осуществляла прием заявок от промышленников на открытие золотых россыпей и рудных залежей, контролировала процесс разработки золота и, в частности, сокрытие добытого золота, выявляла злоупотребления в сфере организации хранения золота, вела наблюдение за приисковыми рабочими и другое.

Очередным шагом, направленным на совершенствование механизма правового регулирования ресурсодобывающих отраслей, стало создание в 1892 г.

¹ Михеева И.В. Обеспечение законности актов министерств Российской империи в XIX — начале XX века // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 22.

² Лучинин А.В. Горная полиция в России XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 5.

«Особых горнозаводских инспекций», учрежденных при горных управлениях «присутствий по горнозаводским делам». Появление инспекций отражало тенденцию укрепления позиций государства в добывающей и перерабатывающей промышленности. Контроль осуществлялся через юридически оформленные институты надзора за безопасностью ведения горных работ. В этом же году были утверждены правила о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы.

Активизация контрольно-надзорной деятельности царской администрации привела к созданию в 1899 г. фабричной инспекции, объединившей в своем составе «присутствия по горнозаводским делам» с «присутствиями по фабричным делам». Функционал названной инспекции включал: аналитическую работу о распределении рабочего времени; сбор сведений об оплате труда, использовании на предприятиях детского и женского труда. Также в обязанность инспекции вменялась подготовка и издание нормативных документов в части их касавшихся. Охрана труда стала основным элементом деятельности инспекций, что усилило их административный статус.

Положение главного управления в области надзорного регулирования внесло раздор между двумя министерствами — с одной стороны, Министерством внутренних дел, с другой стороны, Министерством финансов. Противостояние двух ведомств способствовало появлению инструкции о пределах компетенции местных органов МВД и Министерства финансов в деле надзора за фабрично-заводскими заведениями и разграничении сферы действий полиции и инспекции, которая вышла в свет 15 июля 1898 г.

Можно констатировать, что деятельность института, осуществлявшего охрану труда, ставшего причиной раздора вышеназванных министерств,

способствовала рождению межведомственной структуры, получившей название «Губернское по фабричным делам присутствие», а спустя год оно было переименовано в «Губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие». Полагаем, А.В. Новиков прав, отмечая, что «в создании губернских присутствий выразилось стремление поставить фабричную инспекцию под контроль местной губернской власти, а посредством ее — осуществлять надзор со стороны Министерства внутренних дел»⁵.

В целом придание инспекциям охранительных функций отражало стремление государственных чиновников получить дополнительный административный ресурс в оказании давления на частный капитал.

По нашему мнению, концентрация административного ресурса свидетельствует о системной работе царской администрации, направленной на корректировку механизма правового регулирования в отношении разработчиков недр и перерабатывающих отраслей промышленности и обеспечение экономической устойчивости государства в конце XIX в. Это был закономерный процесс, объективно связанный с усилением протестного движения рабочих, с одной стороны, и ростом промышленного производства — с другой.

Контрольно-надзорная деятельность государства, с одной стороны, обеспечивала системную разработку природных ресурсов, с другой — протекционистскую политику, которая от-

⁵ Новиков А.В. Социальные и межведомственные противоречия в России рубежа XIX–XX вв. через призму деятельности Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия // Романовские чтения: 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы Всероссийской конференции (г. Кострома, 2–3 марта 2013 г.): сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: Костромской государственный ун-т им. Н.А. Некрасова, 2013. С. 246.

ражала экономическую независимость России.

Протекционизм, как инструмент обеспечения экономического суверенитета, способствовал подъему ряда добывающих и перерабатывающих отраслей, которые впоследствии стали ведущими в экономике российской империи. В качестве примера можно привести деятельность царской администрации по обеспечению развития нефтяного промысла и керосинового производства.

Административная поддержка отечественных горнопромышленников и нефтяников, создание устойчивой производственной инфраструктуры, формирование достаточно эффективной контрольно-надзорной системы, обеспечивавшей определенный порядок в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности, к началу XX в. позволили России выйти на лидирующие экономические позиции в мире, что, безусловно, способствовало усилению экономического суверенитета страны.

Существенную роль в этом процессе сыграла программа государственной поддержки национальной промышленности как казенной, так и частной, запущенная в конце XIX в. Она включала несколько основных пунктов: а) льготную для промышленности налоговую политику, которая осуществлялась за счет городского и сельского населения; б) государственную винную монополию, позволявшую получать дополнительные бюджетные излишки и вкладывать в промышленное производство; в) протекционизм, способствовавший защите интересов отечественной промышленности от иностранной конкуренции; д) денежную реформу 1897 г., укрепившую финансовую систему и платежеспособность рубля за счет его обеспечения золотом и конвертируемость; е) расширение банковского сектора и привлечение иностранных капиталовложений, что резко повысило долю иностранного капитала в акционерных обществах с

15 до 29% от общего капитала. Наибольшее количество иностранных инвестиций шло в угольную промышленность и металлургию.

Внутренняя административно-управленческая политика государства изменилась в начале XX в., причиной тому стал набиравший силу мировой экономический кризис, который отчасти повлиял на процесс российской индустриализации и сокращение иностранных инвестиций в горнодобывающую, металлургическую и машиностроительную промышленность. Также кризис усилил рабочее антиправительственное стачечное движение в центральных губерниях России. Эти обстоятельства подтолкнули царскую администрацию в 1903 г. пойти на изменение условия надзорной деятельности, отчасти провести ее децентрализацию, переподчинив местные фабричные инспекции непосредственно губернаторской власти.

После январских событий 1905 г., вошедших в историю как первая российская буржуазно-демократическая революция, административно-управленческая вертикаль подверглась радикальной трансформации, а именно 19 октября 1905 г. был издан именной Высочайший указ Николая II «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», ставший базой для реформирования высшей исполнительной власти. На Совет министров возлагалось направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления. Но спустя семь месяцев вышел очередной указ, который урезал полномочия Совета министров, а именно вывел из его влияния ревизионную деятельность Государственного контроля.

К указу Николая II от 19 октября 1905 г. отношение современников было неоднозначным. Одни считали его детально проработанным целостным документом, регламентировавшим деятельность Совета министров. По мне-

нию Б.Э. Нольде⁶, ни в одном из современных законодательств не было столь подробного и столь обстоятельного органического закона, определяющего устройство и функции кабинета. Другие усматривали в нем ограничитель власти названного института.

Оценивая вышеприведенный указ, С.А. Котляревский писал: «...возникла удивительная ситуация, когда формально исполнительная власть должна была концентрироваться в руках императора, но представлять ее в законодательных учреждениях должен был Совет министров, чьи полномочия оставались очень расплывчатыми»⁷.

Границы влияния Совета министров в процессе его функционирования неоднократно корректировались. Описывая сложившуюся ситуацию, К.А. Соловьев⁸ высказал суждение о том, что детальная регламентация не столько создавала юридическую базу для работы Совета министров, сколько ограничивала его власть. Можно отчасти согласиться с автором, очевидно, что усечение административных возможностей за счет усиления контроля над деятельностью чиновников приводит к ограничению власти. Вместе с тем нельзя не отметить и положительные результаты реформы, позволившей оптимизировать деятельность министерств в решении административных вопросов.

В результате кризиса, начавшегося в 1900 г., экономика Российского государства дестабилизировалась, что привело к разорению слабых предприятий и ускорению процесса концентрации промышленного капитала. Негативная ситуация в экономике в

основном отразилась на частном секторе, который доминировал в мелко-товарном производстве, добывающую и перерабатывающую промышленность кризис затронул в меньшей степени, так как производство имело комбинированный характер устройства крупных предприятий, что позволило сохранить определенную стабильность.

Всего за годы кризиса закрылось 3 тыс. средних и мелких предприятий, на которых работало 112 тыс. рабочих, в металлургической промышленности было ликвидировано 18 крупных предприятий с капиталом 55 млн руб., в машиностроении — 33 предприятия⁹.

Позитивным последствием экономического кризиса можно считать разрушение старой экономической парадигмы экономического устройства России, приведшей к концентрации производства, образованию монополий и формированию империализма, новой фазы экономического и общественного развития государства, позволившей обеспечить устойчивый экономический суверенитет и возможность оказывать экономическое давление на мировом уровне.

С 1909 по 1913 г. в стране определился экономический подъем, который благоприятно сказался на добывающей и металлургической промышленности. Появилось большое количество синдикатов, объединявших предприятия по закупке производству и сбыту сырья, возникли тресты и концерны, произошло сращивание промышленного и банковского капиталов, началось объединение финансового капитала.

По мнению специалистов, в России в период с 1913 по 1917 г. начался процесс сращивания финансового капитала, монополий с государственным аппаратом, что привело к появлению государственно-монополистического капитализма и созданию

⁶ Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. : Правда, 1911. С. 155.

⁷ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М. : Зерцало, 2004. С. 274.

⁸ Соловьев К.А. Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 годы // Российская история. 2009. № 4. С. 63.

⁹ Экономический кризис 1900–1903 гг. URL: <https://studfiles.net/preview/7396573/page:5/> (дата обращения: 03.09.2019).

мощной ресурсной базы. Мы разделяем данную точку зрения, основываясь на косвенных признаках экономического развития страны. Во-первых, в годы промышленного подъема в Центрально-промышленном районе повысился удельный вес тяжелой промышленности и машиностроения. В Северо-западном районе были построены крупные предприятия текстильной и химической промышленности. На Украине и юге России развивалась горнодобывающая, металлургическая и сахарная промышленность, машиностроение и судостроение¹⁰. Подобные масштабные, экономические проекты невозможно было решить без участия управленческой элиты. Во-вторых, российский промышленный прорыв позволил вывести некоторые товары на международный рынок. Для обеспечения международной охраны торговых и фабричных клейм правительство заключило договоры с Бельгией, Грецией, Данией, Люксембургом, Нидерландами, Норвегией, Швейцарией, Швецией, Японией. На законодательном уровне защита международных соглашений об охране интересов русских изобретателей и предпринимателей за рубежом была материализована в законе «О допущении права приоритета на началах взаимности при разрешении дел о промышленной собственности подданных государств, заключивших с Россией соответственные соглашения»¹¹.

¹⁰ Муравьева Л.А. Экономика и финансы России в годы промышленного подъема (1909–1913) // Финансы и кредит. 2002. № 5 (95). С. 30.

¹¹ Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 9 июня 1912 г. «О допущении права приоритета на на-

тем самым была создана правовая база для соблюдения интересов российских и иностранных изобретателей и предпринимателей в России. Без заинтересованности высшего эшелона власти подобные шаги были бы невозможны.

Подводя итог, целесообразно отметить, что усиление административного регулирования экономического сектора в конце XIX — первом десятилетии XX в. способствовало успеху его развития. Поздний переход к капитализму, малоземелье крестьянства, патриархальные традиции обусловили многоукладность экономики России даже в период формирования монополистического капитализма. Частнокапиталистический уклад сочетался с полунатуральным (крестьянским) и мелкотоварным (кустарно-ремесленным производством). Усиление административно-контролирующих функций государства привело к сглаживанию различий в многоукладном экономическом секторе, а продуманная экономическая политика и своевременно проведенные административные реформы удержали страну от кризисного хаоса и затяжной стагнации производства. Последовательность экономического курса обеспечила России экономическую независимость, стабильность и попадание на мировой рынок в качестве мощного конкурента не только в области добывающей индустрии, но и производстве товаров и технических средств.

чалах взаимности при разрешении дел о промышленной собственности подданных государств, заключивших с Россией соответственные соглашения» // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1912. Кн. V. С. 51.

Литература

1. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904) / А.Ф. Вовчик. Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1964. 323 с.
2. Елистратов А.И. Административное право : лекции / А.И. Елистратов. Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 235 с.
3. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. : сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся

- к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под редакцией Н.И. Лазаревского. 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 г. Москва : Гос. публичная историческая б-ка России, 2010. 883 с.
4. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / С.А. Котляревский. Москва : Зерцало, 2004. 340 с.
 5. Лагутин И.Б. Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX века (историко-правовое исследование) : диссертация кандидата юридических наук / И.Б. Лагутин. Москва, 2005. 172 с.
 6. Лучинин А.В. Горная полиция в России XIX — начала XX вв. : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Лучинин. Нижний Новгород, 2000. 24 с.
 7. Михеева И.В. Обеспечение законности актов министерств Российской империи в XIX — начале XX века / И.В. Михеева // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 19–28.
 8. Муравьева Л.А. Экономика и финансы России в годы промышленного подъема (1909–1913) / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. 2002. № 5 (95). С. 29–37.
 9. Новиков А.В. Социальные и межведомственные противоречия в России рубежа XIX–XX вв. через призму деятельности Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия / А.В. Новиков // Романовские чтения: 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых : материалы Всероссийской конференции (г. Кострома, 2–3 марта 2013 г.) : сборник научных статей ; составитель и научный редактор А.Д. Шпилов. Кострома : Костромской государственный ун-т им. Н.А. Некрасова, 2013. С. 246–253.
 10. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права / Б.Э. Нольде. Санкт-Петербург : Правда, 1911. 564 с.
 11. Соловьев К.А. Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 годы / К.А. Соловьев // Российская история. 2009. № 4. С. 60–76.

References

1. Vovchik A.F. Politika tsarizma po rabochemu voprosu v predrevolyutsionny`y period (1895–1904) [The Tsarism Policy with Regard to the Labor Issue in the Pre-Revolutionary Period (1895 to 1904)] / A.F. Vovchik. Lvov : Izd-vo Lvovskogo un-ta — Lvov : Publishing house of the Lvov University, 1964. 323 s.
2. Elistratov A.I. Administrativnoe pravo : lektzii [Administrative Law : lectures] / A.I. Elistratov. Moskva : Tip. t-va I.D. Sy`tina — Moscow : Printing office of the I.D. Sytin's partnership, 1911. 235 s.
3. Zakonodatelny`e akty` perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg. : sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pravitelstvuyuschemu Senatu, reskriptov i polozheniy Komiteta ministrov, odnosyaschikhysya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya ; pod redaktsiyey N.I. Lazarevskogo. 3-e izd., peresm. i dop. po 1 sentyabrya 1908 g. [Legal Acts of the Transition Period. 1904 to 1908 : collection of laws, manifests, orders to the Governing Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers concerning transformation of the Russian state structure, with application of an alphabetic index ; edited by N.I. Lazarevskiy. 3rd edition, revised and enlarged until September 1, 1908]. Moskva : Gos. publchnaya istoricheskaya b-ka Rossii — Moscow : Russian State Public Historical Library, 2010. 883 s.
4. Kotlyarevskiy S.A. Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie predposy`lki russkikh Osnovny`kh zakonov [Constitutional State. Legal Prerequisites for the Fundamental Russian Laws] / S.A. Kotlyarevskiy. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2004. 340 s.
5. Lagutin I.B. Gosudarstvenny`y finansovy`y kontrol v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka (istoriko-pravovoe issledovanie) : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [State Financial Control in the Russian Empire in the First Half of the XIXth Century (Historical and Legal Research) : thesis of PhD (Law)] / I.B. Lagutin. Moskva — Moscow, 2005. 172 s.
6. Luchinin A.V. Gornaya politsiya v Rossii XIX — nachala XX vv. : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Mountain Police in Russia in the XIXth to the Early XXth Century : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.V. Luchinin. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2000. 24 s.
7. Mikheeva I.V. Obespechenie zakonnosti aktov ministerstv Rossiyskoy imperii v XIX — nachale XX veka [Securing Legality of Acts Adopted by Ministries of the Russian Empire in the XIXth to the Early XXth Century] / I.V. Mikheeva // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 11. S. 19–28.
8. Muravyeva L.A. Ekonomika i finansy` Rossii v gody` promy`shlennogo podyema (1909–1913) [Russian Economy and Finance in the Years of the Industrial Boom (1909 to 1913)] / L.A. Muravyeva // Finansy` i kredit — Finance and Credit. 2002. № 5 (95). S. 29–37.

9. Novikov A.V. Sotsialny`e i mezhdedomstvenny`e protivorechiya v Rossii rubezha XIX–XX vv. cherez prizmu deyatelnosti Kostromskogo gubernskogo po fabrichny`m i gornozavodskim delam prisutstviya [Social and Inter-Departmental Discrepancies in Russia on the Turn of the XXth Century from the Standpoint of Activities of the Kostroma Council for Factory and Mining Affairs] / A.V. Novikov // Romanovskie chteniya: 400 let okonchaniya Smuty` i votsareniya dinastii Romanovy`kh : materialy` Vserossiyskoy konferentsii (g. Kostroma, 2–3 marta 2013 g.) : sbornik nauchny`kh statey ; sostavitel i nauchny`y redaktor A.D. Shipilov [The Romanov Readings: The 400th Anniversary of Termination of the Time of Troubles and Accession of the Romanov Dynasty to the Throne : files of the All-Russian Conference (Kostroma, March 2 to 3, 2013) : collection of scientific articles ; compiler and scientific editor A.D. Shipilov]. Kostroma : Kostromskoy gosudarstvenny`y un-t im. N.A. Nekrasova — Kostroma : Kostroma State University, 2013. S. 246–253.
10. Nolde B.E. Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava [Sketches of Russian State Law] / B.E. Nolde. Sankt-Peterburg : Pravda — Saint Petersburg : Truth, 1911. 564 s.
11. Solovyev K.A. Mekhanizmy` vzaimodeystviya ispolnitelnoy i predstavitelnoy vetvey vlasti, 1906–1914 gody` [Mechanisms of Cooperation between the Executive and the Representative Branches of Power, 1906 to 1914] / K.A. Solovyev // Rossiyskaya istoriya — Russian History. 2009. № 4. S. 60–76.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-74-80

Международные и внутригосударственные репатриационные инструменты конца 1930-х — первой половины 1940-х гг.: советский опыт*

*Галас Марина Леонидовна,
главный научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор
MLGalas@fa.ru*

Правовой статус репатриантов (военнопленных, интернированных, беженцев, мигрантов, оптантов, др.) в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. в Советском государстве регламентировался нормами международных договоров, указами высшего законодательного органа — Президиума Верховного Совета СССР, ведомственными подзаконными актами и нормами Центрального комитета ВКП (б) большевиков, специальными нормативными актами центральных органов военного управления, организационных структур армий, фронтов, текущим законодательством. В статье рассматривается показательный период с точки зрения сочетания международных и внутригосударственных инструментов регулирования правового статуса репатриантов преддверия и начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: репатриация, оптанты, беженцы, мигранты, военнопленные, правовой статус, военно-стратегические интересы, нормы международного права.

International and Domestic Repatriation Instruments of the Late 1930s to the First Half of the 1940s: The Soviet Experience

*Galas Marina L.
Chief Research Scientist of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Doctor of History, Professor*

The legal status of the returnees (prisoners of war, internees, refugees, migrants, optants, etc.) at the end of the 1930's — 1940's in the Soviet Union, according to the norms of international treaties, decrees of

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2019 г.

the supreme legislative body — the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, departmental regulations and standards of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, special regulations of the central organs of military administration, organizational structures, fronts, the current legislation. The article discusses the exponential period in terms of a combination of international and domestic instruments regulating legal status of returnees threshold and the beginning of the Great Patriotic war.

Keywords: repatriation, optants, refugees, migrants, prisoners of war, legal status, military-strategic interests, the norms of international law.

Предвоенный период был для СССР временем дипломатической, геополитической и геоэкономической, военно-стратегической, институционально-правовой подготовки к длительным тяжелым испытаниям. Одним из важных стратегических и национально-государственных направлений в системе предвоенной подготовки СССР было расширение западных границ за счет присоединения новых территорий. Этот процесс неразрывно был связан с национально-государственным строительством, социальными, экономическими, политическими реформами, процедурами репатриации, эвакуации оптантов, интеграции населения присоединенных территорий. Изменение границ сопровождалось и военными кампаниями, что ставило задачу правового регулирования статуса военнопленных, интернированных, репатриантов различных групп.

Важную роль в правовом урегулировании статуса этой социально-демографической группы играли межгосударственные договоры и созданные для их выполнения институты. Например, военнопленные граждане Финляндии периода Зимней войны 1939–1940 гг. репатрировались в соответствии с Договором о мире между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. и посредством института Смешанной комиссии по обмену военнопленными и интернированными¹.

Смешанная комиссия по делам эвакуации (организованному вывозу), составленная из представителей СССР и Германии, была создана в октябре 1939 г. для переселения в страну происхож-

дения этнических немцев с западных территорий Украины и Белоруссии. Порядок эвакуации определялся двусторонним соглашением, закрепившим за лицами немецкого происхождения право на оптацию.

Накануне вступления сил Красной армии в Бессарабию с последующим восстановлением государственной границы СССР по рекам Прут и Дунай, переходом в состав Советского государства северной части Буковины (территории, входившие с марта 1918 г. в состав Румынии) министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп 27 июня 1940 г. направил послу в Москве Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу специальную инструкцию². В этом документе министр информировал о готовности рейха оказать добрые услуги³ по урегулированию отношений между СССР и Румынией в связи с изменением границ, а также предложения по организации переселения с территории Буковины в Германию этнических немцев. Организационные вопросы репатриации и переселения немецких оптантов также решались специальной совместной комиссией (начала работу 28.06.1940). В сентябре 1940 г. Правительства СССР и Германии подписали соглашение об эвакуации этнических немцев с территорий Бессарабии и северной Буковины в страну происхождения⁴. Позиция Германии по вопросу территориального спора СССР и

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 3е. Д. 5. Л. 2–9. (Далее — РГВА.)

² История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. М. : Воениздат, 1974. Т. 3. С. 369–372.

³ Термин применен в международно-правовом контексте как инструмент мирного урегулирования межгосударственных территориальных споров.

⁴ РГВА. Ф. 1458к. Оп. 40. Д. 195. Л. 5–18.

Румынии была закреплена в секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г.⁵

В отношении присоединенных к СССР западных территорий республик Прибалтики был принят ряд нормативных правовых актов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. о временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик; Положение Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности СССР от 21 апреля 1941 г.⁶ о выселении социально опасных граждан⁷; Постановление Центрального комитета ВКП (б) и Совета народных комиссаров СССР от 14 июня 1941 г. Репатриационные мероприятия сопровождалась депортацией «контрреволюционных элементов». Органы советской исполнительной власти, партийное руководство принимали предупредительные меры против депортационного произвола. Так, 15 июня 1941 г. подзаконным актом Народного комиссариата государственной безопасности СССР в целях освобождения необоснованно арестованных и сосланных была запущена процедура проверки уголовных дел по контрреволюционным преступлениям (ст. 58 УК РСФСР), административных решений о депортации. Однако трагедия высылки и репрессий затронула судьбы десятков тысяч людей.

Часть титульного населения поддержала советскую земельную реформу,

национализацию крупных промышленных, торговых предприятий, домовладений. Договором от 10 октября 1939 г. о взаимопомощи между СССР и Литовской Республикой была легитимирована передача литовской стороне г. Вильно, ставшего столицей, и экономически, логистически и инфраструктурно развитой Виленской области сроком на 15 лет с возможностью последующей пролонгации на десятилетний срок. СССР получал право разместить ограниченный контингент вооруженных сил. Сувалковский уезд был передан Германии⁸. Изменение границ повлекло переселение этнических немцев.

Репатриационные институты и их правовые основы получили дальнейшее развитие с началом Великой Отечественной войны⁹. Была актуализирована правовая трактовка понятия «военнопленные»¹⁰: 1) служащие вооруженных сил государств, фактически находящихся в состоянии войны с Союзом ССР, захваченные в ходе военных действий, а также граждане таких государств, интернированные на территории Союза ССР; 2) открыто носящие оружие члены вооруженных отрядов, не входящих в структуру вооруженных сил враждебного государства; 3) захваченные в ходе военных дей-

⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik // Serie D. Band XI. 2. Zweiter Halbband, 13. November 1940 — 31. Januar 1941. Bonn : G. Hermes, 1964. S. 888–890.

⁹ Галас М.А. «Чужие среди своих»... Репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг.: адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны : монография. М. : Галас М.А., 2011. С. 255–272 ; Её же. Советская репатриация. Государственно-правовое регулирование // Родина. 2008. № 6. С. 35–41 ; Её же. Содержание и репатриация граждан СССР из Франции в 1944–1946 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 56–62.

¹⁰ Постановление СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1798–800с // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 297–299. (Далее — ГАРФ.)

ствий гражданские лица, официально сопровождающие вооруженные силы враждебного государства. Данная трактовка военнопленных применялась по аналогии к коллаборационистам¹¹.

Защищаемые международными актами права военнопленных, интернированных, репатриантов подтвердились Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 4 июня 1918 г. о признании конвенциональных норм о Красном кресте, в том числе и ратифицированных Россией до октября 1915 г. Для информирования государств нацистской «оси» и международного сообщества Народным комиссариатом иностранных дел СССР 17 июля 1941 г. посольству и организации Красного Креста нейтральной Швеции была направлена нота об обязательстве Советского государства соблюдать нормы гуманитарного права, закрепленные 4-й Гаагской конвенцией от 18 октября 1907 г. «О законах и обычаях войны» и Женевской конвенцией от 27 июня 1929 г. об улучшении участи раненных и больных во время вооруженных действий. Соответственно, нормативные правовые акты, принимаемые Управлением Народного комиссариата внутренних дел СССР по делам военнопленных (далее — Управление)¹²,

учитывали международные нормы, закрепляющие права военнопленных и жертв войны¹³.

Постановление Совета народных комиссаров СССР от 1 июля 1941 г. № 1798–800с и Приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР от 21 июля 1941 г. № 0342 ввели запрет на жестокое обращение с этой категорией лиц, установили преференции для офицерского состава военнопленных, распространили на занятых производительной деятельностью нормы советского трудового законодательства, в их числе по охране труда, нормированию рабочего времени, закрепили право на сохранение гражданства страны происхождения, а также на защиту нормами международного права и права СССР¹⁴.

Управление было правомочно устанавливать размер заработной платы, стандартные условия содержания военнопленных и интернированных¹⁵. Задачи своей профессиональной компетенции отделы Управления решали с учетом норм Женевской конвенции от 27 июля 1929 г.¹⁶

Важную роль в репатриационной политике СССР сыграл организо-

14 марта 1953 года функции УПВИ были переданы Тюремному управлению Министерства внутренних дел СССР.

¹¹ Правонарушения комбатантов и гражданских лиц враждебных государств, интернированных, коллаборационистов были отнесены к юрисдикции военных трибуналов. О вынесенных военными трибуналами обвинительных приговорах обязательно информировался Исполнительный комитет Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

¹² Приказом НКВД СССР от 19 сентября 1939 г. № 0308 было учреждено Управление по делам военнопленных. В июле 1940 г. оно было реорганизовано в Управление по делам о военнопленных и интернированных (УПВИ), которое функционировало до января 1945 г. С января 1945 г. УПВИ было преобразовано в Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. В июне 1951 г. эта структура реорганизуется в УПВИ Министерства внутренних дел СССР.

¹³ Система лагерей, пунктов приема военнопленных и интернированных Управления контролировалась Народными комиссариатами внутренних дел Союзных республик и Управлениями Народных комиссариатов внутренних дел краев, областей. Обеспечение военнопленных и интернированных предметами первой необходимости, продовольствием осуществлялось Главным управлением лагерей и мест заключения Наркомата внутренних дел СССР. Контрольно-надзорную деятельность Наркомата внутренних дел СССР и его региональных структур ревизионировал Совет народных комиссаров СССР.

¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 30е. Д. 1. Л. 1–3; Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 46. Л. 181–183.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 298–299.

¹⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 5а. Д. 11. Л. 134–144; Д. 2. Л. 290–295; Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 7. Л. 9–12.

ванный Наркоматом внутренних дел СССР в начале Великой Отечественной войны учетно-распределительный и фильтрационный механизм. В целях регулирования и упорядочения приема направляемых войсковыми частями военнопленных и интернированных, содержания и обеспечения их в прифронтовой полосе были учреждены фронтовые лагеря-распределители, подконтрольны которым были приемные пункты Управления (Приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР от 05.06.1942 № 00156). Лагеря-распределители функционировали до 1944 г. включительно¹⁷. Руководство фронтовой системой учреждений для военнопленных/интернированных возлагалось на отдел Наркомата внутренних дел СССР по делам военнопленных под контролем начальника тыла фронта Управления (Положение от 27.01.1944 № 0077/007, утвержденное приказом Народного комиссара внутренних дел СССР и начальником тыла Красной армии)¹⁸.

Организация приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно увезенных неприятелем или перемещенных за пограничную линию между СССР и Польшей, на территории Италии и Франции регламентировалась Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 24 августа 1944 г. № 6457¹⁹, постановлениями Совета народных комиссаров СССР. Уполномоченные органы репатриировали военнопленных и интернированных граждан СССР и не имеющих советского гражданства российских эмигрантов и их нисходящих, пребывающих на территории зарубежной страны²⁰. Граждане

СССР и выходцы из России без советского гражданства, служившие в вооруженных силах государств-противников, были признаны изменниками родины без распространения на них норм международных гуманитарного права.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны возникла необходимость в связи с масштабной репатриационной кампанией в новом институте. Так, 4 октября 1944 г. была учреждена структура Уполномоченного Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран (далее — Уполномоченный). Компетенцию и структуру института Уполномоченного регулировало Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 6 октября 1944 г.²¹

В системе Военных Советов Первого Прибалтийского, Первого, Второго и Третьего Белорусских, Первого, Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов в феврале 1945 г. были созданы репатриационные отделы, в частях — сборно-пересыльные пункты для советских граждан, приемно-передаточные пункты для иностранцев²².

Фильтрационную проверку военнопленных из числа бывших служащих Красной армии проводили ор-

¹⁷ Армейские приемные пункты НКВД СССР, сборные пункты фронтовых лагерей, фронтовые приемно-пересыльные лагеря, тыловые лагеря.

¹⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1а. Д. 1. Л. 186–189; Оп. За. Д. 2. Л. 40–46.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 41–47.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–90.

²¹ Представительства Уполномоченного действовали в таких государствах, как Финляндия, Франция, Румыния, Ирак, Италия, Польша, Египет, Греция, Югославия, Албания, Великобритания, Бельгия, Швеция, Швейцария, Венгрия, США, Норвегия, Чехословакия, Дания, Австрия (в английской, американской, французской оккупационных зонах), Германия (в Померанской, Бранденбургской, Селезской, Прусской, Нюрнбергской группах оккупационных зон Великобритании и США), Корея.

²² Постановлением Совета Министров СССР от 29 декабря 1952 г. № 5305-2070/с Управление Уполномоченного СНК (Совета Министров) СССР по делам репатриации прекращало свою деятельность с 1 марта 1953 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 2771. Л. 32.

ганы контрразведки (Постановление Гражданского Комитета Оборона от 04.11.1944 № 6884с)²³. Прошедшие предварительную проверку военнотружущие Красной армии направлялись в специальные дивизии Наркомата обороны СССР для дополнительной проверки, выдержав все этапы проверки, зачислялись в действующую армию. Подозрительные военнопленные этапировались в специальные лагеря для продолжения проверки. Гражданское население проходило проверку в пограничных проверочно-фильтрационных пунктах и фронтовых сборно-пересыльных пунктах²⁴. Калмыков, крымских татар, крымских армян, болгар, греков, балкарцев, чеченцев, ингушей, турок, курдов и хамшитов директивами Народного комиссариата внутренних дел СССР предписывалось перемещать в места их депортации²⁵.

²³ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д 1. Л. 90–93, 135–140.

²⁴ После прохождения проверки и установления личности мужчины призывного возраста получали направления в запасные воинские части фронтов или военных округов. Остальным группам интернированных разрешалось после завершения проверки вернуться к прежнему месту постоянного жительства (за исключением Москвы, Ленинграда, Киева). Жители приграничных областей для проверки личности препровождались в фильтрационные пункты Народного комиссариата внутренних дел СССР, дети-сироты — в детские учреждения Наркоматов просвещения и Наркоматов здравоохранения союзных республик. Нетрудоспособные по возрасту или состоянию здоровья, женщины, имевшие грудных детей, и беременные по окончании проверки могли поселиться в места их прежнего проживания.

²⁵ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 22 октября 1945 г. № 2678-735сс //

Мера социальной защиты в виде срочного (на шесть лет) спецпоселения применялась к репатриантам, состоявшим в вооруженных силах государств-противников, в его специальных строевых формированиях, полиции и легионах. В качестве дополнительного наказания офицеров лишали звания²⁶.

Этнические немцы, имевшие гражданство СССР, принудительно перемещенные в рейх и расселенные в области Вартегау (польской территории, присоединенной к Германии), после процедуры фильтрации направлялись на бессрочное спецпоселение²⁷.

Репатриационные мероприятия в отношении «старых эмигрантов», бывших военнопленных и интернированных граждан СССР проводились по общим правилам. Во второй половине 1940-х гг. репатриационная кампания решила основные задачи возвращения советских граждан и приравненных к ним «старых мигрантов», невозвращенцев в страну происхождения. В годы послевоенного восстановления СССР возвратившиеся на родину военнопленные, интернированные, эмигранты, беженцы и другие репатрианты интегрировались в советский государственный строй и политический режим.

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 83–92.

²⁶ Директивы НКВД от 15 марта 1945 г. № 39т ; от 30 августа 1945 г. № 149 ; Постановления ГКО СССР от 1 августа 1945 г. № 9702 ; от 18 августа 1945 г. № 9871 // ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 80–82.

²⁷ Спецпоселения на Дальнем Востоке, в Норильске, Ухте, Печорском, Кузбасском, Карагандинском угольных бассейнах, бокситовых рудниках на Северном Урале, лесоразработках в Пермской области.

Литература

1. Галас М.А. «Чужие среди своих»... Репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг.: адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны : монография / М.А. Галас. Москва : Галас М.А., 2011. 452 с.
2. Галас М.А. Советская репатриация. Государственно-правовое регулирование / М.А. Галас // Родина. 2008. № 6. С. 35–41.
3. Галас М.А. Содержание и репатриация граждан СССР из Франции в 1944–1946 гг. / М.А. Галас // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 56–62.

4. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 томах. Т. 3. Начало войны, подготовка агрессии против СССР / авторский коллектив П.М. Деревянко, О.А. Ржешевский, А.В. Антосяк [и др.] ; главный редактор А.А. Гречко. Москва : Воениздат, 1974. 498 с.

References

1. Galas M.L. «Chuzhie sredi svoikh»... Repatriatsionnaya politika Rossii (SSSR) v 1920–1940-e gg.: adaptatsiya trudovykh migrantov i remigrantov; kvazi-vozvraschenie grazhdan SSSR i priravnennykh k nim lits posle Vtoroy mirovoy voyny` : monografiya [“Foreign Natives”... The Russian (USSR) Repatriation Policy in the 1920s to the 1940s : Adaptation of Labor Migrants and Remigrants; Quasi-Return of Citizens of the USSR and Equated Persons after the Second World War : monograph] / M.L. Galas. Moskva — Moscow : Galas M.L., 2011. 452 s.
2. Galas M.L. Sovetskaya repatriatsiya. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie [Soviet Repatriation. State Law Regulation] / M.L. Galas // Rodina — Homeland. 2008. № 6. S. 35–41.
3. Galas M.L. Soderzhanie i repatriatsiya grazhdan SSSR iz Frantsii v 1944–1946 gg. [The Content and Repatriation of Citizens of the USSR from France in 1944 to 1946] / M.L. Galas // Voenno-istoricheskiy zhurnal — Military Historical Journal. 2011. № 9. S. 56–62.
4. Istoriya Vtoroy mirovoy voyny`. 1939–1945. V 12 tomakh. T. 3. Nachalo voyny`, podgotovka agressii protiv SSSR ; avtorskiy kollektiv P.M. Derevyanko, O.A. Rzheshhevskiy, A.V. Antosyak [i dr.] ; glavnyy redaktor A.A. Grechko [History of the Second World War. 1939 to 1945. In 12 volumes. Vol. 3. The Beginning of the War, Preparation of Aggression against the USSR ; team of authors P.M. Derevyanko, O.A. Rzheshhevskiy, A.V. Antosyak [et al.] ; editor-in-chief A.A. Grechko]. Moskva : Voenizdat — Moscow : Military Publishing House, 1974. 498 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-10-80-88

Правовое регулирование деятельности николаевских лоцманов в начале XX в.

*Никитина Алина Петровна,
заведующая кафедрой «Морское и таможенное право»
Севастопольского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
apnikitina@sevsu.ru*

В статье указано, что Устав общества николаевских лоцманов (утвержден 12.05.1902) заменил Временные правила для общества николаевских лоцманов, принятые 25 ноября 1888 г. специальным указом. Правила 1888 г. пришлось заменять не только потому, что изменились технические и организационные условия в работе лоцманов, но еще и потому, что они входили в противоречие с введенным 1 мая 1890 г. «Положением о морских лоцманах». Рассмотрено содержание Устава 1902 г. Последний Устав общества николаевских и херсонских лоцманов был утвержден морским министром генерал-адъютантом Григоровичем 17 октября 1914 г.

Ключевые слова: устав общество лоцманов Николаева, Положение, правовое регулирование.

Legal Regulation of Activities of Nikolaev Pilots in the Early XXth Century

*Nikitina Alina P.
Head of the Department of Maritime and Customs Law
of the Law Institute of the Sevastopol State University
PhD (Law), Associate Professor*

The article states that the Charter of the society of marine pilots of Nikolaev which was approved on May, 12, 1902, replaced the Provisional Rules for the society marine pilots of Nikolaev, adopted on November 25, 1888 by a special decree. The rules of 1888 had to be replaced not only because of changes in

the technical and organizational conditions in the work of the harbor pilots, but due to their conflict with the "Regulations on marine pilots" introduced on May 1, 1890. In the article the author considers the content of the Charter of 1902. The last Charter of the society of Nikolaev and Kherson marine pilots was approved by the Minister of the Sea, General Grigorovich on October 17, 1914.

Keywords: Charter, society of marine pilots of Nikolaev, Regulation, legal regulation.

XX в. начался для николаевских лоцманов с конфликта, который возник в 1900 г. неожиданно между ними и биржевым комитетом города по поводу установления чрезмерной платы со стороны лоцманов за проводку судов с помощью ледокола «Гайдамак». Это судно было построено при помощи правительства (которым была выдана длительная беспроцентная ссуда). Специально привлеченный для разрешения этого конфликта эксперт предлагал установить таксу проводки для ледокола по 400 руб. с парохода в оба конца, с тем чтобы проводить судна каждое в отдельности, а не собирать караваны, как это делали лоцманы.

Со своей стороны общество лоцманов просило плату по 4000 руб. в месяц¹. В то же время биржевой комитет отказался взять на себя содержание ледокола, видимо, считая это невыгодным². Николаевское городское управление предложило приобрести ледокол. Но МВД, в свою очередь, предложило выкупить его и передать в постоянное заведование министерству путей сообщения с возложением на него и всех расходов³.

К слову говоря, лоцманы взяли кредит у государства на постройку этого ледокола в 180 000 руб., а полная его стоимость составила 269 246 руб. 94 коп. Между тем общество оказалось в тяжелом положении из-за падения количества судов, идущих в Николаев. Содержание ледокола в таких условиях оказалось убыточным, и на него уже был израсходован весь запасный капитал общества. Имен-

но поэтому и возникла идея ледокол у общества выкупить⁴.

В результате ледокол «Гайдамак» решили передать в портовое управление, где он в дальнейшем и служил⁵. Без ледокола финансовые дела у общества пошли лучше. Так, в частности, известно, что при ревизии кассы общества 23 января 1903 г. в ней оказалось 77 703 руб. 40 коп.⁶

Именно в этот сложный для лоцманов Николаева период был разработан и внедрен Устав общества Николаевских лоцманов (утвержден 12.05.1902), он заменил Временные правила для общества николаевских лоцманов, принятые 25 ноября 1888 г. специальным указом (№ 5577)⁷. Правила 1888 г. пришлось заменять не только потому, что изменились технические и организационные условия в работе лоцманов, но еще и потому, что они входили в противоречие с введенным 1 мая 1890 г. «Положением о морских лоцманах» (6784)⁸.

В найденных нами печатных вариантах этого документа содержится, однако, лишь две его части: «1. Постановления общие» и «2. Права и обязанности лоц-командира и его помощников». Возможно, что такое издание было допущено с тем умыслом,

⁴ Там же. Л. 13–14.

⁵ Там же. Л. 75–76.

⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 990. Оп. 9. Д. 1028. Л. 87.

⁷ О временных правилах для общества Николаевских лоцманов от 25 ноября 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VIII (1888). № 5577. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1890. С. 558–560.

⁸ Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII — начале XX в. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. С. 258–259.

¹ ЦГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 3. Д. 666. Л. 2.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 6 об.

что публиковались лишь значительно переработанные части Устава, прочие же положения, касающиеся лоцманов, лоцманских учеников и т.д., остались неизменными.

Так или иначе, в новом уставе указывалось, что общество николаевских лоцманов составляют: а) члены общества: лоцманский староста и лоцманы — старшие и младшие; б) лоцманские ученики. Число лоцманов и учеников устанавливалось в мере действительной потребности начальником лоцманского округа, о чем он должен был сообщать в ГГУ (п. 1).

Общество николаевских лоцманов, состоя под ближайшим начальством лоц-командира, находилось в административном, хозяйственном и дисциплинарном отношениях в непосредственном ведении командира николаевского порта, который по этому предмету непосредственно подчинялся начальнику Черноморского лоцманского округа (п. 2)⁹.

Лоцманам общества принадлежало исключительное право проводить мореходные суда, приходящие с моря через меридиан Суворовского маяка и следующие фарватерами Днепровского и Бугского лиманов и реки Южный Буг к Николаеву, Херсону и рейду пристани Глубокой, а равно обратно от этих мест до выхода в море через меридиан Суворовского маяка, для этого района взятие лоцманов общества для шкиперов мореходных судов устанавливалось обязательным. Лоцманам общества предоставлялось исключительное право принимать на себя провод судов по желанию шкиперов от Одессы до Очакова и обратно, а также провод судов, имеющих плавание в пределах Днепровско-Бугского лимана и рек, в него впадающих, т.е. судов, к стороне моря через меридиан Суворовского маяка не проходящих (п. 3).

⁹ Устав общества николаевских лоцманов. СПб.: Тип. Ломковского, 1902. С. 1.

Мореходные суда, приходящие с моря через меридиан Суворовского маяка, при следовании к Николаеву, Херсону и рейду пристани Глубокой, а равно к пристаням вблизи сих мест лежащих и обратно от них к выходу в море через меридиан Суворовского маяка, обязаны были брать лоцманов общества даже и в том случае, когда они велись на буксире и лоцманская плата взыскивалась с них в пользу Общества лоцманов, и в том случае, когда они уклонились от исполнения этой обязанности¹⁰. От этого обязательства были освобождены: русские коммерческие суда внутреннего плавания, за исключением идущих с казенным грузом; пассажирские пароходы, совершающие срочные рейсы между портами Черного и Азовского морей, взамен чего эти пароходы обязаны перевозить бесплатно лоцманов Общества, возвращающихся к своим станциям; пароходы, занимающиеся буксирным промыслом в упомянутых пределах; русские казенные суда разных ведомств; суда русских яхт-клубов и суда обществ спасения на водах.

Все перечисленные суда при этом имели право брать лоцманов по усмотрению за установленную плату, за исключением русских военных судов и судов Общества спасения на водах, которые следовало проводить бесплатно (п. 4).

При этом каждое из судов, подлежащих обязательному лоцманскому сбору, следующих на буксире у парового судна и уклонившихся от взятия лоцмана, должно было уплачивать половину сбора по таксе (п. 5).

Суда, казне не принадлежащие, а только по ее распоряжению зафрахтованные или подряженные частными лицами по делам казны, обязывались в обеспечение их груза брать лоцманов и подлежали уплате лоцманских сборов наравне со всеми прочими судами (п. 6)¹¹.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

Мореходные суда, не освобожденные по пунктам ст. 4 этого устава от обязательного взятия лоцмана, уплачивали лоцманский сбор по числу ластов их вместимости (нетто) в нижеследующих размерах:

а) за провод от меридиана Суворовского маяка до Николаева или обратно в один конец — по 11 коп. с ластва вместимости;

б) за провод от того же меридиана Суворовского маяка до Херсона и обратно в один конец — такой же сбор, как и по п. «а», т.е. по 11 коп. с ластва вместимости;

в) за провод от того же меридиана Суворовского маяка до рейда пристани Глубокой или обратно в один конец — 3/4 сбора, определенного в п. «а», т.е. по 8 1/4 коп. с ластва вместимости.

При этом рейдом пристани Глубокой считалось пространство Днепровского лимана к востоку до начала Днепровских гирл (примеч. 1) (п. 7).

Кроме обязательного взятия лоцмана согласно ст. 4 с уплатой лоцманского сбора, установленного ст. 6, шкиперы по желанию могли брать лоцманов для провода судов в следующие места:

а) от Одессы до Очакова и обратно с уплатой в один конец по 25 руб. с судна, независимо от его грузовой вместимости;

б) от Николаева (коммерческий порт) вверх по реке Буг до Вознесенска или обратно с уплатой в один конец полного сбора, установленного п. «а» ст. 6, т.е. по 11 коп. с ластва вместимости;

в) от Николаева (коммерческий порт) вверх по реке Буг до села Варваровки, села Червоного и Николаевского адмиралтейства или обратно с уплатой в один конец третьей доли сбора, определенного п. «а» ст. 6, т.е. по 3 2/3 коп. с ластва вместимости;

г) от Николаева вниз по реке Буг до пристаней, лежащих к северу от кос Волошской, Русской или обрат-

но с уплатой в один конец четвертой доли сбора, определенного п. «а» ст. 6, т.е. по 2 3/4 коп. с ластва вместимости;

д) от Николаева вниз по реке Буг до пристаней, лежащих по южную сторону кос Волошской и Русской, а также до рейда пристани Глубокой или обратно с уплатой в один конец половины сбора, установленного в п. «а» ст. 6, т.е. 5 1/2 коп. с ластва вместимости¹²;

е) от Николаева до Херсона или обратно с уплатой в один конец полного сбора, определенного п. «а» ст. 6, т.е. по 11 коп. с ластва вместимости;

ж) независимо от всего этого, если шкипер пожелал взять лоцмана для ввода судна в гавань и его ошвартования у пристани, то должен был платить за этот особый труд 5 руб. без различия величины судна, за исключением гаваней Одесского порта, где для этой цели действовали особые портовые лоцманы;

з) для обратного переезда лоцмана от одного из мест, означенных в п. «г» и «д», до той станции, с которой он был взят, шкипер должен был ему выдавать 2 руб., а для обратного переезда от Вознесенска или Херсона до той станции, с которой он был взят, — 5 руб. (п. 8).

При этом во всех упомянутых случаях предполагалось: 1) что шкиперы исключительно берут лоцманов на существующих лоцманских станциях; 2) что все суда, имеющие плавание в пределах Днепровско-Бугского лимана и рек, в него впадающих, не подлежат обязательному лоцманскому сбору по существу дела, если они не переходили к стороне моря за меридиан Суворовского маяка; 3) что все суда, входящие с моря в Днепровский лиман, и по силе исключений, содержащихся в ст. 4 данного устава, не освобожденные от лоцманского сбора, во всяком случае, подвергались упла-

¹² Там же. С. 4.

те этого сбора сообразно с местом их назначения: или как за провод до Николаева (или Херсона), или как за провод до рейда Глубокой пристани.

На обратном пути судна из Николаева шкипер по своему усмотрению мог взять лоцмана только до одного из пунктов на р. Буг или Днепровском лимане, мог его держать, уплачивая ему на основании ст. 107 устава за каждый день простоя по 5 руб., или же мог его не брать в Николаеве и следовать без него по всем пристаням р. Буг и Лимана, а потом снова взять его или не взять при вторичном заходе в Николаев или к пристани Глубокой, но, во всяком случае, на основании п. «а», «б» и «в» ст. 6 устава по прибытии сего судна к выходу из лимана, в Очакове, он обязательно доплачивал лоцманский сбор по расчету за полный переход в один конец от Николаева или от пристани Глубокой (примеч. 1).

Вышеозначенная такса (ст. 6 и 8) вводилась в действие сроком на 3 года, после чего должна была быть пересмотрена Управляющим морским министерством по соглашению с министрами финансов и внутренних дел (примеч. 1)¹³.

Для безостановочного снабжения мореходных судов лоцманами Общества имело три лоцманских станции: одна в Николаеве, другая в Очакове и третья в Одессе. Кроме того, с углублением подхода к Херсону общество обязывалось открыть, если это могли признать нужным, и четвертую станцию в Херсоне (п. 9).

На общество лоцманов возлагалось для успешного исполнения им своих обязанностей заводить и содержать по мере средств все необходимое, как то: пароходы, паровые катера, гребные суда, лоцманские боты, спасательные снаряды и пр. (п. 10).

Лоцманы на станции в Одессе должны были выезжать на рейд на су-

да, не заходящие в гавань, не иначе как по их требованию посредством сигнала или поднятия лоцманского флага. Приводимые же ими суда на одесский рейд вводились в гавань и устанавливались там, а равно и выводились из гавани особыми лоцманами одесского порта (п. 11). Лоцманы на станции в Очакове должны были встречать суда, идущие с моря не ближе полумили за черным баканом, поставленным у оконечности Кинбургской косы (п. 12). В Николаеве суда проводились на рейд Поповой балки и вводились в порт для установки к пристани лоцманами общества по указанию портового начальства (п. 13). В Херсоне же суда следовало приводить на рейд против города (п. 14)¹⁴.

Лоцманы обязаны были проводить суда Очаковским каналом только тогда, когда осадка их была на пол фута менее наименьшей глубины канала, указываемой на мачтах сигнальных станций в Очакове и Парутино, а также на Аджигольском плавучем маяке (п. 15).

Лоц-командир и члены лоцманского Общества обязывались наблюдать за исполнением предписанных правил судоходства в районе своих вод и о всяком нарушении этих правил должны были по возможности немедленно сообщать своему начальству. В свою очередь, о любом нарушении судоходства лоц-командир обязывался немедленно сообщать «подлежащей власти» (п. 16).

Безусловно, что на обязанности всех лиц, служащих в обществе, лежало своевременное принятие всевозможных зависящих от них мер как для предупреждения угрожающей какому-либо судну опасности, так и для спасения терпящих бедствие судов и людей. О всяком случае бедствия или аварии лоц-командир обязан был донести подлежащей власти для соответствующих распоряжений (п. 17).

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 8.

На лоцманских станциях и на судах общества лоцманов следовало поднимать «лоцманский флаг», используемый русскими военными судами для призыва лоцманов. Кроме того, для парусов лоцманских ботов устанавливались отличительные знаки: красная полоса по середине паруса и крупно написанный № бота (п. 18)¹⁵.

Как и всякая государственная организация, общество лоцманов имело свою печать с гербом Российской империи и надписью вокруг герба «Общество Николаевских Лоцманов» (п. 19).

Отдельно устав 1902 г. устанавливал права и обязанности лоцманского командира и его помощников. В нем указывалось, что лоцманский командир общества являлся одновременно распорядителем работ по постановке вех и баканов и Лоцмейстером Очаковской дистанции, назначался из флотских или штурманских офицеров, как находящихся на службе, так и отставных опытных в кораблевождении и гидрографических работах.

Под руководством лоцманского командира исполнялись обществом лоцманов все лоцмейстерские обязанности в районе Очаковской дистанции.

Лоцманский командир избирался Главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря по соглашению с командиром Николаевского порта и назначался приказом по морскому ведомству (п. 20).

Лоцманский командир обязан был заботиться о немедленной подаче помощи судам, терпящим бедствие или аварию, и отдельным утопающим людям. Обо всех случаях бедствия судов в районе его деятельности лоцманский командир должен доносить командиру Николаевского порта (п. 21)¹⁶.

Он также обязан был заботиться об исправном снабжении фарватеров, затонувших судов и других

опасностей в районе своей лоцмейстерской дистанции перед началом навигации летними предостерегательными знаками и по окончании ее — зимними, постоянно наблюдая за целостностью и нахождением их на своих местах, в особенности после крепких ветров и ледохода, и немедленно восстанавливать их лично или через своих помощников и подчиненных лоцманов, донося всякий раз о замеченных неисправностях директору маяков и лоции Черного и Азовского морей.

Лоцманский командир в случае поручения обществу лоцманов ограждения фарватеров, не входящих в район Очаковской дистанции, должен был наблюдать, чтобы предметы по лоцмейстерской части были в исправности и в достаточном количестве, для чего следовало заявлять своевременно о требующихся предметах или исправлениях их тому ведомству и учреждению, которому принадлежали ограждаемые лоцманами воды. Это же ведомство или учреждение обязывалось отпускать знаки ограждения и их принадлежности и по мере надобности давать средства для постановки и снятия ограждений (п. 23).

Лоцманскому командиру вменялось также в обязанность наблюдать за исправным состоянием всех футштоков, установленных в районе действия общества, с ежегодной проверкой высоты их нулей сравнительно с высотой постоянных береговых марок с помощью нивелирования (п. 24)¹⁷.

На лоцманского командира возлагалось наблюдение за верностью показания наименьших глубин Очаковского канала на сигнальных мачтах в Очакове и Парутино. Показания эти должны были дублироваться (репетуемы) на Аджигольском плавучем маяке и объявляемы в Николаеве, для чего их следовало сообщать по телеграфу в Парутино и Николаев (п. 25).

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

На лоц-командира Главным гидрографическим управлением через главного командира Черноморского флота и портов Черного моря могло возлагаться руководство и другими работами по части метеорологии, гидрологии и гидрографии, как то: разные наблюдения, промеры, невелировки, сигнальная часть, маячная и пр. (п. 26).

Под наблюдением лоц-командира велись на лоцманских станциях в продолжение всей навигации лоцманские журналы, в которые ежедневно следовало заносить: а) сведения о пришедших и отошедших судах с точным указанием времени прихода на рейд и отхода судов; б) особые случаи на рейдах и по всему району лоцманских действий, к ним относящихся; в) жалобы шкиперов на лоцманов и, наоборот, лоцманов на шкиперов.

Шнуровые книги для ведения журналов и приходно-расходные книги заготавливались за счет общества и представлялись лоц-командиром для засвидетельствования командиром порта, в начале каждого года и по окончании навигации предоставлялись на ревизию особой комиссии, назначенной для этого командиром порта (п. 27) (с. 12).

На лоц-командира возлагался надзор лично и через помощников и старосту лоцманов за исправным содержанием всего общественного лоцманского имущества, для этого составлялись и велись под надзором лоц-командира подробные описи судов, строений и движимого общественного лоцманского имущества с расценкой всего имущества (п. 28).

Лоц-командиру предоставлялось с разрешения начальника Черноморского лоцманского округа, испрашиваемого посредством командира Николаевского порта, производить покупку необходимого для общества движимого и недвижимого имущества, а равно и продажу с торгов или

хозяйственным способом ненужного для общества имущества (п. 29).

Также именно лоц-командиру предоставлялось нанимать способных людей на должности: письмоводителя, машинистов, кочегаров, сторожей, гребцов и пр. обязанностей, до лоцманского дела относящихся, с платой им по соглашению, но с тем чтобы общая годовая стоимость содержания этих лиц была включена заблаговременно в представляемую ежегодно на утверждение смету и число наемных лиц согласовывалось бы с действительной потребностью (п. 30)¹⁸.

Лоц-командир сам лично, а также через помощников своих и старосту лоцманов должен был наблюдать за поведением лоцманов и лоцманских учеников как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне службы и вести штрафной журнал, в котором обозначались проступки лоцманов и учеников и наложенные на них взыскания. Книга для штрафного журнала также заготавливалась лоц-командиром и свидетельствовалась на общем основании командиром Николаевского порта (п. 31).

Лоц-командир должен был распределять лоцманов по станциям так, чтобы не было задержки в снабжении лоцманами судов, и наблюдать за точным исполнением ими своих обязанностей (п. 32).

К концу каждого года лоц-командир должен был представлять составленную по приговору общества смету всех предстоящих в течение следующего года неопределенных штатом расходов по всем надобностям лоцманского общества и общественного имущества. Смета эта по рассмотрении командиром порта Николаева предоставлялась на утверждение начальнику лоцманского округа. По утверждении сметы лоц-командир руководствуется ей, не выходя из ее предела, но с правом перевода по приговору общества

¹⁸ Там же. С. 13.

в случае нужды сумм из одной статьи сметы в другую. На мелкие непредвиденные расходы лоц-командиру позволялось своей властью допустить расход не более 500 руб. в год. Однако по израсходовании этой суммы или на покрытие более крупных непредвиденных расходов лоц-командир должен был запрашивать разрешение командира порта, представляя ему о том приговор общества (п. 33)¹⁹.

Также лоц-командир обязан был ежегодно, по окончании навигации, представлять через командира порта, начальнику лоцманского округа полный отчет о деятельности общества в навигационное время. В отчетах этих обозначалось: а) число проведенных судов; б) сумма, полученная за провод; в) случаи аварий; г) о движимом и недвижимом имуществе; д) о денежных капиталах общества; е) о числе состоящих в Обществе лоцманов и лоцманских учеников (п. 34).

Лоц-командир в зимнее время мог увольнять в отпуск с сохранением содержания не более половины всего числа лоцманов, в летнее же время в течение навигации мог увольнять каждого лоцмана не более как на 10 дней. На более продолжительные сроки лоцман во время навигации мог быть увольняем не иначе, как лишением содержания от общества (п. 35).

За проступки старосты, лоцманов и лоцманских учеников, не влекущие за собой предание суду, лоц-командир имел право налагать на них взыскания: а) денежный штраф в размере не свыше 5 руб.; б) арест до 3-х дней; в) перечисление лоцманов из разряда старших в разряд младших; г) увольнение из Общества (п. 36)²⁰.

Помощники лоц-командира являлись его ближайшими сотрудниками по управлению лоцманским обществом, и во время отсутствия лоц-командира один из них должен был исполнять его обязанности. По-

мощники избирались из отставных офицеров флота или корпуса флотских штурманов, а равно и лиц, имеющих звание шкипера или штурмана дальнего плавания, и утверждались приказом по морскому ведомству.

Помощники лоц-командира получили право за проступки лоцманов и лоцманских учеников налагать на них такие взыскания: а) денежный штраф до 3 руб.; б) арест на один день. О наложенных взысканиях помощники лоц-командира должны были доводить до его сведения (п. 37).

На помощников лоц-командира возлагались такие обязанности: расставлять по указанию лоц-командира предостерегательные знаки в районе действия лоцманов, производить промеры лоцмейстерских вод, метеорологические наблюдения и вообще все гидрографические работы, какие только могли потребоваться. Также на одного из них могла быть возложена обязанность прихода-расходчика и ведения всей денежной и материальной отчетности по обществу (п. 38)²¹.

Как видим, уставом 1902 г. николаевских лоцманов получила свое закрепление должность лоц-командира с уточнением его полномочий и подчиненности, взаимоотношений с прочими ведомствами. Обязанности как лоц-командира, его помощников, да и всего общества были уточнены и приведены в соответствие с требованиями времени. В то же время ввиду наличия по стране значительного количества лоцманских обществ с индивидуальными уставами нельзя было добиться полной унификации их работы и сотрудничества с прочими ведомствами.

Можно указать и на то, что последний имперский Устав общества николаевских и херсонских лоцманов был утвержден морским министром генерал-адъютантом Григоровичем 17 октября 1914 г.²²

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Там же. С. 16.

²² Устав общества николаевских и херсонских лоцманов. Пг., 1914. 45 с.

Литература

1. ЦГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 3. Д. 666.
2. ЦГА ВМФ. Ф. 990. Оп. 9. Д. 1028.
3. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII — начале XX в. / Б.В. Змерзлый. Симферополь : Предприятие Феникс, 2014. С. 258–259.
4. Устав общества николаевских лоцманов. Санкт-Петербург : Тип. Ломковского, 1902. 16 с.
5. Устав общества николаевских и херсонских лоцманов. Петроград, 1914. 45 с.

References

1. TsGA VMF. F. 404. Op. 3. D. 666 [The Central State Archive of the Navy. Fund 404. Series 3. File 666].
2. TsGA VMF. F. 990. Op. 9. D. 1028 [The Central State Archive of the Navy. Fund 990. Series 9. File 1028].
3. Zmerzly B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII — nachale XX v. [Legal Regulation of Merchant Shipping in the Black Sea and Azov Region in the Late XVIIIth to the Early XXth Century] / B.V. Zmerzly. Simferopol : Predpriyatie Feniks — Simferopol : Phoenix Enterprise, 2014. S. 258–259.
4. Ustav obschestva nikolaevskikh lotsmanov [The Articles of Association of the Society of Nikolaev Pilots]. Sankt-Peterburg : Tip. Lomkovskogo — Saint Petersburg : Lomkovskiy's printing office, 1902. 16 s.
5. Ustav obschestva nikolaevskikh i khersonskikh lotsmanov [The Articles of Association of the Society of Nikolaev and Kherson Pilots]. Petrograd — Petrograd, 1914. 45 s.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект
«Библиотека юридического вуза» на второе полугодие 2019 года**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».
В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru